Те Места, Где Королевская Охота[Книга 1]

Мир книги - 2

Сергей Сергеевич Лифанов
Инна Валерьевна Кублицкая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Когда мы задумывали цикл "Книжный мир", нам казалось жутко неинтересно, что продолжения циклов как правило, эксплуатируют один и от же мир и одних и тех же героев от пеленок, что называется, до гробовой доски. А все, что мы хотели сказать о Таласе и Империи, мы сказали в Приюте изгоев, и продолжать, что там будет с Эйли и Менкаром после свадьбы — уже не входило в наши намерения. А мир-то получился достаточно интересный, и бросать его не хотелось. И мы отодвинулись где-то на век-полтора, попали из средневековья в эпоху, соответствующую европейской конца 18 века, добавили прибамбасов их Таласа, пригласили на представление любимых актеров 20 века — и нате вам приключения юной провинциальной актрисы, не менее юной провинциальной мещанки и студента Политехнической школы в Столице Империи среди аристократов, колдунов и секретных спецслужб".

- Сергей Лифанов
  - ○
  - ○ PRELUDIUM
  - ○ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
    - ■ ГЛАВА ПЕРВАЯ
      - ■ начало
      - ■ 1
      - ■ 2
      - ■ 3
      - ■ 4
    - ■ ГЛАВА ВТОРАЯ
      - ■
      - ■ продолжение 1
      - ■ 5
      - ■ 6
      - ■ 7
      - ■ 8
      - ■ 9
      - ■ 10
      - ■ 11
    - ■ ГЛАВА ТРЕТЬЯ
      - ■
      - ■ продолжение 2
      - ■ 12
      - ■ 13

- 14
- 15

- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  -
  - продолжение 3
  - 16
  - 17
  - 18

- ГЛАВА ПЯТАЯ
  -
  - продолжение 4
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

Сергей Лифанов
Инна Кублицкая
Те Места, Где Королевская Охота
(Мир Книги — 2)

Лучший данайский дар — троянский конь
Приписывается Арканастру

PRELUDIUM
ЧТО ТЫ ДЛЯ МЕНЯ

Тук! Тук! Тук!

Медный дверной молоток в форме дракона, кусающего свой хвост, кажется, никто от начала времен не начищал, и он был покрыт такой зеленью, что при одном взгляде на него хотелось тщательно помыть руки. На белой перчатке, держащей его, останется след, но это и замечательно! Все до одного братья хранят в самых укромных местах свои первые белые перчатки, чуть испачканные в благородной зелени веков — знак причастия к ордену. Потом, после посвящения, ему выдадут специальный холщовый мешочек для этого. Простой холщовый мешочек, вроде кисета… Впрочем, трепетно это только для новичка.

«Знак посвящения» будет заметен только при дневном свете; сейчас же его никто не видит и ни о чем не задумывается. Пока.

Пока взволнованный предстоящим новичок, которого подвели к двери двое старшин, нетерпеливо ожидает ответа из–за двери, забыв от волнения, что по ритуалу он должен постучать еще раз, и один из старшин успокаивающе трогает его за рукав и кивает головой на молоток. Тот вспоминает и торопливо спешит снова запачкать перчатку.

Тук! Тук! Тук!

Сильный голос, заполняющий собой, кажется, всю небольшую и совершенно пустую, если не считать двух дверей, комнату такого обычного с виду городского дома, доносится словно со всех сторон сразу:

— Кто здесь?

От неожиданности у новичка дрогнули колени, и тот же старшина ободряюще поддержал его за локоть.

— Младенец в этом мире, — ответил другой.

— Пусть он войдет! — повелел голос.

Старшины отступили от новичка. Один из них завязал черным платком его глаза, другой таким же платком связал за спиной руки; камзол и жилет с него сняли перед самым началом церемонии, прежде чем вести сюда, в преддверие святая святых; сейчас же ворот рубахи расстегнули, обнажив чуть чаще, чем новичку хотелось бы, вздымающуюся грудь.

С лязгом отворилась дверь, и знакомый голос шепнул над ухом: «Прямо вперед» — и он пошел прямо вперед, глупо считая шаги.

Когда он насчитал их двадцать три, его опять остановили.

— Зачем явился он? — пророкотал громовой голос.

— В поисках истины, — отозвался первый и, в который раз опять не узнав своего голоса, незаметно ухмыльнулся.

Еще через девятнадцать шагов голос спросил:

— Готов ли он ее познать?

— Иначе бы он не стоял здесь, — сказал тот, что шел справа — он поручился за новичка, ему было и отвечать.

Шестьдесят один шаг…

— Чем заплатит он за истину? — допытывался голос.

— Жизнью! _ хором сказали оба, и первый подумал: «Чьей, интересно, на сей раз?».

Ровно восемьдесят…

— Пусть войдет! — повелел голос.

«Но я ведь уже вошел», — подумалось новичку, но Ритуал есть Ритуал — не ему его обсуждать.

И он пошел вперед…

Шагов насчиталось более сотни, в голове мелькнуло: «Сто восемьдесят шесть шагов, почти сто тридцать девять ярдов. Какой длинный коридор! И больше никто ничего не спрашивает. Пока не спрашивает», — напомнил он себе.

Ритуал ведь еще не был выполнен.

Тихий голос снова шепнул: «Сейчас будет спуск, осторожно». Он кивнул — хорошо, — с обеих сторон его снова крепко взяли за локти, и спуск начался.

Новичок насчитал двадцать одну ступеньку, прежде чем ступил на ровную поверхность.

Слух его уловил перемену: вокруг было по–прежнему тихо, но это уже была тишина большого помещения с высокими потолками, под которыми едва слышно шелестели призраки неслышных звуков, невольно издаваемых множеством находящихся здесь людей, сейчас неподвижных и безгласных.

Локти отпустили, прошуршали одежды — он остался один.

Он переступил с ноги на ногу, но тут же замер — в грудь холодно кольнуло. И тот, кто приставил к его груди острие сабли, произнес резко:

— Стой! Дальше нет пути!

— …ОЙ!..Й…Й-й… И!..И…И-и… — затухая, пронеслось по потолку эхо, разгоняя призраки.

Испытуемый сглотнул.

— Я должен пройти, — ответил он, как должен был ответить, как его учили.

— Чем ты готов пожертвовать за право войти сюда? — голос был холоден, как и острие шпаги.

— Своей кровью! — выкрикнул новичок и весь напрягся.

Эхо его голоса не успело заблудиться где–то вверху, а острие сабли уже пришло в движение и, совершив замысловатый танец, чиркнуло по обнаженной груди новичка, оставив на коже едва заметный свой след — тот даже не вздрогнул, — и кровь несколькими каплями, словно нехотя, выступила в надрезе, защекотав кожу.

Коротко взвизгнула сталь, убираемая в ножны, и прежний грозный голос сказал торжественно:

— Проходи, младенец! — Сейчас — или новичку это только казалось? — он звучал не так грозно, более обыденно, что ли, — перед тобой открыт новый Мир, новый Путь! Открой же глаза, *брат*!

И сразу все переменилось. Призраки звуков обрели плоть, а когда испытуемый, руки которого — он и не заметил как — оказались свободными, снял повязку с глаз, ожили и цвета и образы.

У него моментально закружилась голова, но через секунду он увидел перед собой освещенный множеством огней просторный зал, в зеркальных стенах которого многократно, до потери ориентации, отражались, множась, толпы людей. Все они были в одинакового кроя плащах с глубокими капюшонами–клобуками, полностью закрывавшими лица — лишь два овальных выреза для глаз позволяли скрывающимся видеть. В расцветке этих плащей прослеживалась единообразная пестрота: они были пошиты из желто–красно–черного шелка; такая ткань именовалась «змеиной» и последние годы начала входить в моду. У многих головы поверх капюшонов были охвачены латунными обручами в виде змей со вправленными в глазки зелеными камнями.

И все приветствовали новичка:

— Здравствуй, безымянный младший брат! Ты вступил в Орден Полоза!

Он стоял справа от сияющего от восторга и щурящегося от света новообретенного брата в Полозе, как и полагается по ритуалу наставнику–поручителю, и произнес эти слова вместе со всеми и с подобающем случаю подъемом. Но смотрел он на происходящее сквозь прорези своего капюшона со скукою. И уж тем более, никак не мог он разделить восторженного энтузиазма самого новообретенного брата, своего давнего приятеля и протеже. Впрочем, не очень–то и протеже, хотя, конечно, это он рекомендовал его… Ну не то чтобы рекомендовал, а тот сам напросился… Да и не то, чтобы напросился… Словом, тут не все так просто, но короче так: его попросили, он рекомендовал, парень обрадовался чести — и все довольны.

Тем временем церемония двигалась своим чередом:

пожимались облаченные в белые перчатки руки, произносились торжественные слова, звучали поздравления, приветствия…

«Да, брат студиозус, — думал он, самолично облачая радостно улыбающегося новичка в плащ полоза, нахлобучивая на голову капюшон (обруч–змею ему еще рановато, у него еще и имени–то нет, а обруч ему вручат попозже, когда пройдет испытание и из младшего брата, то бишь, брата–на–побегушках, станет он братом полноправным), хлопая его по плечам, обнимая и говоря положенные слова ободрения. — Да, — мысленно благословлял он неофита по–своему, — радуйся, дружище. Ты теперь *брат*. Ты приобщишься к Пути, который ведет в прекрасный новый Мир… Приведет когда–нибудь, жаль вот только, что в это время прекрасное… Но ты не расстраивайся, ведь ты и не догадаешься об этом. Хотя… Хотя другого бы мне не предложили рекомендовать в Орден. — («Твой друг нужен Ордену», — сказал тогда ему сам носбит, и он, поклонившись, принял к исполнению. Обработать того труда не составило: парочка задушевных бесед под парочку бутылочек дешевого винца, парочка — «только ты никому, это между нами…» — брошюр смутного содержания, парочка намеков о том, что где–то что–то существует, короткая серьезная беседа с намеком «я могу помочь, но сам понимаешь…» — и неофит готов; на все про все парочка же месяцев.) — И вот ты стоишь, сияешь гордостью. И, попустите Небеса, если твое членство в Ордене ограничится нешумными сборищами с неизменным маскарадом, кропениями над малопонятными древними текстами, побуквенное разбирательство с текстами новыми, свеже, так сказать, испеченными, знакомством с приятными, умными и — что не менее ценно! — порой влиятельными собеседниками, доступом к запретным знаниям и прочими иными удовольствиями для ума, души и… хм… тела. И да не постигнет тебя разочарование! И да не убоись…»

Новообретенный брат, тем временем, обойдя в сопровождении второго старшины весь амфитеатр, уже стоял рядом и с трепетом — еще бы! — ожидал начала второго акта действа, более важного и более, так сказать, потаенного. Интимного, можно сказать.

А пока…

К ним уже шел сам носбит: точно в таком же плаще, с таким же обручем, но он–то давно научился различать его походку и, кажется, мог бы узнать его без плаща, в толпе, на улице… если бы не боялся. Ему даже порой чудилось, что он узнает этот голос, эту походку, эти манеры — и тогда он старался держаться подальше. Не всех братьев во Полозе он хотел бы видеть вне собраний — и

менее всех именно самого верховного носбита, старшего брата из всех братьев.

— Здравствуй, брат, — сказал ласковый голос из–под капюшона.

— Здравствуйте, старший из старших братьев, — ответил он и поклонился.

При этих словах новичок быстро повернул свои прорези к беседовавшим: как же, сам верховный подошел поприветствовать его! Немножко не по правилам, но какая честь!

— Здравствуй и ты, новообретенный брат, — сказал голос носбита еще более ласково. — Позволь поздравить тебя с причастием. Уверен, что ты будешь достойным братом и оправдаешь надежды, которые питаем мы относительно тебя.

— Я приложу к этому все свое усердие, старший из старших братьев! — горячо заверил неофит, голос его дрожал от волнения.

— Верю, что будет так, — ласково ответил носбит. — Позволь мне забрать твоего поручителя. У ордена к нему неотложное дело.

— О! Конечно, — горячо воскликнул новичок.

— Взамен я предложу тебе, — продолжал носбит, не обращая внимания на восклицание, — другого провожатого. Брат–проводник! — Носбит поднял руку, и от толпы отделилась фигура в таком же, как у прочих, плаще, но тонкая и вроде бы женская. На груди подошедшего брата–проводника был знак откровения: золотой глаз с красным камнем вместо зрачка. Новичок еще не знал, что означает сие, хотя глаз «знака откровения» живо напоминал некую другую деталь тела (располагался «глаз» не горизонтально, а вертикально и зрачок был скошен к верхнему краю), чего он сразу же устыдился и, наверное, густо покраснел под капюшоном. И напрасно.

— Проводите новообретенного брата нашего во Полозе, — рука носбита указала, кого именно, — и покажите ему все, что положено.

— Да, старший из старших братьев, — ответил… нет — ответила!.. подошедший, чуть кивнув капюшоном, и у новичка чуть не подкосились ноги: брат точно оказался сестрой! Причем, судя по голосу, сестрой молодой и, наверное, привлекательной.

— Не волнуйся, безымянный брат, — носбит положил на его плечо руку в белой перчатке, и от этого легкого прикосновения по телу неофита прошла теплая успокаивающая волна, голова совершила быстрый легкий круг и вернулась на место — очищенная и успокоенная. Носбит сказал удовлетворенно: — Вот так. Иди с братом–проводником и ничему не удивляйся. Это часть, важная часть Ритуала, — заключил он. («И весьма

приятная», — добавил про себя поручитель новичка.) — Затем ты присоединишься к нам, и мы поговорим о делах.

— Идем, безымянный брат, — поклонился брат женского пола к новичку. — Я покажу тебе нашу обитель, — рукав плаща изящно обвел вокруг, — мы закончим Ритуал, и ты обретешь имя, — сказала брат с такой интонацией, что у новичка снова прошел холодок по спине.

«Эх, если бы не этот капюшон… Если бы не капюшон, я хоть подмигнул бы тебе, а так… — подумал поручитель. — Ничего, сейчас сам все узнаешь. Когда брат–проводник приведет тебя в «комнату откровений». Просторное ложе под тонким балдахином, снова черные ритуальные ленточки, только на сей раз уже на руках и ногах, черные же маски с прорезями для глаз и рта — не только для того, чтоб не задохнуться, ох далеко не только! — и более ничего… Вернее, наоборот: все. Все, друг студиозус!.. Тебе, дружище, и делать–то самому ничего не придется. Ну, практически ничего. Кроме того, чего самому захочется, свежеиспеченный брат мой во Полозе. Остальное брат–проводник сделает сама. Она очень опытный и искушенный в этих вопросах брат. Ты даже не подозреваешь, насколько опытный и искушенный…»

Носбит проводил двух братьев глазами, и он мог бы поклясться, что тот тоже думает о том же.

Впрочем, о том же думали и прочие братья, начиная с самых младших, только недавно прошедших через «комнату откровений», и кончая старшими (даже вот, оказывается, старшими из старших), кто в «комнате откровений» бывал не раз, еще при прежнем брате–проводнике, и мог сравнивать…

— Идем и мы, брат, — напомнил носбит, обернувшись.

— Я готов, старший из старших братьев, — кивнул он.

Они прошли мимо рассредоточившихся по зале и собравшихся в группки братьев — их уже стало несколько меньше, разбрелись по своим обычным делам. Он шел, кивая знакомым, которых узнавал по знакам, и думал, что сам бы тоже не прочь сразу же пойти по своим делам, да носбит вот…

Так они прошли сквозь весь зал и, поднявшись по лестнице, двумя ярусами выше и оказались в комнате малых собраний, где уже прохаживались, пробовали заготовленные заранее младшими братьями для братьев старших блюда и напитки (как это происходило с надетыми на голову капюшонами, его всегда забавляло, и было зрелищем даже поучительным — особенно в смысле принятия напитков), раскланялись, и все начали рассаживаться.

Он тоже прошел на свое место, не самое главное за этим

столом, хотя с большим бы удовольствием поднялся сейчас еще на один пролет лестницы.

Туда, где находилось то, ради чего больше года назад он и вступил в Орден. То, знание о чем постоянно томило его, когда он слушал на лекциях высокопарные слова о невозможности подобного, или, в крайнем случае, об отдаленности возможности осуществления того, с чем он работал — и с каким удовольствием работал! — едва ли не каждый день. Знание, которым он не смел и не мог поделиться. И это было ему невыносимо — ведь за возможность наблюдать невозможное для других, за возможность самому участвовать в невозможном, он вынужден был платить молчанием под угрозой смерти. Однако вовсе не смерть страшила его. Если бы ценой этой он мог бы добиться гласности, он бы рискнул! Но в том–то и дело, что риск был бы бессмыслен — он просто не мог никому — кроме, разумеется, самих посвященных братьев, — рассказать достаточно для того, чтобы его сумели понять — или хотя бы поверить ему! — до того как он успеет умереть. А значит, смерть эта будет пустой и напрасной, и кому она такая нужна?

Уж точно не ему.

«Когда–нибудь это все равно произойдет, — подумал он. — Только, видимо, не скоро. Будем надеяться, что до этого момента произойдет что–нибудь еще, что–нибудь такое, от чего минет меня чаша сия». А что ему оставалось, как ни надеяться?

От греховных мыслей его отвлек голос носбита, сообщившего, что считает сегодняшнее высокое собрание открытым, и он привычно приготовился скучать.

Только вот никто не знал, что произойдет это так желаемое им «что–нибудь такое» гораздо раньше, чем он надеется.

И гораздо раньше, чем многим, даже ему пока еще неизвестным людям, того бы хотелось.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
МУЗЕУМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПОДСТУПЫ

начало

Майор Гиеди в полном боевом лежал на прогретой жарким весеннем солнцем, но все же влажной еще земле за каменной скамьей (той, на которой пару дней назад беседовали Хастер с Алики, но этого он, конечно, знать не мог) и смотрел на каменные ворота въезда в Музеум.

Вообще–то здесь ему было не место. По идее он должен был сейчас не загорать в жидком тенечке, а сидеть во–он в том неприметном здании за узорной кованой оградой, где расположился временный штаб операции, и с помощью ботисар наблюдать за действиями своих ребят со стороны. Но он сам вытребовал для себя эту залежку за скамейкой, когда с несвойственной его натуре экспансивностью орал: «Какого Ахи я должен торчать здесь! Я знаю весь план, я знаю, что надо делать, я, и только я, должен распоряжаться моими ребятами на месте!» И эрст–резидент, на которого Гиеди и не смотрел вовсе (орал майор на ягд–генерала Ирсуса, старшего егеря Королевской Охоты, — на эрст–резидента орать не позволяла субординация) сказал: «Успокойтесь, майор, вы правы». И вот майор валяется в прелой прошлогодней листве, греет на весеннем солнышке косточки своего еще вполне нестарого организма, хотя предпочел бы что–нибудь вроде дождичка с густым туманом, и смотрит на ворота и ждет.

А два часа назад он и вовсе не думал о том, чтобы полежать на пробивающейся травке. Он сидел у себя в теплом подвале, слушал сквозь пуховые наушники приглушенный треск выстрелов, вдыхал привычный пороховой аромат, смешанный с приятным запахом свежесваренного кофе — словом, принимал очередной зачет по пулевой стрельбе у третьего отделения экипажа поручика Гайала. Сам поручик уже отстрелялся (девяносто шесть из ста) и чистил новенький барабанный аркебузет, ревниво отслеживая успехи своих подчиненных. Через час его экипажу надлежало выехать на учения за город, где в одной полуразрушенной вилле им предстояло отработать контакт с другим экипажем в условиях максимально приближенных к рабочим. Второй, «вражеский» экипаж уже с утра был на позициях, изучал обстановку на месте и готовился без дураков отражать атаку штурмовиков Гайала, а кассетники, снаряженные

болтами с тупыми наконечниками, аркебузеты и так называемые «револьверы», барабанные самозарядные аркебузеты вроде того, который чистил сейчас Гайал, только патронированные малозарядными патронами с каучуковыми пулями, броневые жилеты и прочая надобная амуниция, принадлежащая его экипажу, вплоть до аптечек и перевязочного материала, грузились уже в пролетки. Синяки над треснутыми ребрами, подбитые глаза, вывихнутые лодыжки и прочая рутина — максимум, что ожидало ребят Гайала после этой загородной прогулки, — обыкновенное дело.

Но два часа назад в здание Музеума вошел подпоручик Арлан Стерхи, еще через полчаса связь с ним и еще тремя агентами, работавшими там с самого утра и вообще не первый день, была потеряна. И не было ее уже битый час, с тех пор, когда Гиеди и его ребята вместе с егерями Королевской Охоты на четырех пролетках (двух своих и двух наемных) примчались сюда, осторожно двигаясь от периферии, беспрепятственно и скрытно распределились в парке на подходах к зданию и заняли свои позиции вокруг здания, из которого подпоручик так и не вышел.

И никто не входил и не выходил, несмотря на самый разгар обыкновенного буднего дня. Никакого движения за воротами не наблюдалось вообще. Это было необычно для нормального течения событий и потому тревожно.

Необходимо было что–то предпринять, и было принято решение начать проникновение. Или штурм — это как выйдет.

К началу операции все было уже готово. Снаружи — двое справа, двое слева от арки въездных ворот — в черном почти неразличимом на фоне стены камуфляже и закрывающих лица таких же черных масках с кассетниками наизготов прижались к стене ребята экипажа Гайала. Еще несколько человек в еще более экзотическом снаряжении тихо копошились, почти такие же невидимые, в подступавших к стене кустах и примыкающих вплотную к башне бывшего монастыря каруитов, а ныне Его Императорского Величества покровительства Политехнического Музеума и Библиотеки — это были таласские «хайры». И до полусотни егерей Охоты изображали из себя, подобно Гиеди, кочки и кучи старого мусора вокруг, контролируя все возможные пути отхода и подхода к самому зданию и из него.

Его ребята ждут подхода отвлекающей группы, а «хайры» уже работают: вон один уже ползет по стене. Красиво ползет, не медленно, и верно. Чисто паук! Мелкий какой, и руки длинные. Да еще в каком–то плаще, что ли… Натренировались они там у себя на Стене. «Интересно, — подумалось Гиеди, глядя на четкие движения ползущего, — а правду говорят, что у них в роте и сами

хайры есть, или слухи?» Ползущий сделал какое–то движение, и на миг из–под плаща показалось его лицо. Нет! Не лицо — морда!

«Благословенны Небеса! Аха и Арканастр!..» — Майор добавил от себя еще несколько сочнейших выражений, да таких витиеватых, что если бы кто услышал их произнесенными вслух, то мог бы и не поверить, что благородный барон Гиеди может такие слова знать. Это и была самая настоящая хайра! Самая настоящая летающая обезьяна!.. Так вот что за корзину притащили с собой таласары. Здоровенный такой плетеный короб был. Надо же!

Гиеди сплюнул и, извернувшись, глянул на часы. Пора бы уже. Где же эта чертова пролетка?! Уснули они, что ли!

И тут же, как по приказу, с Северо–восточной дубравы свернула и въехала в парк пролетка. Хорошая такая пролетка, с поднятым пологом, прочными подножками и крепкими задниками. Она неспешно прокатилась по дорожке, но не остановилась, как обычно бывает, на небольшой площади перед аркой, а лишь замедлив ход в створе ворот, въехала во двор Музеума, что в общем тоже не возбранялось, и подкатила к самому крыльцу.

Прижавшихся к стене черных теней стало вдвое меньше — один агент распластался на заднике коляски, второй прицепился сбоку, как раз с того, который был не виден от дверей, на подножке. Оставшиеся тоже тут же испарились — скользнули в ворота под прикрытием коляски и исчезли в маленьком флигельке, приютившимся за поднятыми воротами.

Из коляски бодро выпрыгнули двое студентов и, весело болтая, стали подниматься по лестнице. Кажется, они были немного подшофе.

Едва они скрылись в дверях, как парк ожил. Будто прямо из–под земли, из жиденьких кустов, из–за чахлых корявых вишен, во множестве росших в парке, за которыми человеку ни спрятаться ни укрыться, разом и вдруг возникли черные, тут и там припорошенные землей с островками свежей травки, перепрелыми листьями и утыканные веточками тени — словно ожили привидения тех древних времен, когда таинственные каруиты исполняли в своем монастыре странные и страшные обряды, принося жертвы давно проклятым и забытым ложным божествам и, если верить легендам, хоронили своих мертвецов тут вот, в нынешнем парке. Как и положено привидениям невинно убиенных, тени бесшумно и целеустремленно, но несвойственными призракам короткими перебежками — от деревца к деревцу, от куста к кусту — стали стекаться к проему ворот. Но входить не спешили, затаились под стенами, так, что из

здания их было не увидать.

Майор и еще полтора десятка егерей пока что с места не тронулись и продолжали изображать из себя кучки, кочки и иные парковые принадлежности. Майор должен был координировать действия, а егеря прикрывали штурмовую группу.

Из–за скамейки все было видно как на ладони. Штурмовики по стенам с обеих сторон подтягивались к воротам, отряхивая ненужную уже маскировку; кучер опустевшей повозки возился с упряжью, умело держась под прикрытием лошадиного крупа; незаконные его седоки, держа приваленные дугами к плечам кассетники, контролировали входные двери, за которыми, ненавязчиво афишируя свою беспечность, скрылись седоки законные, в обязанности которых входила разведка обстановки и (при необходимости) нейтрализация всех, кто мог бы помешать незаметному проникновению штурмовой группы в Музеум. «Хайры», талассские кромники–скалолазы, уже во всю карабкались на стену по сброшенным прирученной летающей обезьяной (по названию сородичей которой они и получили свое прозвище) веревкам и делали это весьма споро: прошло всего несколько минут, как майор заметил ползущую по стене хайру, а на гребне уже сидело четверо талассских ползунов, двое карабкались, и еще двое уже ползли по крыше Музеума — шустрые ребята; они должны были обеспечивать поддержку сверху.

Внимание!

Дверь Музеума открылась, и в проеме возник один из псевдо–пьяных псевдо–студентов. Он был, впрочем, уже совершенно трезв, и по его недоуменной физиономии майор понял: что–то там у них внутри не так. Студент, однако, показал руками: «Чисто, путь открыт» и, выглянув наружу, что–то быстро сказал передовым. Все трое скрылись.

Гиеди, встав из–за своего убежища, махнул рукой: «всем вперед!» и побежал к воротам сам.

ТЕ МЕСТА:
БЕРСТАР — СТОЛИЦА

1

Это — сцена.

Декорация изображает большую комнату, скорее залу, дворянского замка. В высокое окно заглядывает нарисованная луна. Изысканная мебель; на дубовом столе лампа в шелковом абажуре.

У стола девушка в милом муслин–де–леновом платье занимается изящным рукоделием и напевает песенку.

Акт первый, явление первое.

Сейчас откроется дверь, и в зал войдет потрясенный благородный отец с каким–то волнующим известием…

Впрочем, все далеко не так.

Это вовсе не сцена, а тесная комнатенка далеко не самой лучшей городской гостиницы. Из обстановки только стол, две табуретки, на одной из которых стоит умывальный таз с кувшином, расшатанный стул, комод, ящики которого открываются с большим трудом. К мебели еще можно отнести два «постельных шкафа» — забавное местное изобретение: шкафы, в которых спят. Это не ниши, где стоят кровати, это громоздкие стенные шкафы, и спать надо на полке, где лежат тюфяки и перинки, покрытые простынями из набивного ситца. Чтобы не мешали вездесущие сквозняки, можно прикрыть дверки, снабженные вентиляционными отверстиями… и вообще получается довольно уютно. Когда привыкнешь.

Освещает комнату не лампа, а свечной огарок, украденный в коридоре бельэтажа, где живут более зажиточные постояльцы; хозяин гостиницы уже третий день не дает свечей, а требует оплатить счет.

И платье на девушке не муслин–де–леновое, а бумажного сукна; и занимается она не изящным рукоделием, а — о грубая проза! — штопкой чулок. Чулки просто горят на ногах, день походишь — дырка. А башмаки на что похожи?! Подошвы скоро веревочками привязывать придется!

Наора штопает да оглядывается на свечку: вот–вот погаснет фитилек, быстрее надо работать, а то придется завтра в недоштопанном чулке ходить. Господи, да что за обычаи в этом краю, настоящий медвежий угол: как стемнеет, все по домам разбегаются, спектакли приходится начинать чуть не в полдень, чтобы к закату закончить. И день проходит как–то бестолково: утром, если удастся взять денег у антрепренера, надо бежать на рынок, чтобы успеть купить что–нибудь поесть, потом в театр, а там вечная суматоха, — и вдруг наступает длинный тоскливый вечер, и заняться нечем, потому что свечей купить не на что и надо сидеть в потемках и рано ложиться спать.

Отцу хорошо, он пошел в пивную; ну и что, что денег нет — всегда найдется какой–нибудь бездельник, который будет ставить пинту за пинтой в обмен на несколько высокопарных монологов из модной пьесы или парочку пошлых театральных сплетен. А вот порядочной девушке в пивной не место. Сейчас свечечка догорит — и куда деваться? В другой день можно было бы пойти к Аргентам. Но Теона три дня назад вдребезги разругалась с мужем, мигом подцепила себе богатенького любовника и

благоденствует теперь в уютном домике у городской заставы.

Одно и остается — забраться в спальный шкаф и подремывать там, предаваясь мечтам о больших ролях, об успехе, о бенефисах и славе на всю Империю. Да–да, мечты сладкая пища: помечтаешь, так — и об ужине забудешь. Да и стоит ли ужин того, чтобы выбираться ради него из теплого шкафа? Кусок получерствого пирога и кружка еле теплого чая…

Все же Наора поела, запила невкусный пирог чаем. По ее расчетам было уже поздно — в коридоре не слышно шагов и голосов, постояльцы угомонились, не зовут больше слуг, не требуют в номера вина, свечей, угля для каминов. Все укладываются спать, а кое–кто уже посапывает.

Подумав так, Наора накинула на голову и плечи просторную шаль и собралась выйти; самое время прокрасться вниз и попробовать украсть в коридоре бельэтажа свечку; может, там еще не все догорели.

В этот момент в коридоре послышался шум шагов. Они затихли перед дверью, в замочной скважине заворочался ключ. Наора удивилась — шаги не были похожи на отцовские. Еще не сознавая того, что делает, она задула огарок, отступила в сторону; раскрывшаяся дверь закрыла ее от взгляда вошедшего.

Комната осветилась слабым пламенем сальной свечи; вошедший, которого Наора видела со спины, был ей незнаком. Не оборачиваясь, незваный гость закрыл за собой дверь и двинулся к тому спальному шкафу, что находился поближе к окну — в нем обычно спала Наора.

Вот оно что! Не сдержавшись, Наора глубоко вздохнула и стиснула зубы. Гость обернулся на звук, но Наора не дав ему опомниться, выскочила в коридор, захлопнула дверь и почти бессознательным движением повернула в замке все еще остававшийся в скважине ключ.

— Эй, ты! — возмущенно крикнул за дверью гость.

— Не кричите, — громким шепотом ответила Наора. — Вы перебудите всех соседей.

— Но послушай…

Слушать Наора не стала, поспешила прочь, чуть не споткнулась о первую ступеньку лестницы и, нащупывая путь, спустилась вниз. В коридоре бельэтажа еще горели в латунных бра свечи, и слуг никого не было, но теперь свечи Наору не интересовали; она прибавила шагу, спустилась по нескольким ступенькам в прихожую, где за конторкой сбоку от лестницы дремал портье, толкнула от себя тяжелую дверь и выскочила на улицу.

Холодный ветер сразу отрезвил ее. Платье и шаль, пусть даже

она и шерстяная, плохая защита от мороза. Можно было, конечно, вернуться в гостиницу, поискать приюта у знакомых, на худой конец в коридоре дождаться, пока незваный гость покинет номер — но все эти мысли, пришли в голову Наоры позже, а в первые минуты она почти бегом кинулась наискосок через площадь к довольно неуклюжему и неуютному даже с виду строению, где в этом городе размещался театр. Она обежала здание, чуть не на ощупь нашла в темном проулочке дверь черного хода, нетерпеливо постучала, но стук показался ей совершенно тихим и неуверенным, тогда она повернулась к двери спиной и стала бить в дверь каблуком.

— Иду–иду, — послышался наконец голос сторожа. — Не сплю я. Кто еще там?

— П-пустите, д-дядя С–сергус–с, — зубы Наоры выбивали дробь. — П–п–пожалуйста…

Сторож наконец отворил дверь, посветил фонарем, посторонился, пропуская девушку в коридор, снова затворил дверь.

— Или случилось что? — спросил он.

— Можно, я пока у вас посижу? — вместо ответа попросила Наора.

Дядюшка Сергус запер дверь на засов.

— Ладно, — без удивления сказал он, поворачиваясь и идя к своей каморке. — Как раз и чайку попьем, погреемся.

Его каморка находилась не более чем в десятке шагов от входной двери и была единственным отапливаемым помещением во всем здании. Здесь стояла железная печурка с трубой, выведенной в окно, которая создавала приятное тепло и уютную атмосферу. Дрова для печурки лежали тут же аккуратной поленницей вдоль стены. У противоположной стены стоял сильно потрепанный жизнью кожаный диван, когда–то роскошный, с золочеными инкрустациями, теперь же истертый и перекошенный; спать на нем все же можно было, и постель дядюшки Сергуса сейчас лежала тут же: цветастая дерюжка вместо простыни, тощая подушка и лоскутное одеяло. У окна стоял стол, в углу — громоздкий гардеробный шкаф; были еще два разномастных стула — вот и вся обстановка.

Наора поспешно подтянула стул к открытой дверце угасающей печки и села, протянув руки к огню; несмотря на это, ей еще какое–то время казалось, что она продолжает замерзать.

Дядюшка Сергус сунул в огонь два полена, взял со стола чайник, потрогал его ладонью и поставил на печку.

Наора блаженствовала у огня.

— Или случилось что? — повторил свой вопрос дяюшка

Сергус, чуть отодвигая чайник и ставя рядом с ним сковородку с половиной блинчатого пирога, начиненного кашей, яйцами и грибами.

— Можно мне посидеть у тебя, дядя Сергус? Отец… — она безнадежно взмахнула рукой. — Словом, нелады у меня с отцом.

— Посиди, ладно, — покладисто согласился старый Сергус. — Почему не посидеть, раз такое дело. Только нехорошо это — бегать в такой холод в одном платье. Простудишься, чахотку подхватишь — и не будет больше великой актрисы Наоры.

Девушка хихикнула:

— Ага, великая актриса… Интересно, буду ли я играть еще кого–либо, кроме безмолвных горничных.

— Будешь, — с улыбкой сказал старик. — Вот Теоне попадет вожжа под хвост, укатит она в дальние края с каким–нибудь офицериком, и кто тогда будет главных героинь играть?

— Ах, дядя Сергус, такие случаи только в пьесах бывают. Теона театр и на генерала не променяет, не то что на офицерика.

Сергус пожал плечами и положил солидный кусок пирога в миску Наоры.

— Хотела бы я в ее годы быть такой же, — заявила Наора, пододвигая к себе миску и устраивая ложку в руке. Пирог потерял всякую форму и превратился в месиво из кусочков блинчиков и начинки, был он еле теплый, но запах имел восхитительный. — Жутко красивой, жутко знаменитой, жутко талантливой…

— …и гордячкой жуткой тож, — добавил в тон Сергус, пробуя рукой чайник; закипать тот еще и не думал.

Наора замерла, подняв ложку.

— Неправда, Теона не гордячка! — вступилась она за старшую актрису. — Она добрая и веселая, и на других премьерш ничуть не похожа.

Сергус пожал плечами.

— Во всяком случае, — сказал он, — она не будет обижаться, если ты возьмешь в ее гримерной тот старый плащ, чтобы не возвращаться домой в одном платье.

Наора его поняла. В театре стоял холод, и за кулисами Теона набрасывала на плечи старый вытертый лисий плащ, жалея пачкать пудрой и жирным гримом новый, из куньих шкурок.

— Вот и сходила бы, пока чайник закипит, — посоветовал старик. Он встал, отворил дверцу гардеробного шкафа и провел пальцем по ряду вбитых в дверцу гвоздиков с висящими на них ключами, взял ключ от гримерной Теоны. — На, сбегай — одна нога здесь, другая там. Фонарь возьми!

— Да ну, — отмахнулась Наора и, схватив ключ, вышла в

темный коридор. Сначала она шла неуверенно, медленно, разводя в стороны руки, чтобы на что–нибудь не наткнуться; потом глаза привыкли к темноте, она начала лучше различать окружающие предметы и пошла быстрее.

К гримерной Теоны можно было попасть двумя путями: более коротким — за сценой, и чуть более длинным — через сцену. Наора выбрала второй путь; здесь было гораздо светлее. Лунный свет попадал в зал через световые люки в крыше, и сцена, на которой стояли декорации последнего акта «Разбойника из чащи» — фанерный лес и на заднике силуэт полуразрушенного замка — казалась местом волшебным, где в пору играть мистические феерии.

На сцене Наора замедлила шаги, остановилась, повернулась к освещенному серебристым светом залу. Разумеется, зал был пуст; в партере стояли кресла, расставленные редко, с широкими проходами между рядами.

Наора прикрыла на несколько мгновений глаза, спрашивая у памяти, как выглядел этот зал в день премьеры. Тогда светило солнце, зал был хорошо освещен его лучами, косо падающими сверху, в креслах сидели хорошо укутанные зрители: господа в широких медвежьих и бобровых шубах, дамы в пушистых мехах, с огромными муфтами на коленях. Рядом с каждым семейством — так называемый дорожный столик, на самом деле поставец с запасом вин и закусок; здесь же на низенькой табуреточке слуга, всегда готовый подать господам требуемое. Каждое семейство ездит в театр годами; упаси Небеса кого–либо без спросу занять чужое, давно насиженное место! Во время спектакля в зале всегда особый шум — не похожий, утверждают бывалые актеры, на шум любого другого зала Империи. Шум явственный, но приглушенный: театр здесь любят, и даже громкоголосые буяны говорят шепотом, чтобы не наживать себе врагов. Зритель тоже особый: громких оваций после эффектной сцены здесь не услышишь, зато и актера неудачника никто гнилыми яблоками не забросает; все — и похвала, и неодобрение — будет после спектакля, когда зрители, засидевшиеся за три–четыре часа, оживляются, и в зал к ним по давнему обычаю сходят со сцены актеры, чтобы получить (или не получить) благодарность публики: нехитрое угощение, глоток вина или, если повезет, немного денег. Играть, не чувствуя сиюминутной отдачи, трудно, но старые актеры, которые играли во многих театрах Империи, говорят, что, научившись угождать публике здесь, можно уже играть с успехом где угодно.

И Наора с тоской подумала, что до сих пор все ее роли не давали возможности зрителям понять, что она что–то стоит.

Самая большая ее роль состояла из двадцати шести слов, девятью из них было слово «сударыня», половина их приходилась на второй акт, где Наора вставляла их в монолог Теоны: «В самом деле, сударыня?», «Как так, сударыня?», «Ах, сударыня!», «Да, сударыня!»; в остальных двух актах положение было таким же.

Сейчас, правда, репетировали другую пьесу, и у Наоры там было целых тридцать четыре слова, а самая лучшая роль, разумеется, снова принадлежала Теоне.

Но право, Наора могла бы сыграть не хуже!

Наора обвела зал медленным, поверх зрительских голов, взглядом, сделала три шага к авансцене. И ясным, четким, перебивающим любой шумок воображаемых зрителей голосом, без трагического надрыва, каким любила щеголять Теона, но очень искренне стала говорить печальный монолог из «Изгнанной принцессы»:

Вы верите наветам злой молвы,
Вам кажется, что я пуста и лжива,
Мою любовь — о, как несправедливо! —
Готовы счесть игрой нечестной вы.
И, моего не уважая слова,
Решили вы, что я люблю другого,
Что я коварство низкое таю,
Что нравственных устоев не имею, —
Но и самой враждебностью своею
Вы жажду распаляете мою.
Единственная цель подруги вашей -
Служить вам, угождать и подчиняться,
Вас обожать, пред вами поклоняться,
И, презирая все несчастья впредь,
Свой видеть высший долг в повиновенье,
Чтобы отдать вам каждое мгновенье,
Под вашей властью жить и умереть…

Произнося последние строки, Наора с жестом отчаяния протянула вперед руку и замерла, будто ожидая ответной реплики. Пауза затянулась — реплику подавать было некому. И Наора, грустно усмехнувшись, опустила руку.

В этот момент раздались аплодисменты. Одинокий зритель в зале захлопал в ладоши. «Дядя Сергус», — смущенно подумала Наора и, освободив взгляд от воображаемого многолюдья зала, посмотрела в партер.

В проходе между креслами стоял незнакомый человек в серебрящемся на лунном свету плаще. Наоре он показался

привидением.

Она помимо воли бросила встревоженный взгляд в сторону кулис, откуда вышла; мелькнула мысль: надо закричать — дядюшка Сергус услышит…

Когда мгновение спустя она снова посмотрела в зал, человека уже не было. Он исчез совершенно беззвучно.

Тут она испугалась по–настоящему и бросилась обратно в сторожку.

При виде ее дядюшка Сергус чуть не поперхнулся прозрачной жидкостью, которую цедил из стеклянного стакана, но доцедил, смущенно вытер рот рукавом и только после этого выдохнул, спросил чуть придушенно:

— Ф–ф–х-уу! Или опять что, Наора?

«Не чай он тут пьет», — подумала Наора не к месту и сказала испуганно:

— Там… Там привидение, дядя Сергус!

2

В гостиницу Наора возвращалась ничуть не успокоенная.

Дядюшка Сергус, само собой, уверил ее, что одиночных привидений в театре нет, и рассказал историю Огненной премьеры. Наора уже слышала этот рассказ о пожаре в театре, при котором от здания остался лишь каменный остов и где погибло множество народа — и зрителей, и актеров. «В иную ночь, — говорил Сергус, — из зала доносится приглушенный шумок, будто там собрались как на премьеру, и если заглянуть в такую ночь в зал, то можно увидеть не только тени зрителей в креслах, но и призраки актеров на сцене…» А вот единственный зритель да еще в серебристом плаще — этого дядюшка Сергус не знал, ничего подобного за столько лет ночной службы не видывал. Или Наоре просто почудилось. Да он был просто в этом уверен. Незнакомец никак не мог быть призраком — и уж конечно вряд ли живым человеком; уж дядюшка–то Сергус уверен был, что никто не мог проникнуть незамеченным в охраняемый им театр.

Успокаивая девушку, сторож проводил ее до гримерной Теоны, освещая путь фонарем. Они взяли лисий плащ для Наоры и вернулись в дежурку. Потом они попили чаю, и Наора соглашалась со стариком: да, наверняка ей почудилось. Или, соглашался и старый Сергус, вновь вытирая губы.

Полная сомнений, Наора вышла в проулок.

— Может, проводить тебя до гостиницы? — спросил Сергус, выглядывая вслед из приоткрытой двери.

— Да нет, не стоит, — отвечала Наора.

В самом деле, идти она не боялась — до гостиницы всего ничего, буквально два шага, а Берстар — городок тихий, здесь даже пьяницы были не буйными и вели себя на удивление учтиво.

Впрочем, исключения всегда возможны.

— Сударыня! — остановил ее негромкий голос снизу, едва она поднялась по ступенькам и взялась за ручку гостиничной двери.

Наора вздрогнула, хотя голос был не угрожающим. Даже, пожалуй, наоборот.

— Прошу прощения, сударыня, — прошелестел голос. — Вас зовут Наора?

Девушка не отвечала. Она попробовала скосить глаза, но внизу было темно.

— Наора, актриса местного театра? — уточнил невидимый.

Наора продолжала молчать.

— Пожалуйста, пройдите во второй номер, с вами хотят поговорить.

— Нет! — вырвалось у Наоры само собой — она вспомнила запертого ею в номере типа. Дверь распахнулась со скрипом, и ей в лицо ударил неяркий свет коридора.

— Дверь при разговоре вы можете держать открытой! — донеслось ей вдогонку. Говоривший торопился докончить предложение: — Вне зависимости от результата разговора вы получите десять империалов!

Дверь захлопнулась, и Наора оказалась в коридорчике; портье за стойкой не обратил ни малейшего внимания на ее кивок, и она стала подниматься на второй этаж.

Десять империалов. Новые башмаки, новые туфли, новое белье… На новое платье, конечно, уже не хватит, но можно набрать ткани для юбки… Зато останется на новые чулки, на несколько пар новых чулок… И все это только за то, чтобы выслушать кого–то.

Самый вкусный сыр бывает только в мышеловке, напомнила себе Наора, но раз уж сегодня такой странный вечер, отчего бы и нет? Ведь дверь можно не закрывать…

Вцепившись в перила, она стояла в полумраке на площадке между этажами и думала: «Что я делаю?». Десять империалов — и она сразу же купит себе самые хорошие чулки! Да, молодой девушке не пристало ходить ночью в номера к посторонним мужчинам, ну и что? Раз ее отца так мало заботит честь дочери, что он может дать ключ от своего номера первому попавшемуся собутыльнику, почему она не может сама решать свою судьбу и совершать безрассудные поступки?

Наора оглянулась вниз. С лестницы хорошо был виден

коридор бельэтажа. Все свечи в настенных бра или уже догорели или были растащены по номерам предприимчивыми постояльцами верхнего этажа; оставалась всего одна свеча.

Она горела напротив приотворенной двери второго номера.

Наора осторожно спустилась, прошла по коридору — хвала Небесам, идти пришлось не мимо конторки портье — и нерешительно заглянула в темную щель.

Ничего. Только можно было догадаться, что в комнате горит камин, хотя его и не видно от двери.

— Входите, сударыня, — послышался изнутри уже знакомый голос.

Что ж, бояться было поздно. Наора легонько толкнула в дверь и переступила порог, но дальше не сделала и шагу, а дверь оставила приоткрытой. Ее взгляд тут же выхватил из темноты фигуру человека, сидящего в кресле боком к камину и лицом к двери. Судя по его позе, он был не так молод, как можно было решить по голосу. Наора чуть удивилась, подумав о том, как быстро он оказался здесь, хотя она не заметила, чтобы кто–то входил в гостиницу следом за ней. Или она так долго колебалась?

— Благодарю вас, что приняли мое предложение. Не хотите ли пройти? — предложил хозяин комнаты, вставая, но не отходя от кресла.

— Благодарю вас, — ответила Наора, не двигаясь с места. Она не собиралась проходить дальше, прежде чем выяснит намерения пригласившего ее таким странным способом человека.

Мужчина, судя по всему, вовсе не собирался сразу же покушаться на ее честь. Он качнул головой и произнес:

— Как вам будет угодно.

— Вы что–то говорили о десяти империалах, — напомнила Наора.

Напоминание о денежном обещании хозяина нисколько не смутило.

— Да, разумеется, — сказал он, — они ваши.

Он нагнулся, протянул руку к столику возле своего кресла и сделал почти незаметное резкое движение в сторону девушки, так что она невольно вскинула руку, прикрываясь. Она даже чуть вскрикнула, когда что–то стукнуло ее в открытую ладонь, сжала пальцы и ощутила в кулачке небольшой бархатистый мешочек.

— Ой! — Наора поднесла руку к лицу. В свете свечи она увидела кошелек. Судя по весу, все тут было в порядке, а убедиться в точности у Наоры не хватило дерзости.

— Я слушаю вас, сударь.

— Я хочу предложить вам работу. Для которой нужна актриса достаточно талантливая и, что более важно, подходящей

внешности. Ваша — подходит. — Мужчина говорил короткими рублеными фразами. В голосе его, однако, по–прежнему чувствовалось мягкость, хотя таким тоном обычно разговаривают со слугами. — Вы будете заняты несколько недель. Вас обеспечат всем необходимым: питание, гардероб, жилье. За каждую неделю вы будете получать по пятьдесят империалов. По завершении работы вас устроят в один из губернских театров по вашему выбору с контрактом на три года и гарантированным жалованием в пятьсот империалов в год. Вас устраивают такие условия? — Он замолчал, ожидая, но Наора пораженно молчала — у нее немного кружилась голова. Тогда он продолжил: — Через час у подъезда вас будет ждать карета. Вещей с собой не берите, только самое личное. Итак?

— В чем будет заключаться моя работа? — наконец вымолвила Наора.

— Это вы узнаете завтра утром, не раньше, — ответил мужчина. — Думаю, предложение стоит того, чтобы рискнуть.

— Вы требуете от меня слепого подчинения? — спросила Наора немного резковато. Но ведь имела же она право знать!

Ей послышался негромкий смешок.

— Этой ночью — да, — был ответ.

— А какие у меня гарантии, что эти условия будут выполнены?

— У вас нет выбора, — снова усмехнулся, и, как показалось Наоре, вовсе не злорадно, таинственный незнакомец. — Второй такой случай вам вряд ли представиться.

— Вы думаете, что я дура?

— Нет, — уверенно и очень серьезно сказал мужчина. — Просто вы вынуждены будете рискнуть. Что вы теряете? Ваш отец пропивает все деньги, которые успевает забрать у антрепренера раньше вас. Вы ходите в тряпье вместо платья. Будущего в этом театре у вас нет: у антрепренера подрастает дочь, на следующий сезон он забирает ее из Пансиона, и все ваши роли перейдут к ней. Разве не так?

Наора не ответила. Все услышанное не было для нее не было новостью, обо всем этом она сама уже не раз думала–передумала.

— И что вам остается? — продолжал человек у камина. — Подыскать себе покровителя и пойти к нему на содержание? Это не по вам. Мне известно, что вы не прилагаете к этому особых усилий. Ваш отец, смею заметить, обеспокоен этим гораздо больше. По моим сведениям — а они, смею вас заверить, точны, — ваш отец не далее, как несколько часов назад продал ключ от вашей комнаты некоему не очень молодому и вовсе не самому приятному, но относительно богатому человеку.

Наора почувствовала, что краснеет — и об этом она догадалась, поэтому так и не хотела идти домой сейчас. Но откуда знает этот человек? Он за ней следил?

— Вы следили за мной! — выкрикнула она.

— Да, — не стал возражать собеседник. — И поэтому сделал вам это предложение.

— Ах, какой вы добренький, — съязвила Наора.

— Да, — снова подтвердил незнакомец, — я вам и подарил десять империалов. Чтобы дать возможность избежать того, чего вы не хотите. Я вовсе не был уполномочен на это. Но, — Наора опять услышала смешок, — думаю, что вы не броситесь сейчас же к дилижансу, а примете мое предложение. Кстати, — он достал из кармана часы и пригляделся к циферблату, — у вас осталось ровно пятьдесят минут для размышления.

После этих слов он опустился в кресло, и Наоре ничего не оставалось, как выйти.

Она пошла по коридору, только тут вспомнила о зажатом в руке кошельке. Он был скромным, но из вполне качественной замши. Наора открыла его и достала монеты. Тускло блеснуло в свете свечи золото. Зачем–то оглянувшись на дверь — за ней не раздавалось ни звука, — она попробовала металл на зуб. Кажется, и вправду золото. Тут все было без обмана. А в остальном?

В задумчивости Наора свернула к черному ходу и спустилась в полуподвал. Она толкнула дверь в буфетную, та была не заперта.

Буфетчица заканчивала уборку, подметая полы. Она подняла голову, узнала девушку и, улыбнувшись, кивнула — присаживайся, мол. Для нее столь позднее появление девушки было не внове: Наора частенько забегала в буфетную перекусить после спектакля. Ну и поболтать, посплетничать.

Наора улыбнулась в ответ, сняла плащ и повесила на вешалку возле двери.

— Чайку на сон грядущий? — Буфетчица отставила веник в сторону и, не ожидая согласия, принялась расставлять чашки и блюдца.

— Чичока, а у тебя торта не осталось? — попросила Наора с улыбкой.

— Для тебя найдется.

Буфетчица отошла к одному из шкафов, нашла в связке ключ и открыла дверцу.

На столе появилась блюдо с несколькими пирожными, оставшимися от ужина.

Наора тем временем вынула из кошелька монеты, разложила на столе, полюбовалась.

— Да ты при деньгах сегодня, — заметила Чичока довольно флегматично, расставляя на столе нехитрое угощение.

— Можно сказать, с Небес свалились, — сказала Наора. — Я тебе должна, вот возьми. — Она протянула буфетчице монету.

— Золотой? Надо же!

Чичока отошла к кассовому столику, позвенела там монетами и положила перед Наорой горсть мелочи. Наора убрала это в кошелек и принялась за чай; на столе остались две мелких монеты.

— Ты завтра пошли кого–нибудь, чтобы мой плащ в театр занесли, ладно?

Чичока молча налила чаю себе и кивнула; монетки исчезли.

— Твоего папашу нынче в пивной отлупили, — сообщила она. — Часу еще не прошло. Вроде бы он за что–то деньги взял да обманул.

— Сильно побили? — Наора надкусила пирожное.

— Под глазом фонарь здоровенный, а так вроде ничего.

— Фонарь нестрашно, — кивнула Наора, — фонарь загримировать можно.

Пирожные оказались достаточно свежими и очень вкусными.

— Да он все ругался да ныл, что лицо ему попортили. Мол, я им работаю, — продолжала Чичока.

Наора взяла еще одно пирожное.

— Уезжаю я из Берстара, — сообщила вдруг она. «Вдруг» даже для себя. — Наверное, уже не вернусь.

Чичока посмотрела на нее очень внимательно, потом спросила:

— Куда же?

— Не знаю, — Наора повела плечом. — Но это не то, о чем ты подумала, — добавила она, перехватив взгляд буфетчицы.

Та тоже пожала плечами: мне–то, мол, все одно.

Дальше пили чай молча. Наора съела еще одно пирожное и допила чашку.

— Пожалуй, пора мне.

Она встала.

Чичока проводила ее до ступенек, посветила лампой, пока та шла по коридору, и прикрыла дверь.

Наора подошла к конторке, за которой уже дремал портье, поглядела вверх по лестнице и решила, что раз уж начинать новую жизнь, то начинать ее надо налегке. Там наверху, в комнате, ничего не стоило того, чтобы подниматься по лестнице под самую крышу, а немногие из имевшихся у нее украшений — серебряное кольцо с аметистом и сердоликовые бусы — были и так при ней.

Она подошла к конторке и постучала по дереву, чтобы разбудить портье. Тот с трудом протер глаза, зевнул и посмотрел на девушку.

— Я хочу уплатить за номер, — сказала Наора, выкладывая на столик империал и большую часть мелочи.

— А до утра подождать нельзя было, — пробурчал портье и полез в книгу записей.

— Значит, нельзя, — ответила Наора.

Портье недоверчиво повертел в руках золотой, приложился зубом, пересчитал и сгреб мелочь. Потом он сделал соответствующую запись в книге, ткнул пальцем в строчку, где Наора и расписалась огрызком грифеля, покрытого облезшим лаком.

— Не подскажете, кто живет во втором номере? — спросила Наора, возвращая грифель.

Она вовсе не ожидала, что заспанный портье ответит, тот, однако, проворчал недовольно:

— Во втором? Нету там никого.

— Как же так? — удивилась Наора. — Я видела…

— Утром как выехали, так никто еще не заселялся, — безапелляционно перебил портье.

— Но я только что видела, что там горит камин! — договорила все же Наора.

Портье посмотрел на нее недоверчиво, но, поняв, что его не разыгрывают, выбрался из–за конторки и взял лампу.

Наора не стала ожидать результатов расследования. Она и так боялась, что опаздывает. Заранее зябко поежившись, прежде чем открыть дверь, она толкнула тяжелую панель и шагнула в холод и неизвестность.

У входа в театр стояла небольшая карета, по зимнему времени поставленная на полозья. На козлах скучал закутанный в волчью доху кучер, а рядом прохаживался человек в светло–сером плаще.

Заметив Наору, человек быстро пошел ей навстречу.

— Сударыня, вы рискуете простудиться! — человек со знакомым голосом быстро сорвал с плеч плащ и, продолжая движение, накинул его Наоре на плечи.

Возможно, это выглядело бы навязчиво или чересчур фамильярно, но в движении его не было грубости или вульгарности, так что Наора, чисто по–женски захотевшая сделать противящееся движение, сдержалась. Невольно она подчинилась его настойчивости — просто нельзя было не подчиниться! — и, сделав несколько шагов, оказалась в карете.

Провожатый заботливо подсадил ее и, едва она успела

опуститься на сидение, укутал ноги согретыми грелкой мехами, устроил поудобнее, снял с нее промокшие, как оказалось, башмаки, ловко надел мягкие оленьи ботиночки и помог установить их в каретный «сапожок».

Только после всего этого Наора из глубины мехов смогла произнести:

— Так это вы были в театре!

Мнимый призрак ответил ей просто и спокойно:

— Я часто бываю в театре. Я люблю театр.

— Вы были в театре сегодня вечером, — сказала Наора.

— Мы с вами успеем об этом поговорить. А сейчас, простите, я несколько занят. — Человек–призрак — и ее собеседник из второго номера — улыбнулся и, еще раз поправив меха, выпрыгнул из кареты и захлопнул дверцу. Послышалось какое–то восклицание, щелкнул кнут, Наору толкнуло, и полозья кареты заскрипели по покрытым снегом камням мостовой.

Четверка лошадей понесла экипаж через площадь, по засыпающим улицам, замедлила бег у городской заставы и вылетела за город, на дорогу между заснеженных полей.

Наора поерзала, устраиваясь в блаженно–мягком тепле и откинулась на жестковатую спинку сидения. Она вздохнула и закрыла глаза. Что бы там ни было, но ее новая жизнь начиналась восхитительно.

С приключения.

3

Утро было позднее, очень солнечное, и Наора, несмотря на странные события прошедшей ночи, проснулась счастливая и совершенно довольная жизнью. Просыпаться очень не хотелось. Наора повертелась в постели, перемещаясь из лежачего в полусидячее положение, подоткнула под себя одеяло и стала осматриваться.

Спальня была вроде и не велика, но производила впечатление просторной. Видимо, из–за окна — оно было просто огромным, во всю стену. Сквозь тончайшие кружевные занавески виднелся заснеженный парк и за ним, вдалеке, закопчено–красные камни какого–то древнего замка. Мебели в комнате немного: столик, кресло, обтянутый замшей пуфик возле туалетного столика, ну и, разумеется, кровать; все было достаточно изящно, красиво, украшено золочеными арабесками и казалось очень богатым. Что касается кровати, то Наора, право же, не сильно удивилась бы, обнаружив, что она провела в ней всю ночь не одна — кровать была слишком хороша для одной!

С некоторой опаской Наора откинула одеяло и села, но, против ожидания, в комнате было тепло. Она усмехнулась про себя мысли, что с тех самых пор, как она ринулась в свое приключение, ее постоянно сопровождает тепло и забота. Укутанная теплыми мехами она ехала в карете — часа два–три, точнее сказать она не могла, задремала. Но когда таинственный покровитель в сером плаще помог ей выйти, карета стояла, а светать еще не начало. Не успевшую даже осмотреться, полусонную Наору проводили вот сюда, усадили в это самое кресло, сунули в руку кружку с теплым молоком — вот она так и стоит на столе полупустая — и оставили одну. Кто усадил, кто сунул и кто оставил, Наора понятия не имела, помнила только, что разделась и улеглась сама, автоматически. Одежду так и побросала как попало на кресло — вот она…

Тут Наора удивилась так, что даже невольно прикрылась одеялом и испугано оглянулась. Но нет, слава Небесам, никого за спиной у нее не было; Наора даже для уверенности похлопала рукой — пусто, никого в постели не было. Но не было на кресле и ее одежды.

Вместо нее в кресле аккуратно расположилось что–то тонкое, шелковое, полупрозрачное, что вовсе не походило на ее нижнюю рубашку из дешевого ситчика, в которой она за неимением ночной сорочки спала. *Такого* она в жизни не видела. Такого, она уверена, даже у Теоны не было!

Опасливо оглянувшись на дверь, Наора встала, сделав несколько шагов по теплому мягкому ковру пола, подошла к креслу, осторожно взяла пеньюар и, развернув, стала смотреть сквозь него. Она даже не сразу осмелилась прикинуть его на себя — это было тем более глупо, что пеньюар был приготовлен именно для нее, для кого же еще?!

А прикинув и взглянув на себя в зеркало, девушка испытала еще более странную неловкость: пеньюар и ее нижняя рубашка не то чтобы не сочетались одно с другим — они просто конфликтовали, враждовали друг с другом, будто сделаны были в разных мирах, и эти миры отталкивали, отторгали друг друга.

Небеса! Куда же она попала?

Не успела Наора подумать об этом, как в дверь негромко постучали, и ей ничего не оставалось, как броситься обратно в постель.

Стук повторился, и когда Наора неуверенно произнесла: «Да, да, войдите!», дверь открылась, и в комнату вошел тот самый человек, в котором она сначала заподозрила призрака театра, потом приняла за коварного искусителя, и наконец увидела в нем таинственного покровителя. Впрочем, сейчас он выступал явно в

каком–то другом амплуа.

Он по–прежнему был в сером небогатом платье и в руках у него был столик для завтрака в постели, но на лакея он от этого похож не стал — столик с ароматно дымящимися судочками в его руках казался неуместным. И, наконец–то, Наора имела возможность его рассмотреть.

Был он не то чтобы высок, но за счет худощавости — не нездоровой худобы, а именно худощавости: жилистой, гибкой, какой–то даже благородной, — казался несколько выше среднего роста; лицо имел тоже обыкновенное для худых людей: вытянутое, узкое с прямым длинным носом, глубоко посаженными глазами и большим ртом — то есть скорее некрасивое, чем наоборот, но несмотря на это одновременно и неприметное, и внушающее симпатию даже при первом на него взгляде.

— Доброе утро, сударыня, — произнес человек знакомым уже тихим голосом.

— Доброе утро, сударь, — ответила Наора, оторвав взгляд от лица человека и посмотрев на то, что он держал в руках. — Мне еще никогда не приходилось завтракать в постели, — добавила она с сомнением.

Ей вовсе не хотелось обидеть своего услужливого благодетеля, но и напакостить от неумелости на белоснежных простынях тоже не хотелось. Впрочем, ее отказ был понят правильно.

— Это вовсе необязательно, — сказал человек в сером. — Мы можем пройти в столовую и позавтракать вместе.

Предложение было неплохо, однако было одно «но».

— Если можно… Но как же я… — Наора не договорила, а большие губы уже расплылись в почти детской доброй улыбке:

— Это здесь же, в ваших же апартаментах. И мы будем вдвоем, по–домашнему.

— Тогда, конечно, — улыбнулась Наора. «В ваших партаментах, — повторила она про себя. — Надо же!»

Благодетель объявил Наоре, что сейчас распорядится и будет ждать ее, как только она будет готова, после чего вышел, так и не избавившись от своей ноши.

Через пятнадцать минут, приведя себя в подобающий вид при помощи кувшина с теплой водой и того, что обнаружилось на туалетном столике, Наора уже сидела за полностью сервированном столом напротив человека в сером платье. Вышеозначенная процедура привела ее в более–менее нормальное расположение духа, поэтому, несмотря на некоторое неудобство с одеждой, Наора чувствовала себя уверенней.

— Я так и не узнала вашего имени, сударь, — первым делом спросила она.

— Меня зовут Рет — Ратус, — представился он, наклонив голову.

— Какое необычное имя, — вежливо заметила Наора.

Рет — Ратус продолжил невозмутимо разливать по чашкам горячий чай, и Наора не стала настаивать, так что завтрак проходил в молчании. Но это вовсе не значило, что его участники отдавали должное только яствам и не уделяли должного внимания друг другу.

Наора невольно отметила, что Рет — Ратус ведет себя за столом с той непринужденностью, как делают это аристократы или актеры. Но он — Наора была в этом уверена — не был ни тем, ни другим. Оставалось только гадать кем он был, но для этого у нее было слишком мало информации.

Рет — Ратус в свою очередь присматривался к девушке, но любопытство его не было того свойства, к которому Наора привыкла — ни жадности, ни похоти, ничего подобного, — и она начала понимать причину.

— Мне кажется, вы продолжаете оставаться в сомнении, подхожу ли я для намеченной вами роли? — сказала она наконец. — Но ведь не поздно передумать и отправить меня восвояси. Или уже поздно?

— И да, и нет, — медленно произнес Рет — Ратус, словно взвешивая слова. Однако фраза все равно получилась двусмысленной. — Впрочем, еще нет. А вы хотите вернуться?

— Нет! — вырвалось у Наоры, и он тут же рассмеялась. — В самом деле «нет». Вся эта таинственная история с моим «похищением» представляется мне настолько интересной, что я, право же, сильно разочаруюсь, если все ваши усилия были направлены лишь на то, чтобы заманить меня в какой–нибудь бордель. Я ведь не стою таких усилий: ни красавица, ни знатная дама…

— Действительно, — вежливо согласился Рет — Ратус и выдержал едва заметную паузу, — ради борделя не стоило так стараться.

— Тогда что же мне предстоит?

— Я уже сказал вам, что мы поговорим об этом в свое время, — ответил Рет — Ратус. — И уверяю вас, что ничего неприличного вам делать не предстоит.

— Хорошо. Тогда, может быть, вы скажете, хотя бы, где мы в данный момент находимся? Или это тоже тайна?

— Почему, — пожал плечами Рет — Ратус и обстоятельно доложил: — Мы в десяти милях от Берстара в охотничьем домике

одной известной особы, имя которой вы тоже узнаете в свое время. Кроме нас в данный момент здесь находится всего двое: мой кучер и сторож, он же истопник и садовник. Никакой прислуги тут нет, поэтому я сам накрыл завтрак, приготовил вам ванну и новую одежду и, если хотите, могу послужить вам горничной. — Последнее предложение Рет — Ратус произнес без малейшей игривости, разве что с некоторой иронией, и Наора почему–то не усомнилась в его компетентности в роли служанки.

— Пожалуй, я обойдусь своими силами, — в тон ответила Наора.

— Я почему–то так и подумал, — кивнул Рет — Ратус. — Поэтому, если мы уже позавтракали, предлагаю вам принять ванну и отдохнуть перед дальнейшей дорогой.

Завтрак действительно уже подходил к концу — судочки, чашечки и тарелочки почти опустели.

Наора промокнула губы салфеткой и встала из–за стола.

Рет — Ратус тоже поднялся:

— Вас проводить?

Вот ведь привязался!

— Если позволите, я найду дорогу сама, — ответила Наора.

— Вторая дверь по коридору направо, считая от вашей спальни, — объяснил Рет — Ратус. — А я, с вашего позволения, продолжу трапезу. — Он опустился на свой стул и принялся намазывать себе булочку маслом. — Проголодался, простите уж.

Наора ответила на его чуть извиняющуюся улыбку благосклонным кивком, и глаза ее точно так же не соответствовали выражения лица, как и улыбка Рет — Ратуса. Она была уже в дверях столовой, когда ее догнало очередное предложение:

— Там на столике стоит плошка с краской до волос. Справитесь сами или подойти помочь через полчасика?

Это он что, нарочно?

Наора обернулась:

— А долго ее держать?

— Получаса хватит, — невозмутимо отвечал Рет — Ратус, наливая себе чаю. — И все же, если что–то будет не так, дерните за сонетку, и я приду на помощь.

— Вы что, цирюльник? — не выдержала наконец Наора.

— В том числе и, — кивнул Рет — Ратус.

— Надо же, — усмехнулась девушка, — и это тоже!

Язык, однако, она показала, только прикрыв дверь.

Ванную комнату она нашла без труда. Вошла, с любопытством осмотрелась, восхитилась; заметив еще одну дверь, заглянула туда. За дверью оказалась гардеробная и было

приготовлено платье — пусть не новое, но далеко не какие–нибудь обноски.

Наора вернулась в ванную, потрогала рукой воду — горячевато, но сойдет, — быстро разделась, с удовольствием отметила, коснувшись босой ногой, что пол тоже подогрет, и опустилась в воду.

Надо было подумать, но тепло расслабило, и Наора решила отложить размышления до более позднего времени. Ну его все…

Обед был хорош, хотя изысканным его назвать было нельзя: несколько простых блюд, зато отменного вкуса. Когда перешли ко вторым блюдам, не удержавшись, Наора полюбопытствовала с видимым смущением:

— Обед, полагаю, приготовили тоже вы сами? И накрывали, не так ли?

Рет — Ратус обвел взглядом безупречно сервированный стол и поднял брови:

— Что–то не так?

— Наоборот, все замечательно — заверила Наора и добавила чуть обиженно: — Просто почему же вы не позвали меня? Я бы могла помочь. Правда, мои таланты в этой области невелики, — вздохнула она, — но я хотя бы могла почистить овощи. Вероятно, мне, в свою очередь, достанется мыть посуду?

Рет — Ратус посмотрел на девушку, как ей показалось, одобрительно.

— Нет, сударыня. Этим займется сторож.

Он положил себе на тарелку еще немного овощного рагу и сообщил благодушно:

— Кстати, мои способности в данной области тоже не особенно велики. Пожалуй, все их я уже продемонстрировал. Так что, если бы нам довелось просидеть здесь неделю, вам бы сильно приелось мое меню.

— А мы не будем здесь сидеть целую неделю? — «расстроилась» Наора.

— Мы уезжаем завтра утром, — «успокоил» ее Рет — Ратус. — А давайте–ка выйдем прогуляться с вами после обеда? — предложил он. — Пройдемся, а заодно проверим, как вам подходят ваши обновки. Может, что–то потребуется ушить или…

Наора моментально вскинула брови в восхищении:

— Шить вы тоже умеете?!

Рет — Ратус, замерев на мгновение с поднятыми вверх тонкими пальцами, вдруг громко и совершенно искренне засмеялся. Без малейшего наигрыша, от души. Он смеялся, откинув назад голову, прикрыв ладонью глаза, содрогаясь плечами, и Наора невольно заразилась этим смехом. Поначалу

она просто прыснула в ладошку, а потом, поддавшись настроению, засмеялась просто и звонко.

— Прекрасно, — сказал Рет — Ратус не раньше, чем через минуту. — Пожалуй, мы с вами сработаемся. С каждой минутой я убеждаюсь в этом все больше и больше, дорогая Наора.

— Благодарю вас, сударь, — ответила Наора.

— Давайте–ка выпьем за это, — Рет — Ратус налил по бокалу вина. — За вас и за ваш успех!

— С удовольствием, — ответила Наора, — хотя я до сих пор так и не знаю, в чем он должен заключаться.

Они пригубили вино.

— И это вас смущает? — спросил Рет — Ратус серьезно.

Наора пожала плечами:

— Просто время от времени у меня возникает чувство, что меня водят за нос. Когда мы говорили с вами во втором номере, мне было обещано, что утром мне расскажут, зачем, кому и какого плана от меня потребуются услуги, а за завтраком вы же дважды повторили про «все в свое время»…

— Но вы же толком ни о чем не спрашивали, — Рет — Ратус вполне естественно развел руками.

— А я должна была спросить? — не поверила Наора. — И вы бы ответили?

— Ну не все, — ответил Рет — Ратус честно. — Но сейчас, пожалуй, отвечу.

Наора поняла, что время пришло.

— Тогда я спрашиваю: зачем я в этом доме?

— Чтобы переодеться, — сказал Рет — Ратус, и добавил, предупреждая следующий вопрос: — Кроме того, в другом месте — месте, куда мы поедем завтра утром, — в это время готовятся к вашему приему.

— К торжественному приему? — съехидничала Наора.

— Нет, к простому, — спокойно парировал Рет — Ратус. — Вы ведь могли не согласиться на мое предложение, и нам пришлось бы прибегнуть к помощи другой… женщины.

— …Которую можно было бы соблазнить подобным предложением? — продолжила Наора.

— Которая *уже* соблазнилась подобным предложением, — поднял, возражая, свой длинный палец Рет — Ратус. — Она уже найдена. И еще одной предложение было бы сделано завтра утром. Вы напрасно думаете, что вы одна. Просто вы нам более подходите. Я бы сказал, подходите почти идеально.

— Но все же, что это за предложение, — не унималась разошедшаяся Наора. — Мне бы хотелось знать, во что я ввязалась. Вся эта таинственность очень пахнет чем–то

противозаконным.

— Только не говорите мне, что вы никогда не делали ничего противозаконного, — Рет — Ратус улыбнулся Наоре такой улыбкой, что ей показалось, будто он знает про нее такое, чего она и сама про себя, возможно, не знает. Очень профессионально улыбнулся, так профессионально, что ей стало немножко не по себе. Он даже смягчил пилюлю тоже весьма профессионально: — Вряд ли найдется во всей Империи идеально законопослушный гражданин.

Ну и пусть!

— Вы уходите от прямого ответа?

— Вовсе нет, — возразил Рет — Ратус. — Вот он: вам предстоит на некоторое время стать двойником одной знатной дамы. Сама дама, ее муж и еще несколько заинтересованных людей в курсе этой истории, для прочих же она должна остаться тайной. Вы удовлетворены?

Наора даже не сразу пришла от изумления. Все так просто? Нет, конечно, не все. Просто все это выяснилось: раз — и все понятно. Нет, опять же далеко не все.

— А в чем смысл? — Наора попыталась разобраться в сумбуре, царящем у нее в голове. — На нее готовится покушение? — брякнула она первое подвернувшееся предположение.

— Не так трагично, — Рет — Ратус позволил себе улыбнуться. — Вовсе нет. Просто эта дама должна быть в определенном месте в определенное время, но по ряду причин сделать она этого не может.

— Что же это за причины? И кто эта дама? И что за…

Рет — Ратус предостерегающе поднял сухую ладонь.

— В свое время!

Наора опять помолчала.

— Ну, хорошо. Я на нее так похожа? — Наора попробовала подобраться с этой стороны и уже перебирала виденные ею лица знатных дам и их портреты.

Но не тут–то было.

— Не очень, _ охладил ее пыл Рет — Ратус. — Та, первая женщина, о которой я говорил, внешне больше походит на нее. Мне даже пришлось убеждать, что именно вы подойдете для этого дела куда лучше.

— Но почему вы так уверены? Вы же меня почти не знаете!

— Я-то? Я не знаю тебя? — от взгляда глубоко посаженных серых глаз у Наоры прошел холодок между лопаток. — Девочка, да я вылеплю из тебя эту даму так, как гончар лепит кувшин из глины.

Вот сейчас Наора испугалась по–настоящему. В тоне Рет — Ратуса не было ничего угрожающего, но этот внезапный переход с «вы» на «ты», неожиданная смена непринужденной любезности на деловитость, граничащую с жесткостью, подействовали на нее, как порыв студеного ветра — она даже поежилась. Наора просто не могла поверить, что этот спокойный ровный голос может *так* говорить.

— Вы… вы полагаете, что у меня получится?

Взгляд льдистых глаз тут же стал иным. Видимо, серый человек по имени Рет — Ратус, не ставший, впрочем, менее таинственным оттого, что назвал свое имя, был удовлетворен произведенным эффектом — или показал свое истинное лицо и тут вновь его скрыл? Во всяком случае, голос его стал мягче, и опять вернулась вежливость:

— Конечно, я же видел вас на сцене.

— В роли без слов? — тут же ощетинилась Наора. Ну что он пристал к ней! Тоже нашел примадонну!

— А вчера вечером? — напомнил Рет — Ратус и усмехнулся. — Я же вам говорил, что часто бываю в театре.

Наора прикусила губу.

— И давно вы следите за мной?

— Специально — нет, но впервые увидел давно. И взял на заметку, — признался он спокойно. — Не нарочно, просто так.

— Да кто же вы такой?! — невольно вырвалось у Наоры.

Рет — Ратус пожал плечами.

— Пожалуй, пока я не буду этого говорить. Могу только сказать, что таких как я в этом мире немного.

Он допил свое вино и встал.

— По–моему, мы уже пообедали, — в его голосе вновь была прежняя ровная вежливость, а на тонких губах лежала прежняя полудетская улыбка. — Поэтому предлагаю последовать моему совету и прогуляться по парку, а заодно провести примерку ваших обнов.

Однако вышел он из столовой, не дожидаясь ответного согласия или возражения, и Наора пошла выполнять приказ, невинно замаскировавшийся под именем совета.

Примерка не заняла у нее много времени и не потребовала больших усилий — вещей было не так уж много: пара богатых, но вовсе не роскошных, платьев, шубка и немного милых женскому сердцу и ласкающих душу и тело мелочей.

Застегивая выбранное для прогулки платье, Наора оглянулась на шорох за спиной и обнаружила стоящего возле дверей Рет — Ратуса.

Да что же это! Опять он появился без предупреждения и

невесть сколько времени подглядывает за ней! Это уже слишком!.. Наора собралась было открыть рот, чтобы высказать все, что думает о бесцеремонности этого возомнившего о себе типа — и будь что будет, — но Рет — Ратус, словно прочитав ее мысли, ответил на все претензии до того, как они оказались высказаны:

— Прошу прощения, за свою навязчивость, сударыня, но, увы, она необходима. Как я уже объяснил вам, мне предстоит вылепить из вас неизвестную вам, но хорошо известную другим даму. Поэтому придется вам, дорогая Наора, привыкать к тому, что меня не следует стесняться. Как, к примеру, врача. — Сказано это было тем же вежливо–приказным тоном, после чего Рет — Ратус совершенно без перехода заметил, по–хозяйски осматривая едва не вспыхнувшую от праведного гнева девушку: — Первые результаты кажутся мне вполне удовлетворительными. А как вам?

Так мог бы сказать осматривающий результаты своего труда гример или костюмер. Это сравнение настроило Наору на несколько миролюбивый лад: почему бы и нет? Могло быть гораздо хуже. Она еще раз посмотрела на себя в зеркало.

Свежеокрашенные волосы шли ей не очень; платье было слегка вышедшим из моды — не до такой степени, чтобы казаться совсем старым, но все же достаточно, чтобы вызвать высокомерное презрение к его обладательнице у более богатых женщин–соперниц. И все же… Все же Наора в нем выглядела именно дворянкой, а не какой–нибудь мещаночкой, все еще провинциальной актрисой в роли дворянки.

— Гувернантка, — сказала она вслух. — Или компаньонка. Или какая–нибудь приживалка, бедная бесприданница, живущая из милости при богатом семействе. Словом, — подвела она итог, — хоть и не «кушать подано», но «подай–принеси» точно.

— Вот и замечательно! — ответствовал Рет — Ратус. Судя по возгласу, он был весьма доволен, и поскольку Наора не разделяла его восторгов (честно сказать, она ждала комплимента, опровержения своих выводов), пояснил: — Собственно, я не собирался наряжать вас как картинку из модного журнала. Нам надо пересечь всю страну, и я не хотел бы, чтобы глянув на вас, кто–то мог бы припомнить Наору из Берстарского театра… Вы надели бы это платье по своей воле?

— Пожалуй, нет, — призналась Наора. — Оно, конечно, из хорошего материала, но ведь ясно видно, что оно с чужого плеча и устарело по моде. Но я бы его перешила, — она стала показывать, где и как: — Здесь бы сделала вставку, рукав заузила, спорола бы этот жуткий кант и разорилась на несколько футов той миленькой тесьмы, которую недавно видела в галантерейной

лавке…

— …А если еще переменить воротник, выглядело бы просто великолепно, — подхватил Рет — Ратус явно со знанием дела. — Но мы этого делать не будем, — прибавил он. — Потому что именно так, а не иначе надлежит выглядеть барышне Ретте, которая едет в Столицу из далекого поместья Палеонис, где до недавнего времени она служила именно компаньонкой, к новой хозяйке, госпоже Прено, к которой ее пристроили сердобольные родственники.

Он жестом престидижитатора выхватил из–за обшлага серого камзола какие–то бумаги и с нарочитым изящным поклоном протянул их Наоре. Та развернула листы. Это была подорожная на имя Ретты из Палеониса и сопроводительные документы.

— И что же, за бедной приживалкой прислали карету? — с сомнением спросила девушка.

— Конечно, нет, — одобрительно улыбнулся Рет — Ратус. — Просто она воспользовалась оказией и путешествует с вызванным в Столицу управляющим соседа–помещика. — Он повторил поклон, спросил, выпрямившись: — Похож я на управляющего?

— Если захотите, — поклоном ответила Наора.

Они взаимно улыбнулись друг другу, и Рет — Ратус спросил, готова ли она к прогулке. Наора ответила утвердительно, приняла от него услужливо протянутую шаль и повязала ее на северный манер тюрбаном вокруг головы. Рет — Ратус снова одобрительно кивнул и накинул на ее плечи теплый плащ.

Взяв со столика перчатки, Наора чуть нахмурилась.

— Что такое? — встрепенулся Рет — Ратус.

Наора протянула перчатки ему:

— Не подходят!

Рет — Ратус кажется, наконец, недопонял. Тогда Наора победительно натянула перчатку и с удовольствием пошевелила пальчиками у него перед длинным носом:

— Вы можете представить себе компаньонку в таких перчатках?

Рет — Ратус поймал ее запястье, сдвинув брови, пригляделся и кивнул головой:

— Да. Ошибка.

Простую замшевую перчатку украшала изящная пряжечка — платиновая, с изумрудом и бриллиантами.

— Перепутали коробки, — сказал Рет — Ратус, как бы оправдываясь и виновато разводя руками. — Мой недосмотр. — Он потрогал пряжку: — М-м… Может, просто спороть?

Наора покачала головой:

— Будет слишком заметно. Я, конечно, несчастное создание,

но не до такой степени, чтобы носить перчатки с дырами на самом видном месте.

— Ладно, — согласился Рет — Ратус, протягивая Наоре вторую перчатку. — Потом что–нибудь придумаем. А теперь — гулять!

Они гуляли долго, ходили по расчищенным дорожкам парка, дошли до замерзшего пруда. Потом посидели на скамейке и смотрели, как солнце садится за лес. Все время они больше молчали или разговаривали о разных пустяках.

— Да вы совсем замерзли, — заметил Рет — Ратус, когда стало почти уже темно. — Идемте в дом!

— Ой, здесь так хорошо! — возразила Наора, которая действительно немного замерзла, но в дом ей не хотелось.

— И все же пойдемте, — Рет — Ратус поднял ее за локоток со скамейки. — Я очень рад, что доставил вам несколько приятных минут, — сказал он, ведя девушку по дорожке. — Я, конечно, постараюсь делать это и впредь, ведь вас впереди ждут очень напряженные дни.

— Репетиции? — спросила Наора.

— Скорее — дрессировка, — серьезно ответил Рет — Ратус, и поймав удивленный взгляд Наоры, кивнул: — Да, да. Я должен буду вас не столько научить, сколько выдрессировать вас. Вы будете не на сцене, готовых реплик и ремарок у вас не будет. Вы должны жить ролью, быть вашей героиней при любых обстоятельствах. Так что, заранее прошу у вас прощения, но довольно часто я буду жёсток, и даже жестук.

— Как сегодня? — легкомысленно улыбнулась Наора.

— Нет, — четко сказал, будто отрезал, Рет — Ратус. — Гораздо более чем сегодня.

4

На первой же почтовой станции, где Рет — Ратус и Наора остановились сменить лошадей и кучера, с ними произошло маленькое забавное приключение.

Они заканчивали обед в общей зале, согревая иззябшие души обжигающим супом и горячим вином, когда на дворе послышался шум подъезжающего экипажа. Какое–то время спустя в залу вошла женщина в бархатной шубке и громоздком меховом капоре; ее наряд был заметно старомодным, и Наора поэтому удивилась, когда увидела, что под шубкой и капором скрывалась совсем молодая девушка, пожалуй, ее ровесница.

Скинув верхнюю одежду, девушка прошла к камину и протянула к огню руки.

Жена смотрителя уже спешила к ней с кружкой разогретого вина. Девушка с милой улыбкой ее поблагодарила и стала маленькими глоточками пить, грея ладони о кружку.

Разговаривая, вошли смотритель и драгунский офицер в зимних медвежьих мехах.

— Холодина нынче! — офицер бросил шапку на лавку и подошел к столу. Жена смотрителя налила ему водки, и он тут же залпом опрокинул в себя ее содержимое.

— Ваш экипаж готов, сударь, — сказал смотритель Рет — Ратусу.

Тот кивнул, мотнул головой Наоре и пошел в угол, где была брошена его волчья доха. Наора поспешила вслед за ним, повязывая пуховую шаль, поверх которой надела поданную Рет — Ратусом шапочку. Он протянул ей ее шубу, Наора проворно сунула руки в рукава и быстро застегнулась; набросила на шею ремешок муфты и пошла вслед за Рет — Ратусом во двор, на ходу натягивая перчатки.

Рет — Ратус подсадил Наору в карету, и она завозилась в росомашьих мехах, устраиваясь поудобнее. Рет — Ратус хотел было последовать за ней, но тут от крыльца его окликнул смотритель: «Сударь, вы забыли…», и Рет — Ратус вернулся в дом; хлопнула дверь. И тут же хлопнула еще раз, и на двор, на ходу натягивая капор, в расстегнутой шубке выскочила девушка.

Подбежав к карете, она проворно вскочила внутрь и обратилась к Наоре:

— Сударыня, позвольте мне поехать с вами! Хотя бы один прогон.

— Но… — Наора растерялась. — Я не могу… Это не моя карета.

От дому уже шел Рет — Ратус, открыл дверцу кареты, занес ногу на ступеньку и остановился, увидев неожиданную пассажирку.

— Сударыня?..

— О, сударь, умоляю! — воскликнула девушка. — Позвольте мне уехать с вами. Пожалуйста… Вы кажетесь таким добрым человеком.

Рет — Ратус задумался лишь на миг, потом ловко вскочил в карету, крикнул кучеру: «П-пшел!» и захлопнул дверцу. Он опустился на сиденье раньше, чем карета дрогнула, трогаясь с места, и потянул на себя и на девушек сшитое из росомашьих шкур покрывало.

— Немедленно застегнитесь, — приказал он незваной попутчице. — Вы насмерть застудитесь.

Незнакомка, выпутывая руки из покрывала, вытащила узелок

со своими вещами, который до сих пор прятала под шубкой. Рет — Ратус быстро отобрал у нее узелок и бросил на сидение напротив.

— Я сказал, застегнитесь!

Однако ее движения показались Рет — Ратусу слишком медлительными, и он сам стал застегивать на ней шубку. Только после этого он поинтересовался:

— Итак?

История юной мещанки, которую звали Алики, была проста и не требовала пространного повествования. Она была круглой сиротой, жила с раннего детства у теток, двух старых дев, которые держали галантерейную лавку в Берстаре — в этой лавке Наора, бывало, покупала нитки и прочую мелочь. Тетки воспитывали девушку в большой строгости, из дому Алики выходила только в их сопровождении или в компании со служанкой почтенного возраста. Людей она видела только в лавке, при еженедельных посещениях храма и куда более редких — театра. Тетки одевали ее согласно своим вкусам, и ее чудовищное старомодное платье было точной копией платьев теток, которые не изменяли их уже лет двадцать. «Поживешь такой жизнью — волком взвоешь», — заметила Алики, рассказывая о своей судьбе. Разговаривать с молодыми людьми — неприлично, танцевать — грех, мечтать о любви — вообще постыдно для девушки в ее возрасте!.. Из ее школы забрали рано: научилась читать–писать да арифметике с дробями — и ладно, хватит, чтобы помогать со счетами в лавке. Замуж тетки ее отдавать и вовсе не собирались: о приданом не думали, к знакомым на девичьи посиделки не пускали, свах со двора отваживали. Посватался было вдовец–булочник с соседней улицы: ладно уж, бесприданница, на троих маленьких детей не всякая пойдет… Так тетки свахам такого наговорили, что те Алики за версту обходить стали — потом уж только Алики узнала, что слывет на улице за припадочную…

Освобождение пришло в лице драгунского офицера, заскочившего в лавку, чтобы ему срочно пришили пуговицу. Алики только и успела, что переглянуться с ним — одна из теток мигом услала ее в дом, пока вторая занималась офицером и его доломаном. Но в тот же день перед ужином кухарка — Алики и не подозревала в ней талантов сводни — хитро подмигнула ей и незаметно сунула в руку записочку. (Эту записочку, как и несколько других, девушка тут же предъявила Рет — Ратусу. Банальный образец «галантерейного» любовного послания: «Ваши милые лазоревые глазки пронзили мое горячее сердце навылет, словно пуля…», «…и мы сольемся в огненном поцелуе, словно два

голубка…» и так далее.) Алики, разумеется, ответила, хотя молодецкие усы драгуна зародили в ее сердце не влюбленность, а только усмешку: офицер был скорее смешон в своем самодовольстве. Записочка за записочкой, носимые туда–сюда падкой на мелкие подарки кухаркой — и однажды нетерпеливый драгун предложил ей бежать из дому, обещая законный брак и любовь до самой что ни на есть гробовой доски. «Так я ему и поверила! — блестя глазами, рассказывала Алики. — Но как–то же надо было выбраться из этой проклятой лавки?»

Сегодня побег свершился. Тетки вместе с племянницей, так как день стоял праздничный, пошли в храм, оставить приношения, а на обратной дороге, когда они степенно шли по улице, сильные руки втянули девушку в проезжавший мимо возок, верный кучер свистнул, щелкнул, подгоняя горячих лошадей, кнутом, а ошеломленные тетки подняли шум, только когда беглянка была уж далеко.

Своих обещаний насчет свадьбы драгун исполнять, конечно же, вовсе не собирался. То есть он рассказывал сказки о том, что они обвенчаются в первом же храме, повстречающимся им в пути, но то ли все храмы на южном тракте куда–то подевались, то ли кучер попался многоопытный, но вместо обещанного венчания они оказались на ближайшей почтовой станции, где драгун попробовал было снять комнату на двоих, однако смотритель оказался строгих правил: «Это если сюда все господа из Берстара повадятся ездить резвится да развратом здесь заниматься, что же у меня получится вместо почтовой станции? Нет уж, господа хорошие, езжайте отсюда…» и не стесняясь указал адрес. Так как хозяин был весьма внушителен размерами и, несмотря на годы, крепок, а под рукой у него был тесак, нимало не уступающий драгунской сабле, то не помогли ни топанье сапогами, ни хватания за эфес. Помрачневший ухажер велел ехать дальше, а Алики принялась соображать, как выпутываться из щекотливого положения. Стало ясно, что драгун вовсе не собирается увозить, как сулился, в другой город, а в лучшем случае вернет обратно теткам с навеки погубленной репутацией, и Алики решила, что побег не следует откладывать надолго. Та станция, где она напросилась к ним в карету, была всего лишь второй по счету…

— Что же вы теперь собираетесь предпринять? — благодушно спросил Рет — Ратус. — Не век же с нами будете кататься…

— А, проживу как–нибудь, — отмахнулась девушка. — Ремесло в руках есть, не белоручка. А то вон госпоже горничная не нужна ли? — поинтересовалась она.

— Увы, госпоже не нужна горничная, — ответила Наора.

— Но госпожа тоже сбегает из забытого всеми богами

Берстара, — хитро улыбнулась девушка. — Хотя я думала, вы уже далеко.

Наора замерла и изумленно поглядела на Алики. Рет — Ратус поморщился и спросил:

— Что вы выдумываете, дитя?

— Может, я и дитя, но госпожу Наору я всюду узнаю, стоит ей слово произнести. У нас в Берстаре никто так не говорит. Даже госпожа Теона. Да что там, даже сама губернаторша, — заверила девушка. — Вы, сударыня, наверно, не обращали на меня внимания, когда покупали в нашей лавке разную мелочь, меня почти всегда за занавеской держали, в задней комнате. Но я-то вас запомнила по театру. И ах, как я вам завидовала!

— Завидовали? Чему? — удивилась Наора. — Я порой просто забегала к вам в лавку погреться по дороге с базара.

Она вспомнила свое робкое: «Я посмотрю шерсть?», и презрительную усмешку лавочниц, которые подпускали ее к витрине с шерстяными нитками, прекрасно понимая, что у нее нет денег.

— Хорошо быть актрисой, — сказала мечтательно Алики. — Сцена, публика, цветы, поклонники…

— …роли из одной реплики, отец–пьяница, постоянная нищета, — с усмешкой продолжила Наора.

— Да что вы! Госпожа Теона вам в подметки не годится, — убежденно сказала Алики, и ей как бы хотелось поверить. — Она красивая — и только. Я видела, как вы играете Эро в «Отложенном возмездии». Теона так бы не смогла.

Роль Эро — роль без слов, потому что Эро глухонемая. И очень не любима поэтому актрисами, потому что не дает возможности песенку спеть или станцевать, чтобы преподнести себя в выгодном свете.

— Ладно, — сказал вдруг Рет — Ратус. — Вы приняты на службу.

Алики обернулась к нему.

— Да? А жалованье какое?

— Хорошее жалованье, — ответил Рет — Ратус и улыбнулся. — Я могу пойти навстречу юной девице, любящей театр.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ВЕСТИБЮЛЬ

ГДЕ КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА:
ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

продолжение 1

Когда майор одним из последних миновал ворота, в дворике было все в порядке и пока тихо. Пролетка стояла уже в дальнем углу, возле небольшого каменного сарая, здешней конюшенки — чтобы не застить в случае чего; в ключевых точках сидели егеря, держа на мушке возможные точки и сектора обстрела — окна, двери, наружные стены; основная группа штурмовиков, состоящая наполовину из егерей, наполовину из агентов ОТК, втягивалась в здание.

В небольшом холле было людно, но посторонних не было, только люди в черном камуфляже с закрытыми лицами да двое мнимых студентов, выглядевшие среди остальных несколько чужеродно.

Тот, который выглядывал наружу, подскочил к майору и вознамерился было обратиться по всей форме, но Гиеди жестом остановил его и приказал:

— Докладывайте коротко!

Мнимый студент кивнул и доложил: вошли, постучали в окошко кассы, ответа не получили, толкнули окошко — не заперто, заглянули — пусто; решили пройти в вестибюль, шли нарочно с шумом — никто не остановил, дальше вестибюля самостоятельно продвигаться не рискнули, отсигналили «путь открыт». Все.

— Ваши впечатления? — спросил Гиеди.

— Пусто здесь, господин майор, — констатировал «студент». — Такое ощущение, что здесь что–то произошло, и все попрятались или были уведены.

— Основания?

— Прошу вас! — Мнимый студент открыл дверь кассы и пропустил майора вперед.

Гиеди остановился на пороге, осмотрелся. Вроде бы все было в порядке: стол, лампа на столе, рулон с билетами зажат в валиках, на зубчиках край его аккуратно оторван, наполовину выдвинутый ящик с кассой… раз непорядок… деньги рассортированы по отсекам, тут же на столе раскрытая книжка

текстом вниз, очки… Сразу видно, что кассир — педант и аккуратист (хотя касса…), скорее всего — он глянул на обложку книги, ага, — старая дева или холостяк… Ну и?

Майор обернулся к «студенту» и вопросительно посмотрел.

— И?

— Вот, господин майор, — палец его указывал на очки.

Гм… Да, молодец, парень, сразу заметил, а вот он прошляпил. Очки не просто так лежали на столе — они валялись. Можно, конечно, допустить, что кассир вышел на минутку, забыв запереть дверь и даже задвинуть кассу: не бордель какой–нибудь второсортный, храм науки, публика культурная, не полезут в кассу мелочь тырить… а бывает прижмет… Маловероятно, но возможно; хотя, надо заметить, минута, на которую кассир мог выйти, давно уже истекла. Но вот чтобы аккуратист не сложил перед выходом очки — старые очки, сразу видно, привычные лицу, неоднократно ремонтированные, — а просто так швырнул их… это уже ни в какие рамки. Разве что припекло так, что уж и невтерпеж…

— В привратницкой и конюшнях примерно тоже самое — следы поспешного ухода и никого.

— Спасибо, подпоручик, — сказал Гиеди, входя в помещение. — Кликните–ка сюда старших групп.

Студент исчез, а через полминуты в комнатку протиснулись пятеро.

— Так, господа, — тихо сказал майор. — Судя по всему, нас либо опередили, либо что–то случилось еще. Продолжаем работать, как было условленно. Наш участок — три нижних этажа и цоколь. Две группы, поручик Гайал и поручик Легир — первый этаж, по правой и левой руке соответственно. Вы, поручик, прикрываете вход и контролируете лестницу. Я со своей группой иду вниз, в цоколь. Общая задача: полная проверка и зачистка помещений. Всех, кого обнаружите, нейтрализовать, разбираться будем потом. Напоминаю: трупы нам не нужны. «Хайры» двигаются навстречу сверху. Точка пересечения — главный зал библиотеки, третий этаж. Работать тихо, постарайтесь обойтись без шумовых и прочих эффектов. Маршруты все помнят?

Командиры групп закивали. Конечно, помнят, раз сама матушка Миррима с ними перед выездом поработала.

— Тогда, в работу, господа! В работу!

Когда майор вышел в холл, там уже остались только группа прикрытия и те, кто должны был идти с ним в цокольный этаж.

ТЕ МЕСТА:
СТОЛИЦА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

Карета битый час стояла у ворот, и кучер нетерпеливо посматривал в сторону дома, а отец все стоял перед зеркалом и расправлял складки воротника. Катрей выходил из себя, но отец невозмутимо говорил:

— Не мельтеши, сынок. Причешись лучше сам как следует. Надо выглядеть подобающим образом, коли собираешься предстать перед глазами самого Императора.

— Только и делать нечего Императору, как наши прически рассматривать, — нервно пробурчал Катрей, поправляя в очередной раз волосы. — Вы собираетесь заставить Императора ждать себя, отец?

Отец скосил на сына лукавый глаз и ответил с небрежной улыбкой:

— Император, храни его Небо, мне в сыновья годится. Я еще его батюшке заказы исполнял.

— Ага, — проворчал Катрей. — Только у вас нет титула Отца Императора, отец.

Старый мастер смахнул с рукава камзола невидимую пушинку и жестом подозвал сноху, которая держала наготове бобровую шубу. Катрей обошелся без помощи невестки, сам сунул руки в рукава своей шубы, нахлобучил на голову шапку, испортив прическу, и вышел на крыльцо, придержав дверь. Отец неторопливо проследовал за ним. Катрей спешным шагом подошел к карете и остановился. Кучер с высоты кузел глянул на него, как показалось, насмешливо.

Катрей учтиво распахнул дверцу, и старый мастер, покряхтывая, полез в карету. Просто полез, как в какую–нибудь наемную повозку или в там в дилижанс. А это ведь была не просто *какая–нибудь* карета! Это была *карета Императора*!

Разумеется, сам Его Императорское Величество в ней никогда не разъезжал. Однако, приглашая к себе кого–нибудь из третьего сословия, посылал за нужным ему человеком именно ее; даже те из столичных богачей, кто имел собственные выезды, предпочитали проехаться по Столице именно в этой карете — проехать в ней значило примерно то же, что получить медаль. Катрей, конечно, никакой медали пока не заслужил, он всего лишь был сопровождающим лицом, а потому угрюмо забился в угол и там притих. Зато отец устроился так, чтобы его было хорошо видно, и с большим удовольствием принимал заслуженные почести: приподнимал шляпу в ответ на приветствия знакомых и улыбался миру, который был благосклонен к нему.

Карета катила по нарядному предпраздничному городу, солнце дробилось в стеклах окон, на небе не было ни облачка, а на ветвях деревьев распускался, как волшебный цвет, искрящийся иней. Стоял легкий, бодрящий морозец, горожане были румяны и веселы, как будто в Столице сегодня был праздник.

Когда карета въехала на мост, Катрей бросил взгляд вниз. На реке было полно катающихся на коньках и в высоких креслах–санках, которые толкали сзади слуги или кавалеры. Буера стояли на приколе у берега — ветра не было.

В Императорском парке карета оставила по левую руку Пантеон и Большой дворец, проехала дальше вдоль берега и остановилась перед Сапфировым домиком, не самой главной из Императорских резиденций. Сравнительно небольшое и не отличающееся на первый взгляд изысканностью стиля строение было возведено совсем недавно, уже при правлении нынешнего Императора и предназначалось для проживания Императорской семьи. Однако оно вписалось в создавшийся веками ансамбль Императорского Дворца так органично, что с самого момента постройки стало излюбленной темой для художников с Набережного бульвара, обожавших рисовать его и портретировать на его фоне свои модели, благо с противоположного берега реки его было прекрасно видно — в редком столичном доме не было такого пейзажа. Катрей, естественно, впервые видел Сапфировый домик так близко и, окинув его придирчивым взглядом художника, каковым (и не без основания) считал себя, решил, что впечатление изящной соразмерности создавалось не столько с помощью камня, сколько умело подобранными красками. Множество оттенков благородного синего от почти белого до почти черного, подчеркнутых в иных местах искусно нанесенной позолотой, живо напоминали о сказочных видениях.

Внутри же Сапфировый домик был дом как дом. Богатый, разумеется, но Катрею доводилось бывать в таких, а какой–то баснословной роскоши и пышности украшений и обстановки, о которых болтали досужие языки, он не заметил.

Ливрейные лакеи бесшумно и с ловкостью, которой позавидовал бы и уличный воришка, избавили званых гостей от тяжелой верхней одежды и тут же испарились. Отец опять застрял перед огромным зеркалом, поправляя свой воротник. Катрей, ожидая его и раздражаясь оттого, что не знал, как себя вести дальше, нервно приглаживал волосы. Наконец из больших дверей наверху широкой лестницы вышел пышно одетый важный господин, оказавшийся всего–навсего дворецким, и церемонным жестом пригласил их следовать за собой. Катрей пристроился в кильватер отцу и, сдерживая шаг, поплелся следом, мысленно

проклиная все и вся на свете.

В уютной комнате с эркером, глядящим на покрытую льдом реку, завтракал довольно таки молодой мужчина в белом костюме. Его лицо сразу показалось Катрею знакомым, но только несколько секунд спустя он сообразил, что *это и есть* Император! Настолько было странно видеть того, чьи профили украшали золотые монеты и чьи парадные портреты украшали все присутственные места и банковские билеты Императорского монетного двора, вот так запросто — в скромном утреннем одеянии и с булочкой, намазанной маслом, в руке.

Отец склонился в почтительном поклоне, и Катрей запоздало последовал его примеру.

— Ну что вы, уважаемый мастер, — приветливо и даже с некоторой мягкой укоризной, как показалось Катрею, сказал Император. — Я принимаю вас запросто, в затрапезе. Так уж и вы извольте держаться проще. Присаживайтесь, прошу вас, мастер Каламе… А этот молодой человек, вероятно, ваш сын?

— Мой второй сын, Ваше Императорское Величество. Мой сын Катрей, — вежливо уточнил отец и опустился на предложенный стул.

Катрей еще раз поклонился.

Император, приятно улыбнулся, сделал жест, и невидимый лакей сзади ткнул Катрея под коленки мягким табуретом.

— Присаживайтесь, — с запоздалой радушностью разрешил Император. По еще одному жесту другой лакей–невидимка поставил перед гостями еще два прибора, третий налил в чашки горячий шоколад, четвертый поставил по тарелке с булочками и печеньем. Император продолжал: — Пожалуйста, разделите со мной скромный завтрак. Вы, правда, наверняка уже откушали, но я по должности своей, да и по склонности, надо признаться, характера пташка поздняя, так что утро для меня только наступило.

— Польщены честью, — проговорил старый мастер, попытавшись приподняться, но был остановлен мановением царственной длани, и вернул свой зад на мягкое сидение, явно наслаждаясь почетом.

Катрей только склонил голову. Ему за этим столом говорить без разрешения не полагалось.

— Ваше ремесло, почтенный мастер, — начал Император издалека, неспешно прихлебывая свой шоколад, — давно интересует меня. Оно представляется мне чем–то вроде волшебства, магии. В любом ремесле есть что–то от чародейства — даже простой глиняный кувшин на гончарном кругу возникает самым удивительным образом из мокрого куска глины, а уж в

изделиях из стеклянной карамели магия созидания остается даже после того, как они покидают руки мастера. Не так ли? — пригласил он говорить мастера

Тот солидно откашлялся и произнес со значительностью:

— Мы, карамельные мастера, Ваше Величество, не называем это магией. Мой покойный дед, когда вбивал мне карамельную премудрость ремнем в — прошу прощения Вашего Величества за вольность, — задний ум, говорил мне, бывало, что все вещи в подлунном мире обладают сущностью. Однако есть вещи, которые, помимо просто сущности, обладают еще и Сутью. — Он сделал паузу, и Император понимающе кивнул. — Так вот вещи, имеющие Суть, становится более чем простыми вещами.

— Амулеты, — вставил Император, но мастер Каламе отрицательно покачал головой

— Нет, Ваше Величество, — возразил он. — Амулетом может стать любой предмет, на который наведено магическое воздействие. Суть вещи здесь не при чем. Вещей же, обладающих собственной внутренней Сутью, в подлунном мире не так уж много, но даже для того, чтобы ее мог увидеть любой, необходимы Мастера, которых в мире три. Это кузнецы, ибо они показывают Суть холодного железа, металла доблести и чести, это ювелиры, ибо они показывают Суть драгоценных камней и металлов. И это карамельные мастера, — старик Каламе скромно улыбнулся и склонил голову, — ибо они находят Суть в безделушках.

Император радостно засмеялся, должным образом оценивая остроумие, и мастер карамельных безделушек, довольный, продолжал:

— Наш Создатель дал вещам Суть, чтобы мы имели повод вспомнить о нем среди дел и праздности, и поэтому Мастер, показывающий Суть людям, сродни священнослужителю, тако же помогающему человеку не забывать о Создателе в суете дней. И это не богохульство, Ваше Величество, и не кощунство. В Махрии, Ваше Величество, откуда пошло карамельное мастерство, и кузнецы и ювелиры, равно как и карамельные Мастера до недавнего времени обязывались строжайшими клятвами не искажать Суть вещей. И нарушение этой клятвы каралось, как ересь — отлучением и смертью.

— По–вашему, почтенный мастер, так с любого деревенского кузнеца должен быть такой же спрос, как и с вас? — провокационно заметил Император. Видимо, ему действительно было любопытно.

— Ваше Величество, я считаю профанацией называние всяких деревенских ковалей кузнецами, — с достоинством возразил

мастер. Возражать Императору — такое доводится не каждому и не каждый день, есть от чего загордиться. И мастер явно гордится собой. — Подковать лошадь может любой из них, но вот выявить Суть железа они не способны. Они не способны даже исказить Суть, ибо как для того, чтобы выявить, так и для того, чтобы исказить, надо эту хотя бы Суть видеть. Так что подлинных карамельных Мастеров, так Мастеров–кузнецов, и Мастеров–ювелиров в Империи можно пересчитать по пальцам.

— Вот как, — Император задумчиво поднял бровь и откинулся в кресле. — Однако постойте. Допустим, сто лет назад некий истинный Мастер сделал… м-м… скажем, золотой браслет. Будем считать, что это браслет без каких–то драгоценных камней — просто чистое золото какой–то определенной пробы. Предположим так же, что в какой–то момент за эти сто лет браслет превратился в металлический лом, не потеряв при этом ни единого карата веса, и его отдали современному ювелиру. Тот, являясь истинным Мастером, сделал из лома золотую цепочку. Кто из них… э-э… еретик? В чем истинная Суть данной вещи?

— То, что вы говорите, Ваше Величество, — обрадовался старый мастер, — справедливо как раз для амулетов, которые при переделке непременно теряют вложенный в них магический заряд. Суть же вещи не зависит от формы, так же, как форма не зависит от Сути!

— Мода, значит, не может повлиять или исказить Суть? — догадался Император.

— Совершенно верно, Ваше Величество, — согласно чуть склонил голову мастер. — Но мода–то влияет на самих людей. — Он вздохнул. — Собственно, именно поэтому я осмелился притащить к Вам на аудиенцию вот этого балбеса. Я старый человек, Ваше Величество, а это значит — я человек старомодный. Времена меняются, и мне, старику, за ними трудно поспевать. Молодому Императору, недавно взошедшему на престол, нужны молодые мастера. Я собираюсь удалиться на покой, и смею просить назначить моего второго сына Катрея моим преемником.

Услышав, что разговор зашел о нем, Катрей вздрогнул. Он чуть было не задремал, пока отец втолковывал Императору давно и прочно вбитое в его, Катрея, голову (ну и не только в голову, потому что батюшка не брезговал и старыми дедовскими методами). Скучно же в сто одиннадцатый раз слушать одно и то же! Спроси его Император, что он о Сути вещей думает, ему было бы что сказать. Только кто ж его спросит? Рано ему еще, видите ли, иметь собственное мнение, не женился еще, человеком не стал. А при чем здесь «женился»? Вон Рес сколько женат — а

толку? Как был поделочником, так поделочником и остался. И помрет поделочником, потому что только вбитое и усвоил, а воображения в нем ни на грош…

А он, Катрей, не верил этим дедовским сказкам!.. Слушал, заучивал и знал все это наизусть — не одному отцу знание через задний ум вколачивали, сам он тоже не пренебрегал проверенным методом, _ а вот не убеждали они его, и все! Суть вещей… Нет, конечно, она есть, Суть! Как не быть, когда он чувствовал ее, с детских лет мог отличить простую карамельную стекляшку от настоящей карамельной вещи. Просто так, на ощупь… Вот только не мог объяснить, как это у него получается. Сколько отец с покойным дедом ни пытали его, а он не мог ничего толком объяснить. Нутром чуял — да, печенками, селезенками, и прочими кишками, пальцами чуял… И знал, как подобрать состав карамели, как выдувать вещь, как ее остужать, как сделать.

— А что ваш старший? — спросил Император, мельком глянув на тут же стушевавшегося под венценосным взглядом Катрея, и вновь обращаясь к отцу.

Старик только рукой махнул. И правильно сделал.

— Он хороший ремесленник, и только. Выдуть что, карамель по рецепту сварить — это по нему. А сам придумать ничего не может. А Катрей, — тут и он поглядел на сына и даже улыбнулся, — он хоть и оболтус изрядный у меня, а в карамели Мастер от Создателя. Душа у него карамельная. И глаз у него хороший. Да и язык подвешен неплохо, а должность Главного мастера мызы требует от человека и гибкости языка, и изящности манер — клиент–то у нас особый. Вот пусть они вдвоем и работают: Рес в мызе у горна, на подхвате, а Катрей на особых заказах и вообще. Я научил его всему, чему мог и чему должен был, а дальше его пусть сам Создатель обучает, коли дал ему талант.

Император посмотрел на Катрея более внимательно, и на сей раз тот не стушевался. Неожиданная похвала отца, да еще в глаза самому Императору, придала ему уверенности. Да и раз отец рекомендует его в Главные мастера _ а он–то думал и гадал, зачем отец везет его на аудиенцию! — то надо привыкать.

— Ваш сын уже сдал экзамен? — спросил Император.

— Оба, Ваше Величество. Мы ездили в Махрию, и Гильдия провела экзамен по всем правилам, — подтвердил отец с гордостью, а Катрей, вспомнив эту поездку, внутренне вздрогнул — ох, пришлось ему попотеть тогда… — Но для получения звания Главного мастера Катрею надлежит исполнить Императорский заказ.

— Я должен что–то заказать? Хм, — Император призадумался. — Но что?

— Все, что угодно Вашему Величеству, — почтительно склонил голову старик.

— Ума не приложу. А что в свое время изготавливали вы?

— Помнится, Ваш Отец заказал мне люстру. Ту, что по сей день висит в церемониальном зале, тридцать лет без малого. — В голосе старика снова звучала нескрываемая гордость.

— Да, да, я помню, — сказал Император и задумался.

Катрей сидел, боясь пошевелиться. Сейчас решалась его судьба. Каков бы ни был Императорский заказ, он сумеет выполнить его достойно, так что Гильдия утвердит его назначение. Но вот будет ли само назначение — зависит от того, как понравится заказ Императору.

— Нет, еще одна люстра мне, пожалуй, не нужна, — сказал Император наконец. — А вот подарок для моих детей… Я обещал им что–нибудь подарить к Празднику Яблочного Цвета. Что–нибудь такое, чего нет ни у кого в Империи. Я подумывал об большой книге сказок — знаете: с яркими картинками, большими рукописными буквами… Но за два оставшихся месяца этого сделать не успеют. А вот заказать что–нибудь из карамели… Не кукол же, куклы есть у многих. А вот… кукольный домик? Да, я думаю, девочкам это понравится! — Император оживился. Глядел он сейчас прямо на Катрея, и тот невольно кивал чуть не на каждое обращенное к нему слово. — Когда я был маленьким, матушка показывала мне кукольный домик, который ей подарили, когда она была еще девочкой. Помню, мне он очень понравился. Там в гостиной стоял игрушечный спинет, и на нем можно было играть. Правда, к тому времени, как я его увидел, половина клавишей уже поломалась. Помнится, я еще попросил подарить мне такой же спинет, но меня не поняли и подарили обычный детский, — Император заулыбался, — такой, знаете, вдвое меньше взрослого. Когда же я попытался объяснить, что хотел другой, это сочли за детские капризы, и, помнится, даже наказали.

— Кукольный домик вполне подходит для заказа, Ваше Величество, — сказал старый мастер. Он взглянул на сына: — Ну, принимай заказ, оболтус!

Катрей кивнул.

— Ваше Величество имеет еще какие–нибудь особенные пожелания, кроме спинета в гостиной? — От волнения и долгого молчание он чуть не закашлялся, еле сдержался; получилось, кажется, вполне по–деловому.

— Пожалуй, нет. На ваше усмотрение… А вот нельзя ли

устроить действующий водопровод? — предложил Император.

— Хорошо, Ваше Величество, — кивнул Катрей и про себя подумал: «Нич–че–го себе…».

— Чудесно! — Император откинулся на спинку своего кресла и, глядя куда–то в потолок, продолжил: — И еще, знаете, я не хочу большой роскоши в обстановке. Пусть это будет простой дворянский дом среднего достатка. Пусть хозяин дома будет в простом сюртуке и…

— Прошу прощения, Ваше Величество, — растерянно перебил Катрей. — Хозяин дома? — он с отчаянием посмотрел на отца.

— Ну да, — Император удивленно посмотрел на него и нахмурился. — В чем дело, господа? В доме ведь должны быть хозяева?

— Но… — Катрей замялся, но поскольку отец не собирался, кажется, прийти на помощь, все–таки решился возразить. — Но карамельная кукла не детская игрушка, Ваше Величество, это слишком опасная вещь для того, чтобы доверять ее детям.

— Ты отказываешься выполнить Императорский Заказ? — тихо и как будто безразлично, спросил отец.

Такого коварства Катрей от него не ожидал.

— Но вы же знаете, отец…

— Объясни сам, сын, — небрежно бросил мастер Каламе и, демонстративно устраняясь, увлеченно занялся шоколадом.

Император глянул на него искоса, сказал «гм» и очень заинтересовано обернулся к Катрею:

— Я весь внимание, господин Каламе! Так почему карамельную куклу нельзя доверять детям?

Катрей откашлялся и объяснил:

— Карамельная кукла, Ваше Величество, суть изображение человека, и если, допустим, дети Вашего Величества, назовут одну из кукол именем… ну, скажем, своей гувернантки… Детские речи ближе к Создателю, Ваше Величество, не исключено, что произойдет то, что мы, мас… простите, карамельщики, называем «наречение». Куклу и особу, именем которой эту куклу нарекли, таким образом свяжут невидимые нити судьбы. Но дети имеют обыкновение ломать игрушки. Представьте себе, Ваше Величество, что может случится с гувернанткой, если кукле невзначай оторвут голову.

— Неужели она тоже останется без головы? — ужаснулся Император.

— Глупости! — выпалил Катрей и испугался. — Простите, Ваше Величество, я…

Император понимающе кивнул и махнул рукой.

— Продолжайте, господин Катрей, продолжайте.

И Катрей продолжил.

Он сам не заметил, как успокоился и начал говорить словно по писаному — знания, вбитые в голову при посредстве дедовской методы, и то новое, что он усваивал сам на протяжении времени своего обучения любимому делу, изливались из него теперь плавной заученной речью. Это было похоже на лекцию.

Для начала Катрей успокоил Его Императорское Величество, что вовсе не обязательно, чтобы у гипотетической служанки, кукле которой по нечаянности оторвут голову, тоже непременно отлетит голова. Что–то с головой у нее случится непременно, причем это что–то будет для несчастной скорее всего весьма неприятным, но не обязательно смертельным. Поэтому–то так строго и ведется учет производства заказных кукол. Ведь известно же, что карамель сама по себе уже несет в себе магический заряд.

Не может не нести, ибо доподлинно известно, что карамель — это ни что иное, как то, что осталось от легендарного замка Ахи после уничтожения его таласарами, а следовательно, в ней находятся эманации той древней магии, которая хранилась в знаменитой и еще более легендарной Великой Магической Книге, которая, в свою очередь, в этом замке хранилась. Ведь впервые карамель появилась около ста пятидесяти лет назад, когда те же таласары во время одной из экспедиций открыли таинственный народ аборигенов Ар–и–Дифа, так называемых френх–кбертов или «людей дюны», как перевели это самоназвание таласары. Но таласары, как известно, пренебрежительно относятся к магии, хотя сами пользуются ей достаточно часто.

Из Таласа карамель, в силу ряда обстоятельств, Его Императорскому Величеству несомненно известных (в этом месте Император согласно кивнул), попала сначала в Махрию, потом в Чифанду, а после покорения Махрии непосредственно в саму Империю… Точнее, не покорения, поправился Катрей, а присоединения этого небольшого государства, пусть совсем маленького по сравнению с другими подчиненными территориями, но такого лакомого кусочка земли в устье Великой Пограничной реки, из–за которого Империя долгое время враждовало со своим западным соседом, Чифандой, пока столетие назад эта вражда едва не перешла в стадию открытого противостояния. Тогда король Махрии, предпочитая скорее отдаться под власть более цивилизованного великого соседа, чем быть покоренным варварами непонятной — и оттого куда более страшной — Чифанды, подписал хартию о добровольном присоединении своего королевства к Империи.

К чему Катрей обо всем этом напоминает Его

Императорскому Величеству? А к тому, Ваше Императорское Величество, что с этим связана одна легенда, имеющая непосредственное отношение в карамели. Будто Махрии так долго удавалось сохранять свою независимость от двух грозных соседей благодаря именно одному из карамельных изделий, сделанных махрийскими карамельщиками — так называемого Великого Талисмана. Ведь за все время существования Махрии ни один захватчик не смог вступить на ее территорию. И только когда неусыпно охраняемый Великий Талисман бесследно исчез из дворца, Махрии пришлось смириться со своей участью быть поглощенной, пусть даже на почетных правах. Правда, это легенда, не более, но она хорошо доказывает, что даже остаточная, так сказать, магия Книги вовсе не так зла и коварна, как ныне это привычно приписывается некоторыми самой Книге. (Тут старый Каламе засопел и покосился на Катрея, так как в этом месте вбитое ремнем знание вступило в противоречие с новомодными течениями. Но возобновлять давний спор старого и молодого мастеров в присутствии Императора, пожалуй, не стоило, и он только шевельнул бровями, услыхав слово «доказано!», нарочно повторенное Катреем).

Одним словом, не сами таласары, а лишь махрийцы первыми догадались, что карамель не простое украшение для знатных дам, вроде янтаря, например.

Когда об этом стало известно, карамель в Империи даже пытались запретить. Ведь она появилась как раз в те, ныне уже почти легендарные, времена, когда Империя и весь подлунный мир были потрясены Большой Смутой, едва не закончившейся крахом Империи: появление неведомо откуда древнего колдуна Ахи, едва не последовавшая за этим смена династии, бунты и смуты, прокатившиеся по великой стране, Талас, пришедший на помощь, и гибель магической Книги — слишком свежи были трагические воспоминания. Но было уже поздно, карамель уже достаточно распространилась по всему континенту, и бороться с ее проникновением было бессмысленно. Да и позже стало ясно, как уже было сказано, что легендарная Книга и ее магия вовсе не несут в себе только отрицательного магического заряда. Книга лишь выполняет потаенные желания того, кто ей обладает, в той мере, в которой тот этого желает, а потом и вовсе подчиняет его себе. Поэтому за карамелью был установлен жесткий контроль сначала в самой Махрии, а потом и в других местах. Поэтому была образована Гильдия карамельных мастеров, строго следящая за неукоснительным соблюдением этого контроля. Поэтому так жестоко и истреблялись карамельные мастера–еретики.

И только поэтому вред от карамели вовсе не так и велик, каким он мог бы быть. Конечно, есть люди нечистые в помыслах и тайные карамельные мызы встречаются, но это настолько единичные случаи, что погоды они не делают…

Катрей говорил несколько минут, прежде чем начал выдыхаться.

Император выслушал лекцию с некоторым даже интересом и ни разу не перебил его, что можно было счесть добрым знаком.

— Гм, — задумчиво сказал Его Величество, когда Катрей замолчал. — Благодарю вас, господин Каламе. Я вижу, что вы довольно хорошо изучили предмет. Признаюсь, я слушал вас с любопытством и кое–что из вами сказанного было для меня… гм… в новинку.

— Гм, — осмелился перебить Его Величество старый мастер: — Хочу заметить, Ваше Величество, что не все из того, что тут наговорил мой сын, является установленным достоверно, — пробурчал он и одарил Катрея многообещающим взглядом.

— Ах, мастер Каламе, — благосклонно улыбнулся Император, вольготно откидываясь на спинку своего кресла. — Вы сами говорили, что времена меняются, и мы, увы, не успеваем меняться вместе с ними. Молодежь всегда идет вперед, обгоняя стариков!

Тут уже самому Катрею в пору было сказать «Гм!», но он благоразумно промолчал.

— Вы несомненно правы, Ваше Величество, — старый мастер тоже уловил тонкую монаршую иронию, с которой Император вернул ему его же фразу, к тому же подравняв себя и его в возрасте. Но Императору виднее.

— Однако вернемся к нашей проблеме, — напомнил Император. Он посерьезнел и обернулся к Катрею: — Значит, господин Катрей, вы не советуете заказывать кукольный домик?

— Отчего же, Ваше Величество? Большой Императорский заказ — дело моей профессиональной чести! — гордо ответствовал Катрей, ободренный поддержкой. Он встал и торжественно поклонился государю: — Я принимаю Ваш заказ, Ваше Величество, — произнес он насколько мог торжественно, — и обязуюсь выполнить его в указанный вами срок.

— Гм? А как же быть с хозяевами? — полюбопытствовал Император и, чуть помедлив, прибавил: — …мастер Катрей?

— Я непременно обязательно что–нибудь придумаю, Ваше Величество! — заверил Его Величество новоявленный мастер Катрей.

6

Все–таки все происходящее сильно напоминало сон. Или спектакль, поставленный по дрянной мелодраматической пьесе.

Еще неделю назад Наора мечтала о новых чулках, и вот тебе исполнение желаний: на ней новенькие чулки, да не нитяные, а шелковые или из тончайшей шерсти, и беспокоиться о штопке нет причины, потому что два раза одни и те же чулки она теперь не надевает. Алики такого удовольствия себе позволить не могла — но ведь она изображала из себя не знатную даму, а всего лишь ее компаньонку. Однако и она была в восторге: впервые в жизни никто не указывал ей, какие платья носить, и она немедленно обзавелась и пунцовой юбкой, и бархатным корсажем, и батистовыми шемизетками, и нижними юбками с кружевной оторочкой… Она впервые вместо башмаков надела туфельки — грандиозная перемена для того, кто может почувствовать разницу!

Рет — Ратус в общем был доволен переменами в обличии девушек. Он даже давал советы, что и когда одевать; правда, в основном они касались Наоры. Рет — Ратус словно сравнивал ее с одному ему известным оригиналом и, кажется, был сходством доволен.

Пока — первые двое суток, что они проживали в небольшой загородной усадьбе милях в трех от самой Столицы, — Рет — Ратус давал Наоре время прийти в себя после путешествия с заснеженного северо–запада в сердце Империи. Он только мелкими поправками корректировал поведение Наоры, обещая, впрочем, что скоро ей будет недосуг наслаждаться невинными удовольствиями роскоши.

Пока же девушки радовались обновкам, разглядывали старинные модные журналы, стопку которых обнаружили в одной из спален, подбирали мелодии популярных песенок на спинете, стоящем в гостиной, по поводу и без поводов делились воспоминаниями и предавались мечтаниями о том, что будет, когда Наора выполнит свою миссию.

Вертясь перед зеркалом, Алики рассказывала о своей бабушке, в дни молодости слывшей едва ли не первой красавицей Империи. Впрочем, сама Алики этому не очень–то и верила.

— Говорят, она страстно любила дедушку, который тоже, говорят, был очень даже ничего себе мужчина, — рассказывала она, прикидывая к груди очередную шемизетку. — Правда, красиво?… И еще говорят, что какой–то таинственный аристократ клялся ей в любви, обещал золотые горы, если она бросит мужа и уедет с ним. Но красавица–мещанка предпочла остаться верной женой и уважаемой матерью семейства, а не стать блестящей содержанкой. Тетки никогда не заикались об этом, но вот

старуха–служанка, едва ли не ровесница самой бабушки, однажды, когда перетряхивала сундук с оставшимися от бабушки вещами, рассказала мне об этом воздыхателе. Она показала платье, которое этот таинственный аристократ подарил бабушке… Ты не представляешь себе, что это за платье! — Алики бросила шемизетку на кровать и в восхищении попыталась показать на себе, но потом махнула рукой и продолжала: — В общем, такое, что не стыдно было одеть и самой Императрице на торжественный выход. И оно никогда не выйдет из моды. Это платье, знаешь, настоящая реликвия нашей семьи, что–то вроде «запретного ларца».

— Запретного ларца? — не поняла Наора. — А что это?

— А, — небрежно махнула рукой Алики, — тоже одна из легенд семьи, о которой тетки тоже не очень любят распространяться, зато обожает шептаться прислуга… Есть, говорят, у теток где–то ларец, ключ от которого давным–давно потерян. Так вот он вроде бы зачарован, будто бы его нельзя взломать, но если некто избранный коснется его, то ларец сам откроется.

— Кто это «некто»?

Алики пожала плечиками.

— Неизвестно. Только я думаю, все это чепуха. Ларец, может быть, и есть, и ключ от него наверняка потерян. Только вовсе он не зачарован. Просто не хочется ломать красивую старинную вещицу, когда заведомо понятно, что ничего ценного в ней нет. Лежит там, к примеру, свадебный веночек бабушки или фарфоровое блюдце с портретом Императора, которое прадедушка еще мальчишкой получил в школе за отменную каллиграфию и прилежание. Но знаешь ведь, хочется иногда помечтать о чем–то романтическом, о чем пишут в книжках.

Девушки посмеялись, а потом Наора призадумалась, вздохнула и вдруг призналась:

— А я вот тоже уже чувствую, будто стала героиней романа.

Алики с удивлением посмотрела на подругу, и та пояснила:

— Мне все время кажется, что сейчас происходит что–то, о чем я где–то уже читала в тех романах, которые непостижимым образом попадали к нам в Пансион. Или кто–то про что–то подобное мне рассказывал…

Алики нахмурила брови.

— Если хочешь знать мое мнение, то мне лично вся эта история с переодеваниями кажется очень подозрительной, — трагически произнесла она, моментально сменив веселость на рассудительность. — Слишком уж много обещают тебе, знаешь ли.

— Такова цена молчания, — пожала плечами Наора. Но и самой ей этот довод показался не очень–то убедительным, и ее пожатие как–то само перешло в зябкое передергивание плеч.

— Порой за молчание вовсе не следует так много платить, — продолжала Алики еще более трагическим тоном. — Есть люди — и мне порой кажется, что наш господин Рет — Ратус из их числа, — которым проще и выгодней устранить неугодную персону, чем оплачивать ее молчание.

Это зловещее «устранить» Алики произнесла настолько подчеркнуто жутким шепотом тоном, что плечи Наоры снова невольно повторили недавнее движение, на сей раз без каких–либо поправок — девушку и впрямь пробил озноб.

— Ой, не пугай меня!

— Да я не пугаю, — ответила Алики. — Но нам с тобой, подружка, надо быть поосторожнее… — Она замолчала, прислушиваясь, и полностью перешла на шепот: — Кажется, наш покровитель легок на помине…

Девушка встала и подошла к окну.

Погода на дворе стояла по местным понятиям зимняя, но по северным меркам, к которым привыкла Алики, вид за окном больше напоминал раннюю весну: слежалый снег был повсеместно поточен моросливым дождиком; он еще кое–как сохранился в парке, под деревьями, но на дорожках уже превратился в мокрую грязь, которую непрестанно, но без толку убирали, и чтобы хоть как–то можно было пробираться, не увязнув бурой каше, проезд от ворот к дому устилали соломой. Как раз сейчас по проезду в ворота въезжала все еще поставленная на полозья карета Рет — Ратуса.

Кучер подвел карету прямиком к самым дверям, поднявшись по пологому пандусу, и, чтобы разглядеть все в подробностях, любопытной Алики пришлось приподнять оконную раму и выглянуть наружу.

Вот карета остановилась напротив главного подъезда дома, из раскрывшейся дверцы прытко выскочил Рет — Ратус и, протянув руку, помог выбраться из нее немолодому солидному мужчине. Следом, не дожидаясь приглашения и поддержки, вышел еще один человек — судя по движениям, молодой.

— Что там? — спросила Наора, однако с места не стронулась.

— Гости, — ответила Алики, не отрываясь от наблюдения. И прокомментировала: — Судя по шляпам, явные вельможи. Плащи, правда, на мой взгляд, скромноваты, но может, тут так принято.

Наора решила тоже посмотреть, но гости уже вошли в дом, и она увидела лишь самого Рет — Ратуса, который вытаскивал из кареты какой–то ящик: продолговатый, длиной чуть больше ярда.

— Что бы это могло быть? — спросила она подругу. — На дорожный сундук не похоже…

Алики нервно ухмыльнулась и сказала:

— Детский гробик.

Наора отшатнулась от окна.

— Тьфу на тебя! Прекрати выдумывать всякие глупости!

Алики засмеялась и опустила окно, и они некоторое время молчали, вернувшись к прежнему занятию. Но настроение у обоих было уже не то; Наора против собственной воли находилась под влиянием последних слов подруги, и в голове ее крутились мысли страшнее одна другой, а сама Алики просто сосредоточенно перебирала вещи, пока не произнесла, словно бы про себя, придя к некоему выводу:

— Заказчики…

Наора не догадалась, что та имеет в виду, но переспросить не успела. Алики бросила на постель очередную обновку и, кинув на ходу: «Пойду разузнаю», выскользнула за дверь.

Алики пробралась до самой гостиной — никто навстречу не попался. Она уже было намеревалась тихонько приоткрыть дверь и заняться подслушиванием, а если очень повезет, то и подглядыванием, как чья–то рука протянулась из–за ее спины и резко, но бесшумно плотно прикрыла дверь перед самым ее носом.

— Так–так, — услышала она голос, который узнала еще до того, как обернуться. — Мухи уже слетаются на мед?

Рет — Ратус смотрел ей прямо в глаза, и в его глазах так и бегали озорные чертики. Алики, собравшаяся было покраснеть и извиниться, вдруг передумала и решила не теряться. Она присела в вежливом книксене и ответила, скромно потупив взгляд:

— Точно так, сударь. Любопытно ведь.

В голосе девушки было столько ангельской невинности, что Рет — Ратус не сдержал смеха. Впрочем, рассмеялся он негромко, чтобы за дверью его не было слышно.

— Удовлетворять свое любопытство, сударыня, надобно так, чтобы не быть пойманным и неправильно понятым, — сказал он нарочито менторским тоном.

— Да, сударь, — покорно согласилась Алики, — насколько это возможно.

Рет — Ратус кивнул и, шагнув куда–то в сторону, поманил Алики за собой. Девушка неуверенно подошла и увидела небольшую дверь, почти сливающуюся со стенными панелями. Ручки на двери не было, но Рет — Ратус повернул какое–то украшение возле притолоки, и дверца отошла в сторону, открыв темное пространство.

— Вот комната для любопытствующих, — сказал он тихо. — Только сидеть здесь надо неслышно, как мышка. Так что — тсс… — Рет — Ратус приложил палец к губам и, больше не обращая внимания на девушку, не оглядываясь пошел по коридору.

Алики, чуть оторопевшая было от неожиданного поступка ее таинственного покровителя, опомнилась и скользнула внутрь. Почему не воспользоваться подвернувшейся любезностью…

Внутри комнатка оказалась настоящей конурой. От собачьего жилья ее отличало только то, что она была обтянута обоями, точно такими же, как снаружи, и посредине стояло кресло с большим серебристым колесом вместо одного подлокотника; кресло занимало практически все пространство комнатушки.

Украдкой оглянувшись, будто конурка была ее собственным открытием, Алики шагнула внутрь и аккуратно прикрыла за собой потайную дверь. Против ожидания здесь было совсем не темно — приглушенный свет сочился откуда–то сверху. Алики осторожно опустилась в кресло и ахнула: кресло вместе с полом тут же бесшумно вознеслось ярда на полтора вверх. Одновременно с этим крутанулось и серебристое колесо, в которое девушка невольно вцепилась, и Алики поняла, что оно являлось частью подъемного механизма.

Легонько поворачивая его, Алики оказалась как раз напротив двух небольших, не более полуимпериаловой монеты, отверстий, которые пришлись ей как раз по глазам, и девушка догадалась, что это глаза одного из развешанных в гостиной портретов. Прильнув к ним, Алики поняла, что угадала верно: сквозь них отлично была видна гостиная, видимая под не совсем привычным углом зрения — несколько сверху.

Гостей Алики увидела сразу. Пожилой господин сидел возле камина и грел протянутые к огню ноги, а молодой мужчина, оказавшийся очень красивым, нервно переставлял с места на место безделушки на каминной полке. Под несоответствующими на взгляд Алики рангу гостей плащами оказалась столь же простая, явно не предназначенная для званого визита одежда: скромные сюртуки и неброские бриджи и сапоги. «Инкогнито», — сладкой отравой пронеслось в голове девушки полузнакомое слово, вычитанное из какого–то романа или пьесы.

Тем временем дверь в гостиную открылась, вошел и приостановился возле нее Рет — Ратус, чтобы пропустить вперед идущую следом за ним Наору.

Гости тут же обратили взоры к вошедшим.

Рет — Ратус сказал что–то почти неслышное Алики — скорее всего, представил девушку, и Наора сделала почтительный

реверанс. Алики увидела, как у Наоры блеснули глаза, едва она увидела гостей — похоже, она уже видела эти лица и узнала их. Наверное, видала этих господ раньше, где–нибудь в театре, поняла Алики.

И вот она увидела их снова, узнала и догадалась, кого ей надлежит представлять. Догадалась и растерялась. Но уже в следующее мгновение лицо ее было совершенно непроницаемым. Она, как и подобает, чуть склонила голову и смотрела прямо перед собой.

Молодой вельможа внимательно смотрел на нее, забыв в руке взятую с каминной полки статуэтку какого–то неведомого зверя — не то дракона, не то диковиной рыбы; старик тоже внимательно изучал ее.

— Вы полагаете, что она нам подойдет? — наконец спросил он Рет — Ратуса.

Тот молча поклонился, подтверждая. Но молодой, видимо, был с ним не согласен.

— Нет–нет! — произнес он решительно. — Она совершенно не похожа на…

— Пожалуйста, сударыня, — резко перебил его старший, — распустите–ка волосы.

Наора без единого слова подняла руки и вынула из прически несколько шпилек. Волосы у нее были хорошо ухоженные, длинные, спускавшиеся ниже пояса, но Алики увидела, что «заказчики» чем–то недовольны.

— Эта девушка совершенно не похожа, — упрямо произнес молодой аристократ.

Пожилой снова проигнорировал его реплику.

— Вы можете идти, — привыкшим к всеобщему повиновению голосом произнес он, но Наора, прежде чем повиноваться, бросила взгляд на Рет — Ратуса, и тот едва заметно кивнул.

— Итак, вы продолжаете настаивать? — едва за ней закрылась дверь, обратился пожилой к Рет — Ратусу.

— Да, ваше высочество, — спокойно ответил тот.

— У нас практически не осталось времени, — нервно сказал молодой.

— Мы успеем, — уверенно ответил Рет — Ратус. — Я гарантирую.

После недолгой паузы пожилой хлопнул руками по подлокотникам и встал с кресла.

— Ну что ж, — сказал он твердо, — тогда нам здесь больше делать нечего. Буду ждать от вас известий.

Рет — Ратус с поклоном распахнул дверь и вышел следом за гостями, и Алики ничего не оставалось, как поворотом колеса

вернуть кресло вниз. Она вышла в коридор, выждав с минуту, убедилась, что никто ее не видел, и поспешила разыскивать Наору. Та сидела в своей комнате и имела вид весьма удрученный.

— Я не смогу, — подняла она на вошедшую подругу повлажневшие, полные отчаяния глаза.

— Ну, что еще случилось? — с ехидной усмешкой осведомилась Алики. — Тебя отверг возлюбленный, по которому ты сохла много лет?… А он хорош, твой аристократик. Уж наверняка не хуже того, который сбивал с пути истинного мою бабушку.

— Ты хоть представляешь, что мне предстоит? — не обратила на колкость внимания Наора. — Ты знаешь, кого мне придется играть?

— Понятия не имею, — ответила Алики, усаживаясь в кресло напротив ее. — И кого же?

— Прекрасную Герцогиню! — воскликнула Наора. — Это ее муж, герцог Садал, и его дядя, князь Беружди — бывший канцлер.

— Ого! — невольно вырвалось у Алики.

Она и впрямь оторопела. Надо же — сама Прекрасная Герцогиня, первая красавица Империи, ее муж, герцог Садал, богатейший и знатнейший вельможа, и бывший канцлер Беруджи, о влиянии которого на Императора ходили легенды!.. Впрочем, больше легенд среди женской половины Империи — от прислуги до самого высшего общества — ходило, конечно же, именно о Прекрасной Герцогине. Красота молодой жены герцога Садала уже вошла в поговорку. Даже в свете, где она появилась совсем юной несколько лет назад, ее почти сразу стали называть не иначе, как Прекрасной Герцогиней, в противоположность, видимо, матери герцога, которую именовали Премудрой Герцогиней за увлечение философией и склонность к писанию нравоучительных романов — молодая же герцогиня была по–юному ветрена и склонна к суетным развлечениям света. Черты ее лица были совершенны, фигура изящна, манеры безукоризненны. Она привила в Столице махрийскую моду носить волосы распущенными, надевать платья, больше похожие на ночные сорочки, и смехотворные крохотные сумочки, в которых с трудом едва помещался носовой платок.

Алики внимательно посмотрела на подругу и спросила:

— Ты уверена?

— Конечно. Я видела герцога Садала раньше. Он приезжал к нам в Пансион посмотреть представление в Постную неделю.

— На Постную? Но на Постной неделе театры закрыты, — удивилась Алики. — Это даже я знаю.

— Театры — да, — ответила Наора. — Но в Пансионе дают спектакли именно на Постной неделе. Это традиция, понимаешь? Съезжается знать, все в лиловом трауре, как подобает, и только мы на сцене в разноцветных костюмах.

— Да что это за место такое, ваш это Пансион, — всплеснула руками Алики, — раз в нем даже Великий траур не соблюдают?

Наора улыбнулась.

— Вообще–то на самом деле это место называется Школа для актерских детей при Академии изящных искусств Его Императорского Величества, но не называть же его так между собой…

— Может быть, вы расскажите нам об этом подробнее? — послышался голос Рет — Ратуса.

Девушки быстро обернулись. Их покровитель и благодетель стоял в дверях и улыбался. Настроен он, судя по виду, был весьма благодушно. Казалось, недовольство гостей нисколько не обескуражило его, а даже напротив, привело в доброе расположение духа. Во всяком случае, говорить о произошедшем или упрекать в чем–то Наору он не собирался.

Усевшись в свободное кресло, Рет — Ратус улыбнулся и сказал ободряющие: «Итак?».

Но Наора не вняла и, более того, сама заговорила об этом.

— Это безумие! — накинулась она на Рет — Ратуса. — Я бы никогда не согласилась, если бы знала заранее! Просто подумать страшно!..

— О чем вы? — вполне искренне удивился Рет — Ратус.

— Я не могу изображать Прекрасную Герцогиню! Вы же видели!..

— Что я видел? — спросил Рет — Ратус все так же изумленно, чем просто сбил с толку девушку.

— Ну… _ протянула она, смутившись. — О, Небеса! Но я же на нее действительно не похожа! Вы только посмотрите на меня. — Она повернулась лицом к свету. — Разве такая дурнушка сможет выдать себя за первую красавицу Империи?

— Об этом мы поговорим через неделю, — не стал спорить Рет — Ратус. — А сегодня у нас последний свободный вечер перед настоящей работой. Поэтому давайте выбросим из головы все заботы, присядем у камина, я принесу вина, и мы мило побеседуем… В самом деле, Наора, расскажите нам о вашем Пансионе…

Пансион… Что о нем рассказать? И главное — как?..

Унылое, скучное, нелюбимое место…

Безрадостно одинаковые классы, где, кроме учителя, на самых задних партах еще сидят две–три монашки–

воспитательницы, присматривающие, чтобы пансионерки вели себя достойно и слушали внимательно…

Невкусные трапезы, во время которых монашки ходят между столами, внимательно присматривая, чтобы воспитанницы не перешептывались, чтобы правильно пользовались столовыми приборами…

Чинные прогулки парами по дорожкам регулярного парка под приглядом тех же монашек…

Правда, шалить все же иногда дозволялось — но только в строго соблюдаемые свободные часы…

На сам пансион жаловаться не приходилось: его здания располагались в глубине огромных парков Имперского замка Шуаб, красивейшем месте Империи в десяти милях за Императорским дворцом, рукой подать от Столицы… Замковый эконом выполнял свои обязанности на совесть: все, что требовало ремонта, мигом исчезало и появлялось только после соответствующего ремонта; перебоев с продуктами и прочими необходимыми вещами не было.

О, тогда Наоре не приходилось беспокоиться о штопке чулок! Она, правда, занималась шитьем на уроках рукоделия, но особого усердия и талантов в этом занятии за ней и тогда не наблюдалось. Да и зачем было стараться: все, чему следовало быть накрахмаленным, проходило через более старательные и умелые руки замковых прачек, а то, чему следовало быть заштопанным — через руки белошвеек. Но человек не ценит своего счастья. Тогда Наора, как и большинство ее подруг, считала повседневные темно–синие платья воспитанниц уродливыми, а ярко–голубые праздничные — безвкусными. В свободные часы они рисовали и старательно вырезали из бумаги каждая в меру своих способностей, красавиц в замысловатых прическах — у всех девочек, кажется, была такая бумажная кукла, для общей сохранности их наклеивали на картон и сохраняли между страниц какой–нибудь книги. Девочки выдумывали для своих кукол немыслимые туалеты, которые даже столичные модные журналы сочли бы экстравагантными. Изощряясь в выдумках, они наряжали своих рисованных красавиц в утренние платья, в дневные, в платья зимние и летние, праздничные, свадебные, бальные, в траур — простой и высокий, в костюмы для прогулок в ландо и для верховой езды… Как сладко мечталось им об этом великолепии!

Однако больше всего мечтали девочки о свободе, когда не будут следить за каждым твоим шагом неусыпные сычихи–монашки. Наора не знала и не могла знать тогда, что иногда будет тосковать о том времени, когда распорядок ее дня был

расписан по минутам, и во время обеда можно было действительно пообедать…

Деньги на Пансион тратились немалые, и все из Императорской казны. Предполагалось, что судьба детей, находящихся в Пансионе, всецело находится в руках дирекции, однако на деле это было не так уж страшно, как казалось со стороны, и касалось в основном мальчиков из певческих классов. Девочки из старших классов тайком перешептывались о том, что именно делают с этими мальчиками, чтобы сохранить им голоса, и, ах как хорошо, что не слышали этих шепотков монашки, полагающие своих воспитанниц лилейно–невинными…

В певческих и балетных классах считалось учиться более почетным: драматическое искусство сейчас было не в моде при дворе, и в драматических классах оказывались те, кто не обладал особыми талантами. Наора как–то спокойно относилась к этому положению и никогда не особенно расстраивалась, как иные девочки, плакавшие по ночам в подушку. Конечно, певцы и танцоры были в то время нарасхват, окончание этих классов означало гарантированное место в театре и хорошее жалование. Зато в драматических классах было больше свободного времени, и ученицам дозволялось больше читать или заниматься рукоделием. Можно даже сказать, что им старательно внушалось, будто в ремесле актера есть нечто позорное, и им следовало бы подыскать себе более достойную профессию. Поэтому даже поощрялось, когда мальчики–актеры начинали изучать, скажем, счетоводство, стенографию или какое–либо иное побочное ремесло, а у девочек как–то само собой разумелось, что самое лучше для них — это удачно выйти замуж.

«Оно бы и неплохо, — судачили между собой старшие девочки, собираясь в зимние вечера у жарко натопленных печек, — да вот только как хорошо выйти замуж? Кто возьмет без приданого да еще из актерской семьи?»

— Почему без приданого? — переспросила как–то одна. — Мои родители приготовили мне все, что полагается, и деньги найдутся.

На хвастунью покосились — по здешним понятиям ее отец, оперный тенор, был человеком преуспевающим. Дочке замужество было уже обеспечено: ее уже два года как сговорили за сына дворцового садовника. Предполагалось, что родители купят для молодых цветочную лавку, и потому дочка тенора усиленно интересовалась ботаникой и искусством аранжировки цветов.

— Тебе хорошо, _ вздохнула другая. _ У моих родителей пять дочерей и два сына, а заработков почти никаких.

Ее историю тоже все знали: отец отказался отдавать сыновей в пансион, потому что у тех в детстве были на редкость звонкие голоса, а он мечтал о внуках–наследниках; он отдал сыновей учиться портновскому делу и теперь выбивался из сил, оплачивая их обучение.

— Приданое, — фыркнула еще одна; ее звали Гето. — Я о таких глупостях и не думаю.

Гето была хороша на удивление: ее красота не требовала ни пудры, ни помады. Лицо у Гето было белое и румяное, брови черные и тонкие, губы, как вишни. Густые черные волосы, хоть и заплетенные, как у всех, в две косы, казались уложенными в живописном беспорядке — хоть сейчас на картину.

— О чем же думать? — раздался неуверенный голос.

— О богатом меценате, — свысока объяснила Гето. — О богатом и знатном. Если у тебя нет ни денег, ни приличной родни, надо обзавестись покровителем…

— Любовником, — поправил еще кто–то.

— Да, любовником, — резко бросила Гето…

Она была так уверена в себе, эта девочка Гето. Наора вспомнила, какой она была в одном из «Постных спектаклей». Разрумянившаяся, с блестящими глазами, она приковывала взгляды зрителей, хотя роль ей досталась не самая лучшая.

Роли для «Постных спектаклей» распределялись по жребию, а репертуар подбирался так, чтобы ролей хватило для всех учеников — хотя бы раз в неделю. Каждый день давались такие спектакли: сначала что–нибудь драматическое, и к этому зрители относились с высокомерным пренебрежением; Наора помнила, как было невероятно трудно сосредотачиваться на игре, когда в зале стоял непрерывный шум — прибывавшая в течение всего первого представления знать рассаживалась по местам, не стесняясь приветствовать знакомых и делиться новостями едва не во весь голос. Успокаивались обычно только к концу пьесы, и придворные щеголи начинали лорнировать юных актеров и актрис в соответствии со своими вкусами и наклонностями. Это было противно и унизительно до тошноты. Потом давали балет, и после длительного антракта — оперу…

— …Пожалуй, никто из зрителей в эти дни не обращал внимания на игру актеров, — со вздохом рассказывала Наора своим слушателям.

— Да, это было заметно, — кивком подтвердил справедливость ее слов Рет — Ратус, а когда девушки посмотрели на него, уточнил: — Я бывал на некоторых из этих представлений, и это очень бросалось в глаза.

— Да? — удивилась Наора. — Вы что, уже тогда наметили

меня на роль двойника?

Рет — Ратус улыбнулся.

— Нет, чаще я бывал там по долгу службы. К тому же я просто люблю театр и всегда обращаю внимание на талантливых актеров… Эту вашу Гето, кстати, я тоже заметил, — прибавил он. — Она ведь играла пастушку? — Наора кивнула. — Смею вас заверить, что у вас гораздо больше таланта, а эта девочка слишком старалась обратить на себя внимание будущих… кгхм… меценатов.

— Таланта? — переспросила Наора. Против воли она слегка покраснела. — И в чем же, на ваш взгляд, это выражалось?

— Понимаю вас, Наора, — кивнул Рет — Ратус серьезно. Смущение девушки не ускользнуло от его внимательного взгляда. — На вас был неуклюжий старомодный парик и белое платье, довольно аляповатое, с какими–то блестками, — продолжал он, задумчиво, словно бы про себя. Он даже не глядел на девушку. — Вы вышли в первом действии, сказали три слова. Потом запнулись, помолчали немного, обвели зал презрительным взглядом, — он усмехнулся, не отрывая взгляда от огня в камине, — и без малейшего смущения продолжили монолог… Вот с этого самого момента я не мог отвести от вас глаз.

Он наконец посмотрел на нее, и Наора смутилась.

— Да, запнулась, — произнесла она. Надо же! Такая мелочь — мгновенная заминка, ошибочка — и смогла сыграть такую роль в ее жизни. Подумать только…

Она действительно тогда запнулась, произнесла начало первой реплики — и тут ее перебил громкий возглас очередного припозднившегося аристократа. Наору это просто взбесило. Она выждала, когда этот хлыщ поцелует несколько дамских ручек, раскланяется со знакомыми, устроится на стуле с золочеными ножками и, скользнув по ней безразличным взглядом, кивнет, будто разрешая продолжать. Наору испытала вспышку холодной ярости, и дальше продолжала уже играть, совершенно не обращая внимания ни на что вне сцены — ни на то вспыхивающий, то затухающий шумок публики, ни на сбивающиеся реплики партнера, который, право же, вовсе не подходил для своей роли — ему бы в балагане играть!..

А после Постной недели классы начали редеть. Для домашних театров отбирали певцов и музыкантов, балетный класс почти целиком забрал молодой Расалгети. Из драматических классов тоже исчезли все хорошенькие мордашки…

А однажды Наора встретила у директорских дверей полуобморочную, необычайно бледную Гето. Она подхватила ее,

привела в дортуар, налила воды.

— Забирают, — еле слышно произнесла та, но тут же добавила с язвительностью, не отказавшей ей даже сейчас: — Между прочим, для домашнего театра герцога Баратела. Сам приезжал смотреть…

Уходили и другие. Например, тенорова дочка, которую наконец выдали замуж. Неожиданно вышла замуж и сестра портняжек–подмастерьев — ее выдали за пожилого вдовца, у которого обучался один из братьев, причем сам брат благодаря этому был объявлен главным наследником ее мужа. Еще несколько девочек тоже были сговорены. Остальные, чувствуя себя ни на что не годными ошметками, не питали уже никаких иллюзий — просто доучивались, надеясь на какое–нибудь маленькое чудо.

Наора, впрочем, не надеялась ни на что. Она продержалась еще неделю, после чего ее забрал из Пансиона отец, оказавшийся рядом проездом из одного провинциального театра в другой. Он был порядком раздосадован тем, что дочь не сумела пристроиться, недоуменно разглядывал ее: как это ее угораздило родиться такой серенькой да невзрачненькой от красавца отца и красавицы матери? Он увез Наору с собой в Берстар, пристроил на роли горничных, служанок и прочих «кушать подано», и теперь вдобавок к своему жалованию пропивал и почти все ее.

— Можно сказать, — подытожил рассказ Наоры Рет — Ратус, — вам повезло в самом начале жизни. Вы получили хорошее образование, не попали в гарем к кому–нибудь из вельмож…

— Голодала и ходила в обносках, — в тон ему продолжила Наора, чуть горько улыбнувшись.

Рет — Ратус поднял бровь.

— По–вашему, стать куртизанкой было бы лучше? Завидуете вашей Гето?

— Не знаю, — пожала та в ответ плечами. — Мы обменялись с ней осенью парой писем, она писала, что хорошо пристроена. У нее домик в парке ее покровителя, этакая игрушечная мыза, где она живет и исполняет роль юной пастушки… Не знаю, — повторила Наора. — Она так ненавязчиво намекала, что ее покровитель мог быть немного и пощедрее…

— Вот видите, — развел руками Рет — Ратус, — нет в мире совершенства.

— Да, но это лучше, чем штопать чулки и прятать деньги от пьяного папаши, — фыркнув, вступила в разговор Алики. — Или попасть в какой–то непонятный переплет с переодеванием.

— Не скажите, сударыня, — улыбнулся ей Рет — Ратус. — Все

зависит от того, что из этого выйдет.

— А что должно выйти? — живо отреагировала Алики.

Рет — Ратус обвел взглядом обеих своих подопечных, усмехнулся и спросил:

— Вы непременно хотите это знать?

Алики затрясла головой. Наора нерешительно кивнула.

— Прямо сейчас?

Алики замерла от предвкушения, а Наора повторила движение более уверенно.

Рет — Ратус задумчиво почесал подбородок, снова обвел девушек взглядом и, пробормотав: «А почему бы, собственно, и нет?», резко встал и быстро вышел из комнаты.

Девушки переглянулись, но так и не произнесли ни слова, пока их таинственный наставник и покровитель ни вернулся. В руках у него был тот самый большой продолговатый ящик, который Алики недавно назвала детским гробиком.

Рет — Ратус приказал девушкам освободить стол, и те бросились выполнять его распоряжение. Они были чуть напуганы, хотя Алики сразу поняла, что никакой это не гробик, слишком легко держал его Рет — Ратус. Да и не похож он был вовсе на гробик — так, простой деревянный ящик…

Водрузив ящик на освобожденный от платьев, шемизеток и прочих женских штучек стол, Рет — Ратус повозился с замочками, откинул крышку и отшагнул в сторону, давая девушкам возможность рассмотреть, что там находится внутри.

Те подошли к столу с некоторым трепетом, но заглянув, тут же сменили настороженность на недоумение, а недоумение на умиленные улыбки.

— Ой, какая прелесть, — невольно вырвалось у Наоры.

7

В ящике лежала самая красивая кукла, которую когда–либо могла существовать на свете! Не кукла, а мечта любой девочки! Да что там девочки — мечта любой женщины, в которой, как известно, девочка не умирает до самой старости. Она была прелестна. Какие у нее были волосы! Какие глаза! А как живо выглядело лицо! И кожа словно настоящая… Черты кукольного лица и пропорции тела, впрочем, были совсем не детскими — кукла изображала зрелую молодую женщину. И кого–то довольно смутно это лицо напоминало…

Наора невольно провела кончиками пальцев по кукольному личику. Подернутая румянцем щека была не деревянной или фарфоровой, как можно было ожидать. Кукла казалась сделанной из полупрозрачного стекла телесного цвета и чуть отливала золотом. Но это не могло быть и просто стеклом, потому что, когда с позволения Рет — Ратуса Наора взяла куклу в руки и невольно покачала ее, та оказалась довольно–таки легкой.

Что–то полузнакомое, полусказочное шевельнулось в голове Наоры, но догадка не успела сформироваться в голове полностью, когда она услышала возглас Алики:

— Да это же карамельная кукла!

Рет — Ратус кивнул подтверждая.

Карамельные куклы появилась в Империи около ста лет назад. Карамельщики, потомственные мастера, род которых прослеживался подобно королевским династиям, вот уже полтора века варили по передаваемым из поколения в поколение рецептам состав из так называемой карамели, ничего, впрочем, не имеющей общего со сластями и скорее напоминающей что–то вроде янтаря, но обладающей гораздо большей силой воздействия на человека. Карамель использовали для изготовления различных талисманов, приносящих, как полагалось, их обладателям счастье и удачу…

Но куклы — это особая статья. Говорили, что с помощью этих кукол можно узнавать, что делает в данный момент человек, которого кукла изображает, даже если человек этот находится за сотни миль от тебя. Достаточно только произвести над куклой некоторые манипуляции. Этим, поговаривали, довольно часто пользовались мужья, чтобы присматривать за не совсем верными женами _ и наоборот. Это даже стало модным, тем более, что без ведома самого человека воспользоваться этим свойством куклы было нельзя, так что о настоящей слежке не могло быть и речи. И еще с помощью куклы можно было…

Но об этом просто страшно даже было подумать!

Наора невольно с величайшей осторожностью положила куклу на место и посмотрела на Рет — Ратуса — теперь она поняла, кого напоминает ей кукольное личико.

Тот, словно прочтя ее мысли, кивнул и серьезно произнес:

— Да, девочка, ты верно угадала.

Он поднял куклу, перевернул ее лицом вниз, оттянул платье возле шеи, и девушки увидели мелко начертанное на карамельной спинке имя Прекрасной Герцогини, знак наречения.

— При помощи куклы ты будешь наблюдать за этой дамой, — негромко говорил Рет — Ратус, — будешь учиться вести себя, как она, во всем поражать ей. И когда ты сможешь улыбнуться мне так, как улыбнулась бы она, я подарю тебе вот этот перстень.

Он вынул из кармана сафьяновый футляр и, на несколько секунд приоткрыв, показал Наоре что–то золотое, блеснувшее крупным рубином.

— Ух ты! — восхитилась успевшая подглядеть Алики.

— Только не видать мне этого колечка, — сказала Наора.

— Ну почему же? — усмехнулся Рет — Ратус, пряча футляр в карман. — А пока я научу тебя пользоваться куклой…

8

Следующим вечером, уже переодевшись в ночную сорочку, Наора, как велел Рет — Ратус, поставила куклу Прекрасной Герцогини на столик у изголовья кровати, поставила трехсвечные канделябры, потом села на банкетку, уперла локти в колени, а голову положила на ладони. Ей было немного не по себе, ведь она впервые соприкоснулась с колдовством — маленькие фокусы с гаданием таковыми она не могла считать, — но Рет — Ратус весь вечер старался убедить ее, что ничего особенного в этом нет: точно так же поступали чуть ли не в каждом более менее благородном семействе; во всяком случае, в тех из них, которые могли позволить себе такое не слишком дешевое удовольствие, как карамельная кукла. Тем более, что в данном случае все осуществляется с позволения самой Прекрасной Герцогини, и значит, в этом нет ничего предосудительного.

И все же Наоре было немного не по себе. Она, стараясь отогнать всякие посторонние мысли, внимательно всматривалась в бессмысленное кукольное личико, пытаясь увидеть за ним лицо Прекрасной Герцогини, но ничего не получалось. Только голова становилась все тяжелей. Борясь со сном, Наора еще какое–то время вяло пыталась заставить себя думать о знатной даме, которой ей надлежало стать двойником, но сон победил ее и,

совершенно сморенная и уверенная, что ничего у нее не получится и нечего пытаться, Наора перебралась в постель и зарылась в одеяла.

Ночью ей приснилась Прекрасная Герцогиня.

Сначала она была такой, какой Наора запомнила ее во время одного из посещений на Постной неделе: в шелковом лиловом трауре, с лицом прикрытым невесомой лиловой вуалью, под которой диадема, серьги и ожерелье казались киммериевыми, а не золотыми, а бриллианты — волшебными аметистами. Лицо Герцогини под вуалью казалось как–то по особенному чарующим, но стоило ей откинуть тончайшую сеточку, как это ощущение пропадало — траурные тона странным образом не шли Прекрасной Герцогине: лицо огрублялось, бледнело, а волосы, казалось, теряли живой блеск и выглядели париком дурного качества. Поэтому почти весь вечер она так и просидела тогда в вуали…

Затем Наора увидела Прекрасную Герцогиню закутанной в пушистые северные меха — пожалуй, слишком теплые для здешнего климата — она ехала в карете и равнодушно смотрела в окно…

Почти сразу же после этого, без всякого перехода, Наора увидела ее в освещенной свечами гостиной: Прекрасная Герцогиня сидела в кресле и разговаривала с прилично, но не очень богато одетым господином средних лет, скорее не вельможей, а управляющим или дворецким…

Потом Наора увидела ее в зимнем саду. Та, удобно устроившись в качалке и держа на коленях книгу, читала и аппетитно грызла засахаренные орешки, которые брала из чашки, стоящей тут же у нее на коленях. Над ее головой распустило веерные листья какое–то южное растение, а за окнами был все тот же полурасстаявший снег и мокнущие под непрестанным моросливым дождем голые деревья.

Сквозь сон Наоре стало любопытно, что это была за книга, и тут же страницы приблизились к ее глазам так, что она могла их читать: это оказался какой–то нуднейший монолог, который героиня романа вела со своей камеристкой. У Наоры даже свело скулы — в жизни такими правильными и длинными фразами не говорят ни дамы, ни тем более их служанки, и даже романисты и романистки изъясняются гораздо живее; разве что учителя риторики безжалостно требуют от своих учеников сложноступенчатых посылов и связки плоских до тривиальности выводов. Наора даже во сне зевнула и посочувствовала Прекрасной Герцогине, которая читает такую чепуху. Услужливый сон тут же вернул Наору в недалекое прошлое, показав, как

прекрасная Герцогиня входит в зимний сад, садится в качалку, а служанка подает ей на подносе этот вот томик, глянув на название которого, Наора поняла, что это один из тех нравоучительных романов, которые предлагает широкой публике ее «Премудрая» свекровь, прикрывающаяся романтическим псевдонимом, тайна которого известна всем и каждому в Империи. Читать эти опусы, видимо, было докучливой обязанностью Прекрасной Герцогини, и Наоре стало ее немного жалко…

Всю ночь Наора так и пропорхала от одного занятия Прекрасной Герцогини к другому. Это могло бы походить на подглядывание в замочную скважину, если бы сама Герцогиня не была на это подглядывание согласна, и в те минуты, когда она не желала бы наблюдения за собой, хозяйка куклы могла снять с себя маленькую карамельную бусинку, которую именно для этих целей продавали, как пояснил Рет — Ратус, с каждой куклой.

Утром оказалось, что Рет — Ратус велел убрать или завесить все зеркала в доме, и за завтраком, когда Наора поинтересовалась причиной этого, он вместо ответа потребовал дать слово, что она не будет пытаться увидеть свое отражение. Также он объявил, что лично по окончании завтрака займется ее волосами.

— Разве вы цирюльник? — несказанно удивилась неискушенная еще в талантах Рет — Ратуса Алики.

— Кем только не приходится побывать в этой жизни, — неопределенно ответил тот.

Не прошло и получаса, как он появился в комнате девушек с тележкой, полной всяких инструментов, склянок и иных приспособлений для ухода за прическами, которых вполне хватило бы, чтобы оборудовать целую цирюльню, и принялся за дело; Алики ассистировала в этом священнодействии.

Наора не могла в полной мере оценить его стараний, но, судя по тому, как Рет — Ратус ловко и споро действовал, как удивленно смотрела Алики и как она выполняла указания, девушка поняла, что работа эта для него не внове. Когда он наконец оставил Наору в покое, та только могла подосадовать, что не может видеть результатов. Хоть бы одним глазком посмотреть в зеркало!

— Никак нельзя! — строгим до лукавства голосом сказал Рет — Ратус. — Вам нужно привыкать к вашему новому лицу, а не критиковать происходящие изменения по мере их наступления. Это только повредит делу.

Наора с мольбой посмотрела на Алики. Та поняла ее и ответила, пожав плечами:

— На мой взгляд, ничего страшного с тобой еще не

произошло. Господин Рет — Ратус только очень ловко подправил тебе прическу. В остальном ты совершенно не изменилась.

— Но мне покрасили волосы, — Наора вытянула из–под полотенца локон и, косясь, постаралась рассмотреть него: — Я ведь порыжела, да?

Алики хихикнула.

— Ты знала, что тебе придется превратиться в эту рыжую махрийку.

— Не рыжую, а золотоволосую, — возразила Наора.

— Это как посмотреть, — возразила Алики. — Уверена, в вашей «Прекрасной» герцогине больше славы, чем красоты. Небось красится как старуха. Или чарами от морщин взоры отводит.

— Вы не знаете, сударь, за что это северяне так не любят махрийцев? — нарочно обратилась Наора к Рет — Ратусу, укладывающему на своей тележке свой пыточно–цирюльный арсенал. — Особенно женщины женщин.

— Пожалуй, знаю, сударыня, — усмехнулся тот в ответ и обратился к Алики: — Это из–за королевы Криссы, верно?

Алики фыркнула, и потом они все вместе рассмеялась.

Хотя смеяться–то, в общем, здесь было нечему — история королевы Криссы была скорее поучительна, чем забавна.

Около полувека назад последний товьярский король Алиак IV, представитель одного из древнейших родов Империи, династии Тевиров, женился на знатной махрийской красавице, уже скорее по традиции, чем официально носившей титул царевны (как, к слову заметить, и теперешняя Прекрасная Герцогиня). Для новоявленной королевы, привыкшей к пышной роскоши, был перестроен великолепный дворец возле столицы Товьяра. Там чуть ли не ежедневно устраивались празднества в ее честь, на которые съезжались виднейшие вельможи Империи и которые, в дни поездки по Северу, посещал даже сам Император. Влюбленный король ничего не жалел для своей красавицы жены, и даже когда с годами красота ее стала увядать, а его любовный пыл поугас, он все равно ни в чем ей не отказывал.

Крисса родила ему двух сыновей, которым к тому времени, когда король погиб на охоте, исполнилось пятнадцать и двенадцать лет. По древнему обычаю перед коронацией наследник должен был пройти испытание: взять в руки и набросить на плечи знаменитый Зачарованный Плащ Тевиров, что должно было подтвердить его кровную принадлежность к древнему роду.

Тут–то и произошло то, что для всех провинций Империи послужило очередным поводом для слухов и пересудов, а для

Товьяра и всех северных провинций стало настоящей трагедией, граничащей с национальным позором. Плащ Тевиров не признал в старшем сыне, наследнике престола, продолжателя династии. Церемония была повторена с младшим, но и ему Зачарованный Плащ ожег руки. Это могло означать только одно: мальчики, которых покойный король считал своими законными сыновьями, не были таковыми и не несли в своих жилах его крови.

Товьяр остался без короля.

Королеву Криссу, повинную в супружеской измене, судили за измену государственную — ведь именно по ее вине королевство оказалось в позорном положении. Ее приговорили к пожизненному заключения в одном из отдаленных замков, определив прислугу всего–навсего в количестве тридцати человек. Там бы ей и провести спокойно долгие годы да скончаться от старости: замок находился в здоровой местности, а сама опальная королева была еще достаточно молода и не жаловалась на хвори. Однако не такова была Крисса. Опальная королева не пожелала смириться и возымела глупость потребовать справедливости у Имперского суда. В письме, адресованном самому Императору — право же, какой надо обладать наивностью, чтобы не понимать, что вся ее почта читается начальником охраны замка! — бывшая королева почти открытым текстом осмелилась намекать, что ее младший сын является незаконным сыном Императора. Возможно — вполне может быть и даже более чем вероятно, — что так оно и было: срок начала ее второй беременности совпадал с визитом королевской четы в Столицу. Однако Императору Джебелу VIII в данном случае почему–то не хотелось пятнать свою репутацию хотя бы тенью подозрения, и он передоверил дело Имперскому прокурору, который дело пересмотрел и — не без высочайшего, надо полагать, ведома или даже косвенного наущения — определил преступление королевы как супружескую измену, аннулировал брак и распорядился вернуть Криссу отцу. Казалось бы, внешне все выглядело пристойно. Но в Махрии с Криссой не стали церемониться: здесь издревле оберегали строгость нравов, не считаясь с саном и рангом, и опорочившую честь семьи Криссу вскорости по возвращении на родину задушили и, как простолюдинку, закопали в землю.

Пожалуй, люди грядущих веков могли бы и посочувствовать несчастной молодой женщине, вырвавшейся из полумрака махрийских гаремов в привольную, полную светских развлечений жизнь, и погубленной соблазнами. Однако люди, которые ощущали королеву Криссу своей современницей, еще не сошли в могилу, и были живы, как постоянный укор и напоминание, ее

сыновья.

К чести этих молодых людей, следует заметить, что они приняли обрушившееся на них бремя материнского позора и последовавшего за ним бесчестия достойно и с выдержкой, подтверждавшей их благородное происхождение. Впрочем, оно и без того было несомненным, ибо королева Крисса, уронив своей изменой королевскую честь, не утратила все же достоинства, и если и делила королевскую постель, то лишь с людьми знатными, что бы там про нее не судачили. Другое дело, что любовниками ее были, видимо, не товьярские дворяне, ибо ни один северянин не оскорбил бы своего короля, прикоснувшись к его женщине. Дети Криссы, хотя и оказались незаконнорожденными, были все же аристократами по происхождению и королевичами по воспитанию. Сложное положение, в котором они оказались по вине матери, не давало им практически никаких шансов занять достойное положение в высшем обществе — они потеряли права на титулы, которые могли иметь, будучи законными детьми короля, и не могли рассчитывать на наследство со стороны матери, ибо махрийское общество относилось к бастардам как к отверженным.

Старший сын Криссы, выждав время, когда улеглись страсти, обратился к королевскому парламенту с прошением вернуть ему некоторые земли, которые не были получены им по праву рождения, а были подарены покойным королем ко дню его пятнадцатилетия. Рассмотрев просьбу, парламент счел возможным удовлетворить ее, ибо, несмотря на преступление матери, оба ее сына пользовались в королевстве и среди народа некоторой симпатией — им скорее сочувствовали, чем винили. Возвращенные земли давали их владельцу право на графский титул, и старший сын стал графом Тартесом. Обретя достойное имя, новоявленный граф Тартес обратился к Императору с нижайшей просьбой восстановить дворянское достоинство и младшему брату, и Император даровал мальчику титул графа Картенеда, поместье, освобождение от налогов, ежегодную пенсию и — одновременно — запретил обоим появляться в Столице. В высшем обществе это известие было расценено как высшее проявление милости государя к невинным жертвам преступления своей порочной матери, но отдельные слухи все же ползли по Империи…

В настоящее время сыновья Криссы доживали отпущенный им богами срок, окруженные вполне заслуженным уважением. Старший сделал себе карьеру на военном поприще, стал маршалом Империи и сейчас, будучи отставлен по здоровью, писал мемуары и читал лекции в Имперской Военной Академии

(запрет братьям на появление в Столице был давно снят следующим восшедшим на престол Императором). Младший, граф Картенед, которому пресловутый запрет не дал, несмотря на его выдающиеся успехи в учебе, возможности получить образование в Имперском Университете, проявил невероятную энергичность и сумел добиться от королевского парламента значительных субсидий на основание в Товьяре университета, затратил кучу собственных денег, чтобы переманить в Товьяр видных ученых со всей Империи, и получил образование сообразно своим желаниям. Он слыл одним из энциклопедических умов своего времени: был организатором и руководителем нескольких естественнонаучных экспедиций на малоизведанный северо–восток Империи, принимал участие в организованных Имперской Академией Наук раскопках древних городов Плейоны, зимовал в им же заложенной высокогорной обсерватории в Унук — Ахайе, чтобы наблюдать полное солнечное затмение и прохождение по диску солнца одной из внутренних планет, собирал гербарии и минералогические коллекции, легшие в основу Товьярского Естественнонаучного Музея. Кстати, много сил и времени он потратил на то, чтобы разгадать тайну Плаща Тевиров, пытаясь найти рациональное объяснение его магических свойств, так как слыл ярым материалистом, но не преуспел; это, наверное, было единственной его неудачей на поприще науки. Несколько угомонившись с годами, он писал сейчас статьи для Всеобщей Имперской Энциклопедии и вел в «Имперском научном вестнике» яростную полемику о природе животного магнетизма и магии, переходящую порой в силу его темперамента на личности. Император Джебел VIII в своем завещании признал его своим Сыном, и граф Картенед с честью и достоинством носил этот высокий титул.

Товьярский же престол, тем не менее, оставался незанятым. Младший брат покойного короля был последним, кто рискнул пройти испытание. Но и его Плащ отверг. Подозревать принца Сареана в незаконном происхождении было смешно: он был похож на старшего брата более, чем бывают похожи близнецы. Пожимая плечами после испытания, он произнес: «Должно быть, у моего покойного брата был узаконенный бастард. Только как нам его теперь отыскать?». Способ отыскать наследника был только один — прикосновение к Плащу Тевиров. Но не приводить же во дворец всех подряд! Правда, первые несколько лет не проходило месяца, чтобы очередной претендент не обращался в специально созданную при парламенте комиссию с требованием провести испытание; ему обыкновенно не отказывали, но кончалось

испытание с одним и тем же результатом: испытуемый с позором и проклятиям покидал дворец, прижимая к телу обожженную руку. Последние несколько лет с этим стало полегче — количество желающих снизилось до одного–двух в год.

В отсутствие короля должность протектора исполнял президент парламента. Президенты–протекторы менялись каждые десять лет. Пост это был далеко не простой синекурой. Сын принца Сареана, принц Торесилл, третий протектор Товьяра, писал однажды своему другу: «Пять лет протекторства принесли мне больше болячек и морщин, чем все предыдущие сорок лет жизни. То, что народ простил бы законному королю, он никогда не сможет простить его заместителю, будь он самого высокого рода. И с этим приходится считаться».

И пусть после этого кто–нибудь скажет северянину доброе слово за махрийца!

9

Следующие несколько дней Алики почти все время провела возле кровати подруги наедине с карамельной куклой — Наора почти все время спала. Видимо, Рет — Ратус добавлял ей в еду или питье какое–то сонное зелье, ибо нормальный человек так много спать не может. И, вероятно, не только сонное, потому что во сне Наора заметно менялась. Время от времени Рет — Ратус заходил в спальню со своей тележкой и, удовлетворенно осмотрев Наору, выпроваживал Алики погулять полчасика, занимался какими–то манипуляциями, после которых изменения становились более заметны. Все же свободное время, когда Наора бодрствовала, она молчала: молча обедала, молча делала самые необходимые для гигиены дела, и молча подолгу сидела, уставившись на куклу Прекрасной Герцогини. Следя за этим Алики, думала порой, что никакие богатства не стоят этой пугающей потери своего собственного лица. Происходящее с Наорой было слишком пугающим.

Во время своих вынужденных прогулок Алики старалась не терять времени даром. Она внимательно, словно от этого зависела ее жизнь, изучая закоулки и коридоры. Она увлеклась этим с того случая с потайной дверцей возле гостиной. Теперь она целенаправленно искала замаскированные дверцы, комнатки и ходы повсюду. В этом ей здорово помогла та самая, первая, комнатка–конура. Алики нашла в ее стене еще одну дверцу, через которую открывались проходы, заканчивавшиеся выходами в самых неожиданных местах — в коридорах, на кухнях, возле комнат и прямо в комнатах… Алики тайком зарисовывала планы

в надежде, что это может пригодиться.

Трудно сказать, что думал по поводу ее изысканий сам Рет — Ратус. Он, конечно, знал о них — девушка несколько раз натыкалась на него, выглядывая из тайников, и всякий раз он при этом только улыбался, а однажды, когда она по обыкновению зарисовывала очередной план, из–за ее плеча выскользнула длинная рука, худой палец постучал по листку, и тихий голос произнес:

— Вот здесь у вас, Алики, неточность. Этот коридор должен кончаться возле кухни, а не в спальне.

— Вы что, все их по памяти знаете? — раздраженно сказала Алики, чтобы скрыть испуг и раздражение.

— Нет, конечно, их слишком много, — как ни в чем не бывало ответил Рет — Ратус. — Просто я там проходил однажды. И я хотел бы предупредить вас об осторожности. Это, конечно, не старинный замок и здесь нет ловушек, но дверь вдруг может нечаянно захлопнуться, или же вы свернете не туда и заблудитесь. Мне чрезвычайно неприятно будет потерять такую помощницу.

— Найдете другую, — дерзко ответила Алики.

— Но не такую любознательную, — все тем же ровным тоном парировал Рет — Ратус. — Я в этом доме такой же гость, как и вы, а на исследования его тайн у меня, увы, не хватает времени. Так что ваша помощь весьма полезна для нашего общего дела. — И вышел.

Алики тогда восприняла его слова, как очередную издевку, но случилось так, что всего через несколько дней с ней случилось именно то, о чем Рет — Ратус ее предупреждал.

Во время очередного своего похода, Алики, открыв дверцу, ведущую, как она полагала, из подвала в хорошо известный ей коридор перед спальней, оказалась в совсем незнакомом месте. Это был небольшой чуланчик, слабо освещенный узким оконцем под самым потолком. Почти все пространство помещения занимал длинный деревянный стол, протянувшийся от самой двери до противоположной стены; между боковыми стенами и столом едва можно было протиснуться; на столе что–то лежало. Алики не могла рассмотреть в пыльном полумраке что именно, но когда подошла ближе и нагнулась, из горла ее вырвался испуганный вскрик.

На столе, прикрытое, как водится в знатных семьях, лиловой пеленой, лежало тело. Труп. Вернее — трупик, судя по размерам — совсем маленького ребенка. Даже две свечи, полагающиеся по погребальному обряду, сгоревшие и давно оплывшие лужицами в серебряных тарелочках подсвечников, стояли в ногах на ближнем

к Алики краю стола.

Лишь секунду спустя Алики поняла, что перед ней под саваном лежит большая кукла.

Карамельная кукла.

Удивившись странной причуде — положить куклу на манер покойника в погребальной церемонии — что может быть страннее? — Алики протиснулась между стеной и столом к изголовью и осторожно приподняла край савана.

Лицо куклы точь–в–точь походило на то, в которое по вечерам, как в зеркало, подолгу всматривалась Наора. Лишь приглядевшись внимательнее, Алики увидела, что все же это другая кукла, очень похожая, но не та, точно. Отличия в лице были минимальными, но вот платье на кукле было совсем другое. И несомненно, это была кукла Прекрасной Герцогини.

Алики осторожно откинула саван. Кукла была одета в белое платье в махрийском стиле, и на белом четко выделялось темное пятнышко, похожее на присохший комочек грязи. Алики автоматически щелкнула по нему пальцем, чтобы смахнуть, но не тут–то было — комочек и не думал отлетать. На ощупь он оказался твердым, как головка булавки. Ею он и оказался. Алики попробовала было вытащить булавку, но та настолько крепко была воткнута в тельце, что Алики не преуспела. Тогда она попробовала приподнять куклу, однако та далась не сразу: оказалось, что она была пришпилена прошедшей насквозь булавкой к столу.

Когда кукла оказалась в ее руках, Алики посмотрела на ее спину и удивилась, какой длинной была булавка: она вылезала из кукольной спины почти на дюйм! К тому же, острие ее было измазано давно засохшей бурой жидкостью, и что–то говорило Алики, что это не просто краска. Сразу в голову полезли жутковатые россказни, некогда слышанные от нянек и тетушек, в которые так не хочется верить в наш просвещенный век.

Алики отложила куклу в сторону и внимательно осмотрела стол. К ней тут же вернулось то чувство ужаса, которое посетило ее несколько мгновений назад.

«…И есть чародеи и чародейки, которые если захотят свести неугодного им человека со света, делают куклу и нарекают ее именем того человека. Потом обряжает чародей эту куклу, в как бы покойника, кладет на погребальный стол и зажигает в ногах две свечи. И пока горят те свечи, готовит он из жабьей крови яд, и смазывает им ту спицу, и вбивает в сердце куклы молотком, сделанным из громового дерева так, чтобы пробить насквозь и прибить к этому столу. И тогда человек, чьим именем кукла наречена, недели не пройдет, умрет от сердечного недуга. Если

же в печень — от печеночного, если в голову — от мозгового…»

Вот оно — то, о чем, бывало, рассказывали няньки и тетки, собираясь темными вечерами при тусклых свечах. Все в точности: и кукла, и погребальный стол, и спица серебряная, жабьим ядом смоченная… и даже деревянный молоток — вот он, валяется под столом, уже не нужный.

Алики осторожно оттянула пышный воротник кукольного платьица. Имени Прекрасной Герцогини там, естественно, не оказалось. Не было там и имени Наоры, как боялась того Алики. «Амнис», прочла она; судя по имени — тоже махрийка. Конечно, можно было сообразить сразу, что в этом чулане никого не было по крайней мере несколько месяцев: все вокруг покрыто толстым нетронутым слоем пыли, и свежие следы принадлежали только Алики.

Алики снова взяла куклу, с усилием надавила ее спиной на столешницу, чтобы выдавить спицу, и когда та вышла из груди, осторожно подцепила головку ногтями и вытащила полностью. Аккуратно уложив куклу на прежнее место, Алики положила рядом спицу и накрыла, как было прежде, лиловым саваном, после чего покинула зловещий чуланчик.

Вернуться знакомым коридором в спальню Наоры было минутным делом.

Алики привычно уселась возле спящей подруги и принялась осмыслять свое неожиданное приключение. Это была тайна не из тех, которые хотелось хранить на сердце, не поделившись с кем–нибудь. Но с кем? Наора? Но в нынешних обстоятельствах это было по крайней мере бессмысленно, если не сказать больше. Более и более вживаясь в образ Прекрасной Герцогини, она все больше отдалялась, становилась чужой, как сама знатная дама. Рет — Ратус? Но у Алики слишком мало было оснований доверять ему. Особенно, если учесть его недавнее предупреждение. Может, это был намек? Тогда почему Рет — Ратус не пресек ее поисков?.. В общем, здесь было еще туманней.

Словом, Алики было о чем поразмыслить в одиночестве.

Итак, кто–то в этом доме какое–то время тому назад занимался магией. Черной магией, уточнила она. Будучи дочерью своего века, она ставила науку выше суеверий. Да, она не отрицала, что были времена, когда магия была действительно всесильной; она и сейчас немного действовала где–то в отдаленных местах подлунного мира, например, на далеких островах Ботис. Да и в Империи по сейчас еще сохранились древние магические амулеты — тот же плащ Тевиров. Но по большому счету после уничтожения таласарами Великой Книги в Ар–и–Диф, основная сила ее рассеялась, и кроме немногих

талисманов и амулетов, магия осталась разве что на уровне девичьих гаданий и приворотного зелья. Алики и сама частенько гадала, и гадала, надо признаться, удачливо — только почему–то не на себя… Тут Алики вспомнила одну свою знакомую, которая, решив щегольнуть вольнодумством, сделала однажды восковую куколку, нарекла ее своим именем и проткнула серебряной шпилькой. Разумеется, с ней ничего не случилось: правда, ее более осторожные подруги тут же эту шпильку на всякий случай выдернули, а то мало ли… Но здешний чародей не использовал восковую куклу, а испортил куклу карамельную.

Алики остановилась. Карамельная кукла стоит больших денег. Очень больших. Что же тогда получается: для того, кто хотел убить — и, по видимости, убил — эту Амнис, деньги мало значат? Или в самом деле карамельная кукла для магии куда лучше восковой? Не зря карамельные обереги так ценятся. И кто такая эта Амнис? Допустим, махрийка, какая–нибудь знатная особа, с которой следовало расправиться таким дорогостоящим способом?

Если ее догадка была верной, тогда…

Алики вскочила из кресла и быстро вышла из комнаты.

Ей понадобилось почти полдня просидеть в библиотеке, перелистывая «Имперский альманах», чтобы убедиться, что ни одной более–менее знатной дамы по имени Амнис в Империи нет. Была Амники, но она, разумеется, оказалась северянкой. Были и две махрийки по имени Амнэ — но это, как и следовало ожидать, оказались дамами весьма почтенного возраста — шестьдесят три года и гораздо старше пятидесяти; обе, хотя и обладали звучными титулами, но за пределы Махрии никогда не выезжали и, скорее всего, так и провели всю жизнь сначала на женской половине домов своих родителей, потом превратились в хозяек гаремов своих мужей и, должно быть, стали толстыми и ленивыми матронами. А кукла сделана на молодую девушку.

Вечером, сидя с книгой возле камина, Алики как бы невзначай спросила Рет — Ратуса, который тут же, протянув длинные ноги к огню, развлекался решением старинных задач из найденной им на днях книжки «Досуги на старой мельнице»:

— Вы не подскажите, сударь, кто такая Амнис? Это какая–нибудь знатная дама?

— Амнис? — Рет — Ратус поднял на нее взгляд, оторвавшись от «Досугов». — Н-не знаю. Вряд ли.

— Почему? — спросила Алики. Спросила просто так, потому что не уловила во взгляде хитреца хоть малейшего намека на смущение или чего–то подобного, на что и был рассчитан ее вопрос. Увы.

По тому, как Рет — Ратус закрыл книгу, заложив ее длинным пальцем, Алики поняла, что ей предстоит выслушать пространное объяснение. Что ж, это могло быть любопытно.

— Вы читали «Похождения графа Дриллона»? — начал он издалека. Алики покачала головой. — Лет тридцать тому назад этот роман был так популярен среди прислуги, что именем Амнис, возлюбленной героя романа, простой, но весьма обаятельной девушки, было названо очень и очень много девочек из таких семей. А кому захочется, чтобы дочь благородных родителей звали так же, как дочь какой–нибудь горничной или судомойки?

— Вот странно, — словно в задумчивости проговорила Алики и показала Рет — Ратусу свою книгу, где под гравюрой, изображавшей расфранченную молодую даму, карандашом было написано: «Амнис»; час назад эту надпись сделала Алики собственноручно.

Рет — Ратус безразлично пожал плечами и вернулся к своим «Досугам».

Утром, причесывая Наору, Алики заметила, что одна из прядей волос ее подруги срезана: недавно выстриженные волосы заметно топорщились и бросались в глаза. В другое время Алики, возможно не обратила бы на это внимания, но вчерашнее происшествие со спрятанной в тайном чулане карамельной куклой заставило Алики насторожиться. Ведь волосы человека нужны были для того, чтобы наречь его именем куклу! Говорили, что их сжигают, смешивают с сурьмой и полученной краской наносят на куклу нареченное имя.

У Алики невольно дрогнула рука.

— В чем дело? — повернула к ней лицо Наора — чужое, не ее лицо. Голос Наоры был полон высокомерного неудовольствия.

— Простите, сударыня, — кротко ответила Алики. Она уже привыкла к тому, что подруга в последнее время обращается с ней не иначе как знатная дама к своей камеристке. Это было не самым неприятным из изменений, происходящих с Наорой: просто актриса вживается в образ, за что ей после очень хорошо заплатят. Оставалось надеяться, что, как уверял Алики Рет — Ратус, потом она снова станет такой же простой и сердечной, как была раньше. Вот только станет ли? Алики все больше и больше начинала сомневаться в этом. Даже просто сама по себе роль Прекрасной Герцогини должна непременно отразиться на характере Наоры, а если вспомнить о находке в тайном лабиринте дома… Хорошо, если все ее измышления о грозящей Наоре опасности окажутся бредом воспаленного воображения наивной и неопытной провинциалки.

Но пусть даже и так, а проверить свои сомнения все же стоило. Хотя бы, чтобы убедиться в их неверности.

На следующий день за завтраком Алики намекнула Рет — Ратусу, что ей хотелось бы побывать в Столице, и попросила его распорядиться заложить карету. Тот согласно кивнул. Еще несколько дней назад он сам предлагал Алики развеяться, но тогда та отнекивалась, увлеченная своими изысканиями в доме.

Карета была готова менее чем через час. Рет — Ратус, зайдя сообщить об этом, дал Алики довольно увесистый кошелек с деньгами на карманные расходы и предложил не стеснять себя экономией среди столичных соблазнов, но быть в то же время благоразумной.

Предложение было весьма кстати, но, принимая кошелек, Алики все же предупредила:

— Это я беру в долг.

— Зачем же, — возразил Рет — Ратус. — Ведь камеристка должна иногда получать жалование от своей госпожи.

— От госпожи? — не удержавшись, съехидничала Алики и с ироничным тщанием осмотрела долговязую фигуру, ну никак не подходящую под определение «госпожа».

— Считайте меня управляющим делами вашей госпожи или ее поверенным, если вам будет угодно, — усмехнулся тот, картинно кланяясь.

— Скорее уж батюшкой или меценатом, — рассмеялась Алики.

Рет — Ратус с внимательным любопытством посмотрел на нее своими серыми прозрачными глазами; Алики это не смутило. Он с усмешкой повторил свой шутовской поклон и придирчиво оценил ее наряд.

Для поездки Алики позаимствовала одно из платьев гардероба Наоры — бархатное, но достаточно скромного покроя, светло–серое, которое вызывало уважение своей элегантностью, и к тому же было достаточно теплым. Гладко причесанные волосы она уложила в так называемый «античный узел», что должно было гармонировать со скромной строгостью платья. Крохотная шапочка поверх пуховой косынки–паутинки. На плечи наброшен короткий плащ из седых лис. Покрутившись перед зеркалом, Алики осталась довольна своим видом: ни дать, ни взять — девушка из хорошей семьи, улучившая минуту, чтобы сбежать от наскучившей опеки гувернанток и домашних учителей.

Рет — Ратусу выбор Алики, по–видимому, тоже понравился и, кажется, чуть–чуть удивил. Он довольно долго разглядывал ее, потом кивнул и сказал:

— Пожалуй, я не ту карету приказал заложить. Сейчас

исправлюсь, сударыня.

Карету и вправду быстро перезаложили, подав вместо простой коляски довольно комфортабельный экипаж.

Алики велела кучеру отвезти ее в какой–нибудь магазин, торгующий всяческими модными мелочами для дам, с большим достоинством уселась в карету и всю дорогу с искренним интересом смотрела в окно, больше скорее вбирая в себя общие впечатления от увиденного, чем обращая внимание на частности.

Столица. Город, который когда–то как–то назывался — когда и как, Алики даже и не припомнила, — когда–то был маленьким, таким же, как любой другой заштатный городишко, как ее родной Берстар, к примеру. Но, однажды став столицей сначала княжества, потом королевства, потом молодой растущей империи, он разрастался вместе с нею, прибавлял великолепия, и вот уже больше пяти сотен лет называется просто: Столица. Просто Столица Великой Империи.

Алики он представлялся состоящим сплошь из садов и парков, даже сейчас, зимой, сохранивших свою таинственную прелесть, в глубине которых высились великолепные, такие непохожие один на другой дворцы. Только уже ближе к реке и высокому, видному из любой точки города стрельчатому зданию Ратуши, когда карета въехала на улицы старого города, дома встали строем по обе стороны гладко вымощенных улиц, смыкаясь между собой и образуя длинные кварталы, где одно здание от другого отличалось лишь высотой, формой окон и прочими архитектурными деталями, а на самом деле казались все одной сплошной бесконечной стеной.

Дом, возле которого остановилась карета, в Берстаре сочли бы достойным проживания разве что самого губернатора провинции. Он стоял особняком, один занимая целый квартал, отделенный от всех прочих широкими улицами. Разнаряженный, как придворный сановник, швейцар стоял возле высоких застекленных дверей парадного входа, расположившегося среди широких витрин, в которых было выставлено все, что могла пожелать для себя любая женщина — от богато украшенных всяческими милыми излишествами и украшениями женских мелочей и до разодетых во всевозможные наряды манекенов. Назывался этот огромный магазин, если верить вывеске, «Милая безделушка».

Кучер помог Алики выйти из кареты, швейцар раскрыл перед ней двери, и девушка оказалась внутри.

Перед ней простиралась широкая богато изукрашенная мраморная лестница. Алики поднялась наверх и нерешительно замерла на месте, с трудом представляя себе, что делать дальше и

как себя следует вести. И спросить было не у кого — кругом, среди витрин, прилавков и манекенов не было видно ни одной живой души. Видимо, из–за раннего времени: вряд ли знатные и богатые дамы в массовом количестве выезжают прогуляться по магазинам раньше полудня. Не было видно ни продавцов, ни приказчиков. Но стоило Алики шагнуть к одному из прилавков, как из–за шелестнувшей бусинками занавеси навстречу ей выпорхнула весьма миловидная девушка в таком нарядном платье, что у Алики захватило дух.

— Доброе утро, сударыня, — с обворожительной, но сдержанной, какой–то профессиональной улыбкой произнесла она мелодичным голоском. — Что вам будет угодно?

— Доброе утро, э-э… — ответила Алики, не зная, как к ней обратиться, и потому улыбнувшись девушке самой обезоруживающей из своих улыбок. — Пожалуйста, не беспокойтесь из–за меня. Я, собственно, проезжала мимо и просто зашла поглазеть. — Грубоватое это «поглазеть» должно было изобличить в Алики этакую простушечку–провинциалку, которую она решила сыграть. — Мы только вчера приехали в Столицу, и, знаете, просто глаза разбегаются.

Улыбка продавщицы стала еще более обворожительной.

— О, как я вас понимаю! Вы зашли как раз туда, куда нужно, — защебетала она. — У нас вам найдется на что поглазеть, — она доверительно хихикнула, — и что из приглянувшегося увезти с собой. У нас очень солидный магазин, с богатым выбором и весьма умеренными ценами… Для начала, позвольте предложить вам чай, пока вы будете выбирать.

— Нет, зачем! Я только что позавтракала, — скромно попыталась возразить Алики, но девушка была неумолима и, увлекая Алики в приятный глазу уголок, где под какими–то развесистыми растениями было установлено несколько легких столиков, девушка проговорила:

— Прошу вас, сюда. Уверяю вас, что вы не пробовали на завтрак таких пирожных, какие нам приносят из кондитерской снизу…

Под пирожные, сладкие орешки в шоколадной глазури и мятные леденцы с ароматным чаем они просмотрели кучу модных журналов и каталогов магазина, обсудили, что могло бы пригодиться и, одновременно, очень подошло бы именно для Алики, согласились друг с другом, что кружева окончательно вышли из моды, а будущее, несомненно, — ну на два–три сезона, это уж точно, — принадлежит ажурной вышивке, и вообще поговорили еще о многих–многих разных вещах. Как–то сам собой в руках у Алики оказался новенький путеводитель по

Столичным магазинам, который она «рассеянно» листала, слушая щебетание своей наставницы и вовремя вставляя необходимые реплики, чтобы создать иллюзию заинтересованности. Третьим планом в голове проносились мысли, что весь товар из лавки ее тетушек мог бы разместиться на лестничной площадке этого магазина между ступенями и стеклянными дверями, но, в сущности, разница между тем и другим была лишь в количестве — ассортимент был практически один и тот же, а цена куда больше.

Тем временем магазин понемногу стал оживать.

Сквозь парадные двери тот и дело входили шикарные дамы: обычно в одиночку, но иногда в сопровождении — реже мужей, чаще — дюжих молодцов, явных носильщиков; к каждой из–за шуршащей занавески выбегала девушка.

— Наверное, здесь бывает очень многолюдно, — обратив внимание своей наставницы на небольшую суету возле входа, когда в двери вошли одновременно несколько таких компаний, спросила Алики. — Разве у вас нет второго входа?

Выяснилось, что нет. Оказывается, всем столичным магазинам, равно как и прочим общедоступным заведениям, старинным еще указом Ратуши запрещено иметь более одного входа, причем выходящего на самое людное место, якобы для того, чтобы лучшим способом обеспечить безопасность заведения от грабителей, на самом же деле, чтобы бороться с людской безнравственностью.

— Есть даже специальный инспектор, — сообщила девушка–продавщица, — который ходит по магазинам, кафе, парикмахерским и прочим заведениям и проверяет исполнение указа.

— Занятно, — прокомментировала Алики досадную новость, несколько нарушавшую ее планы. — Знаете, а вот у нас в городе даже в самой захудалой лавчонке, где и торговать–то нечем, имеется второй выход. И ничего такого особенного не происходит. _ Было большое искушение сообщить, что, например, в лавке ее теток была дверь, которая вела на задний дворик, и в тот же дворик выходили двери еще двух лавочек, в то время как все три лавки фасадами глядели на разные улицы. Так что вторые двери иногда приносили довольно ощутимый доход, потому что хотя чуть ли не весь город знал, кто, как и для чего пользуется ими, но все же видимость благопристойности соблюдалась неукоснительно.

— Сразу видно, что законы выдумывают мужчины и только для себя, — понимающе улыбнулась девушка. — А нам приходится самим заботиться о своей репутации и

изворачиваться, в то время как любой мужчина может совершенно открыто приехать на любую «цветочную аллею».

— Мне, к счастью, беречь свою репутацию пока необходимости нет, — ответно улыбнулась Алики и чуть заметно подмигнула. — Мне просто необходимо съездить кое–куда, и я не хочу, чтобы об этом узнали мои домашние.

— И вы не собираетесь вести себя неблагоразумно, — с пониманием продолжила девушка.

— Как можно! — всплеснула руками Алики. — Я сама воплощенное благоразумие… И как правило мне это всегда удается.

Девушки весело рассмеялись.

— Ваше «кое–где» находится очень далеко от этого места? — шепотом спросила Алики девушка.

— Это не существенно, — заговорщицки же ответила Алики. — А временем я располагаю.

Девушка кивнула.

— Тогда я посоветую вам, — голос девушки почти дошел до самой крайней степени интимности, — поехать на Набережный бульвар. Там находятся книжные развалы, выставляются картины, полно мелких лавочек, где продается всякая дешевая всячина. Так что вы можете оставить вашу карету в начале бульвара, а в конце его взять другую. А если, возвратившись, вы принесете с собой парочку книжек или каких–нибудь безделушек, то это послужит вполне достаточной причиной вашего сколь угодно длительного отсутствия.

— Да, это хорошая мысль, — ответила Алики после недолгого раздумья. — Благодарю вас, дорогая. — Алики встала, все еще держа в руках путеводитель; тут же поднялась и девушка. — Сколько я вам должна за вот эту брошюрку, пирожные и потраченное на меня время?

— Брошюре грош цена, пирожные за счет заведения, а потраченное время… Если вы будете столь любезны, я бы осмелилась предложить вам кое–что из того, что мы с вами обсуждали, — скромно потупив глаза, предложила продавщица. — Сущую безделицу, но… Мы ведь имеем с каждой покупки комиссионные. Вы меня понимаете?

— Конечно, конечно! — воскликнула Алики. — Я полностью рассчитываю на ваш вкус. _ «И на скромность», — добавила она про себя.

— Извольте подождать минуточку, — обрадовалась продавщица и тут же исчезла за своей занавеской.

Алики со вздохом подумала, что вот она и потратила деньги, «поддавшись столичным соблазнам», от чего предостерегал ее Рет

— Ратус. Впрочем, решила она, это было бы его самым меньшим разочарованием на сегодня, если бы он узнал о ее планах.

Девушка вернулась гораздо раньше, чем через минуту. В руках у нее был красиво упакованный сверток, размерами и весом несколько успокоивший Алики; счет был тоже довольно умеренным.

Протягивая девушке деньги, Алики заметила с некоторой неловкостью:

— Простите, я не знаю, сколько у вас полагается давать чаевых. Понимаете, мне не хотелось бы показать себя скупердяйкой, но и транжирой быть тоже не хочется.

— Об этом есть отдельная глава в вашем путеводителе, — услужливо подсказала девушка. — Тринадцатая страница.

Алики заглянула на указанную станицу и снова полезла в кошелек, отсчитав раза в полтора больше, чем там было обозначено.

— Позвольте дать вам еще один совет, — сказала девушка, провожая ее назад, к двери. — У нас, в Столице, не очень жалуют провинциалов, которые шагу не могут пройти без путеводителя.

Алики поблагодарила ее кивком, еще раз кивнула на брошенное вдогонку: «Заходите еще, сударыня!» и вышла из магазина.

Швейцару она тоже сунула монетку, швейцар в ответ махнул ее кучеру, и тот лихо подрулил к тротуару.

— Вот что, — сказала Алики, усаживаясь. — Я бы еще хотела посмотреть что–нибудь интересное. И купить что–нибудь почитать для себя. Удивительно, но чем богаче господа, тем скучнее у них книги. Самые интересные давала мне наша кухарка.

Она принялась было листать путеводитель, но кучер сам пришел ей на помощь:

— Тут и думать нечего, сударыня, — заявил он. — Вам надо просто прогуляться по Набережному бульвару. Там вы и насмотритесь всего, что душа пожелает, и книжек купите самых разных.

— Вы думаете? — задумчиво произнесла Алики.

— Не извольте сомневаться!

— Ну что ж, — уступила Алики. — Тогда едем на Набережный бульвар!

Дверца захлопнулась, и кучер хлестнул бичом.

Это оказалось совсем рядом. Алики не успела даже толком просмотреть нужную ей страницу путеводителя; но то место, куда ей было надо, она нашла и запомнила.

Выйдя из кареты, Алики сразу увидела уходящую дугой вправо широкую серую ленту Набережного бульвара, зажатого с

одного бока серой же стеной домов и узкой непроезжей улицей, отделенной невысоким каменным заборчиком, а с другой ограниченного коваными перилами набережной. И все это пространство было сплошь заставлено открытыми лотками, лотками, прикрытыми какими–то подобиями палаток и тентов, пюпитрами, переносными витринами, занимавшим не только обочины, но и самую середину бульвара и разделяя его на два потока… И все пестрело такими непривычными в слякотной серости зимы, и потому казавшимися еще более броскими, яркими, аляповатыми, вызывающими красками развешанных на парапете набережной и выставленных на пюпитрах картин, расставленных на прилавках или просто на булыжнике мостовой безделушек, поделок и подделок самого разного свойства и качества… И все было заполнено людьми, копошащимися, грудящимися возле прилавков и пюпитров, стоящими и снующими, молчаливо разглядывающими и ожесточенно о чем–то спорящими и жестикулирующими, молодыми и пожилыми, простыми и богато разодетыми, мужчинами и женщинами… И над всем этим висел гул, в который сливались и голоса, и шелест одежд, и шлепанье ног по серому размокшему снегу, и шорох шин, и стук копыт многочисленных подъезжающих и отъезжающих экипажей…

А за темной полосой рекой, изгибы которой в точности повторял Набережный бульвар, напротив, за высокой кованой оградой с мудреными золочеными узорами решеток в глубине огромного сада возвышались крыши, шпили и купола Императорского дворца — города в городе, столицы Столицы, сердца Великой Империи.

И, как ни странно, соседство людского муравейника и величественных творений архитектуры не казалось кощунственным или унизительным…

Кучер дал Алики вдоволь насмотреться вокруг, и только после напомнил о своем присутствии покашливанием. Девушка оторвалась от открывшегося ей зрелища и увидела искрящиеся весельем глаза кучера.

— Я вижу, что Набережный произвело на вас впечатление? — произнес он.

— О да! — совершенно искренне призналась Алики.

— Бульвар тянется на две мили, — кучер указал зажатым в руке хлыстом куда–то вдаль. — Вдоль него ездить запрещено, сами видите. Так я подожду вас здесь, или на том конце?

«Две мили!» — внутренне ужаснулась Алики и, не задумываясь, ответила:

— Конечно, на том! Я все здесь хочу посмотреть! Боже, как

здесь всего много! И как интересно — книги, картины… Я, наверное, задержусь тут надолго.

— Два часа вам хватит?

— Н-не знаю, — неуверенно очень произнесла Алики, оглядываясь на бульвар. — Давайте договоримся на три, согласны?

Кучер пожал плечами.

— Как вам будет угодно. А я как раз успею не спеша перекусить.

Алики поняла это как намек и полезла было в кошелек за деньгами, но кучер остановил ее движение.

— Не извольте беспокоиться, сударыня. Господин Рет — Ратус обо всем позаботился, — Он улыбнулся. — Значит, я вас буду ждать через три часа на том конце бульвара. И будьте повнимательнее со своим кошельком.

Алики кивнула. Она была несколько возбуждена, но это легко могло сойти за обычное возбуждение женщины в предвкушении покупок.

— А вы, если проголодаетесь, — посоветовал напоследок кучер, — заходите в кондитерские. В кондитерские здесь дамам можно заходить без опасения.

— Да? А у нас в Берстаре девушке одной разве что в булочную можно зайти.

— В булочную тоже можно, — улыбнулся любезный кучер. — И съесть бублик где–нибудь в сторонке на скамейке. Это не зазорно для девицы вашего возраста. На Набережном бульваре дозволительна некоторая свобода нравов.

Алики поблагодарила за совет, и направилась к ближайшему же книжному лотку, представлявшему из себя большущий раскрытый чемодан, откинутая крышка которого служила витриной, а в необъятном его чреве торчали корешки… Только минут через пятнадцать, когда подмышкой у нее оказались зажаты несколько томиков чтива такого рода, что так нравится прислуге, она напомнила себе об истинной цели своего пребывания здесь.

Оглянувшись, Алики не увидела даже площадки, на которой оставила свою карету, — в обе стороны от Алики простирался многолюдный Набережный бульвар. Тем лучше, решила она и, лишь оглядываясь по сторонам, но не отвлекаясь на мелочи, двинулась дальше. Быстро идти, правда, у нее все равно не получалось, но за полчаса она надеялась прибыть к месту своего назначения. Пестрых соблазнов вокруг хватало: то обратит на себя внимание какая–нибудь изящная безделушка — вазочка, подсвечник, просто статуэтка; то взгляд упадет на не совсем

понятные рисунком, но чем–то привлекающее взор картину или гобелен; то обвешанный как витрина собственноручно сделанными портретами художник набежит с предложением нарисовать «ваш портрет, сударыня! Всего за пятнадцать минут и за пол–империала! У вас такое выразительное лицо»… то то… то это…

Алики позволила себе остановиться, только когда на глаза попалась вывеска булочной. Она кое–как выбралась из толчеи бульвара, приняла из окошечка свой соблазнительно пышущий теплом печи заказ — обильно уснащенную изюмом сдобную булочку и сочник с творогом — и, оглянувшись в поисках места, пристроилась на невысоком парапетике в свободном пространстве между раскладкой каких–то миниатюрных глиняных фигурок различных животных и похожими же, но дутыми из цветного стекла игрушками, стоящими прямо на камне парапета.

Но едва она откусила от сочника и опустила глаза в книжку, как перед ней вновь материализовался давешний художник «всего за полуимпериала и пятнадцать минут», обвешанный собственными произведениями.

— Сударыня!.. — начал он, но Алики, строго глянув на него, перебила:

— Вы что, преследуете меня? — резко спросила она.

Художник стушевался

— Я… м-м… сударыня… у вас такое… э-э… — залепетал он и замолк.

Соседи–торговцы косились на них и похихикивали.

— Разве вы не видите, что я завтракаю? — выждав и не получив вразумительного ответа, продолжала укорять Алики. — Вам так хочется изобразить мое, как вы позволили себе заметить «выразительное лицо» с жующим ртом и толстыми щеками, за которыми прячется по куску булки?.. Ну что ж, рисуйте! — неожиданно сменила она гнев на милость. Потому что этот нахально–скромный парень ей начинал нравиться. Да и рисовал он, судя по украшавшим его образцам, довольно прилично. — Но учтите, — помахала она надкушенной булочкой, — если портрет мне не понравится, не видать вам вашего полуимпериала!

Парнишка радостно закивал, моментально выскочил из своих картонных доспехов и ловко, одним движением, вывернул их наизнанку — к обратной стороне, оказывается, были уже прикреплены чистые листы, — прямо стоя, уперев картон себе в бедро и придерживая его одной рукой, свободной принялся набрасывать на нем что–то быстрыми широкими штрихами; иногда он коротко посматривал на Алики и начинал растирать

штрихи антрацитово блестящим от давно и прочно въевшегося в кожу угля большим пальцем.

Алики жевала и почти не обращала на своего портретиста внимания. Позировать она тоже не собиралась: взялся, так пусть сам и мучается. Впрочем, она только делала вид, что увлечена чтением. На самом деле она исподтишка косилась на парня и, кажется, мысли ее стали сворачивать в какую–то грешную сторону. Чтобы не расслабляться, она решила быть с ним строже.

Дожевав последний кусок сочника, Алики встала и заглянула в лист. Она была разочарована. На ее взгляд нарисованная девушка походила на реальную Алики разве что покроем платья. Она, конечно, лгала себе — художник, само собой, льстил модели, но не до такой степени.

— И вы думаете, что это я? — насупила она брови, даже фыркнула для строгости. — И полагаете, что это стоит империала?

Улыбка тут же слетела с лица художника.

— Я рассчитывал на пол–империала, — сообщил он смущенно. — И на ваше доброе сердце.

Алики еще раз фыркнула.

— Ну хорошо, — строго сказала Алики. — Вы получите свои пол–империала, если немедленно найдете мне извозчика.

— Одну секунду, сударыня! — тут же воскликнул молодой человек.

Не успела Алики глазом моргнуть, как он, бросив на произвол судьбы свои произведения и средства их производства, исчез в ближайшем проулке, откуда тут же раздался молодецкий свист и быстро приближающееся цоканье копыт, а через мгновение появился небольшой открытый экипаж с поднятой крышей. На подножке его висел художник.

— Как это у вас ловко получается! — величественно похвалила Алики, принимая скрученный в рулон и перевязанный тесемкой — и когда успел?! — портрет и протягивая взамен все–таки империал: — Пожалуй, вы его заработали. — и, уже не обращая больше на бедного художника внимания, крикнула вознице: — Трогай!

Когда коляска уже скрывалась в проулке, Алики все–таки не выдержала и оглянулась. Ей хотелось, чтобы молоденький художник так и стоял, провожая коляску грустным взглядом, но тот, схватив свои носильные принадлежности, уже устремился к булочной. Алики звонко рассмеялась.

Извозчик оглянулся.

— Так куда едем, сударыня?

— На Тополиную дорогу, _ ответила Алики, вспомнив адрес

из путеводителя.

Извозчик крякнул и пробормотал недовольно — вроде как про себя, он так, чтобы Алики услышала:

— Постыдилась бы хотя бы, прости Небеса. Такая молоденькая, а уже по «цветочным аллеям» шастает.

— Погодите–погодите! — не поняла Алики. — Разве там находится «цветочная аллея»? Но мне нужна Карамельная Мыза…

— А! — сразу заулыбался возница. — Ну так надобно было так и сказать, барышня! Это ж на *Старой* Тополиной! Только, — он почесал обухом кнута у себя под шляпой. — Только там об эту пору грязь непролазная…

— Что, болото? — Алики понятия не имела, как дела обстоят на самом деле, но на всякий случай понимающе усмехнулась.

Возница крякнул — значит, наивная уловка девушки попала в цель.

— Да не то чтобы уж совсем… — проговорил он неуверенно. — Но с Новой–то не сравнить. Там чищено–метено, пылинки нету… Вам туда и обратно, барышня? Хм… Тогда это вам в пять империалов обойдется.

Ничего себе! Алики заглянула в кошелек. От того, что выдал ей утром Рет — Ратус, всего–то шесть империалов и осталось.

— Дорогой город, эта ваша Столица, — сказала она, мрачнея. — Не успела глазом моргнуть — а кошелек наполовину пуст.

— Сущую правду говорите, барышня, — охотно отозвался извозчик. — За те деньги, что я здесь только на корм для своей гнедой трачу, у себя в деревне я бы мог четырех таких прокормить.

— Но ведь и зарабатываешь, наверное, больше чем в деревне? — резонно заметила Алики.

— В деревне, барышня, не зарабатывают. Там живут, — вздохнул возница.

— А далеко это?

— Деревня–то? Дак не очень–то чтоб так уж и…

— Я не про деревню! Я про мызу спрашиваю. Сколько ехать?

— А–а–а. Да нет. Если там сильно не задерживаться, то за полтора часа обернемся.

— Тогда едем! — решилась Алики.

Коляска тронулась, и вскоре оживленный центр города остался позади, и вокруг опять оказались сады и парки. Утром здесь было пустовато, теперь, незадолго до полудня, стало гораздо оживленнее и нарядней — как на каком–нибудь пейзаже с Набережного бульвара: мимо них то и дело катили красочные экипажи, по тротуарам прогуливались аристократичного вида

господа, знатные дамы и дамы, похожие на знатных дам, совершали ежедневную прогулку, демонстрируя друг другу, какими свежими они выглядят после вчерашнего вечера, закончившегося только на рассвете и непродолжительного — ах, всего–то часа четыре! — утреннего сна.

Алики, впрочем, их заботы мало волновали.

Вскоре кучер обернулся и указал кнутом вперед:

— Вот она, Старая Тополиная дорога. — Кнут качнулся вправо. — А это Новая.

Две дороги, действительно обсаженные по обочинам тополями, расходились впереди под острым углом: одна уходила прямо вперед, но выглядела куда более неухоженной, чем та, что ответвлялась вправо, по обе стороны которой виднелись аккуратненькие домики с садиками, а между дорогами за тополями блестела вода.

— Там озеро?

Возница усмехнулся.

— Теперь, когда богатые господа стали по «цветочным аллеям» наведываться, конечно, озеро. Лебяжье. А раньше просто было Козье болото.

Алики прыснула.

— А вон и Карамельная мыза, — указал извозчик. — Там и гута, и дом, и лавка. Вам к лавке, барышня?

Они уже ехали по Старой Тополиной дороге, подъезжали, и Алики видела все сама.

Постройки стояли недалеко от дороги, которая уходила куда–то дальше, туда, где города уже не было. Здесь все было прибрано и аккуратно, как и везде в Столице: домики стояли вразброс среди деревьев, дорожки расчищены и замощены, листва в садике убрана, похоже, еще с осени; да и сегодня с утра в саду, кажется, работали: снег из затененных мест был перекинут на солнечные участки, чтобы быстрее таял.

Лавкой был, по всей видимости, небольшой домик у самых ворот: ставни большого окна были распахнуты, и на по–весеннему уже ярком солнце блестели безделушки из разноцветной карамели.

— Да, наверное, — кивнула Алики.

Не успела коляска остановиться возле крыльца, как из домика, вытирая на ходу фартуком руки, вышла женщина лет тридцати — некрасивая, рябоватая.

Алики выпрыгнула из экипажа, подошла.

— Я хотела бы узнать насчет кукол, _ сказала Алики, поздоровавшись.

— Это вам с мастером надо поговорить, — приветливо

ответила женщина и, кликнув со двора мальчонку лет десяти, велела проводить барышню до гуты.

Алики, с любопытством оглядываясь по сторонам, пошла за мальчишкой. Усадьба была как усадьба: дикого камня стены, крытые черепицей крыши, хозяйственный дворик, сад, огородик за плетнем — но очень ухоженная.

Гута стояла несколько особняком, за огородом. Из трубы тянулся в небо полупрозрачный дымок, ворота были распахнуты настежь, и какой–то человек нес во двор не то поднос, не то противень, уставленный мелкими карамельными вещицами; над подносом заметно дрожал воздух. Человек поставил поднос на низенький настил, тянущийся вдоль всей стены гуты, где стояли уже несколько подобных подносов.

Обернувшись, он оказался довольно таки молодым — вряд ли ему было больше двадцати пяти. Парень с серьезным любопытством стал смотреть на подходящую Алики.

— Вот, — объявил пацан, показывая на Алики.

Мастер не обратил на него никакого внимания — продолжал выжидательно смотреть на девушку, и той пришлось брать инициативу в свои руки. Она залепетала что–то о том, что ей бы хотелось… ей очень интересно… хотелось бы знать… словом…

Мастер продолжал смотреть на нее светло–карими глазами теплыми глазами и, казалось, улыбался, хотя губы его были плотно сжаты.

Алики разозлилась и на него, и на себя, замолчала и перевела взгляд на фигурки.

И тогда мастер заговорил.

— Им полезно погреться на солнышке, — услышала наконец Алики его голос.

Голос был сильным и слишком уж громким, будто говоривший стоял совсем близко. Непозволительно близко.

Алики перевела взгляд; так и оказалось.

— Они какие–то не такие, — сказала она и отступила на шаг. — Не такие, как в лавке.

— Конечно, — сказал мастер. Он упорно смотрел ей прямо в глаза, нахал. — Они ведь еще не дошли, _ и тут же, без перехода: — Так что вы *на самом деле* хотели?

Ишь какой проницательный!

— Я хотела узнать, не заказывали ли у вас куклу для женщины по имени Амнис, — прямо сказала Алики.

Мастер не спешил с ответом, продолжая смотреть на него в упор. Она ответила ему тем же.

— Давно? — спросил он, выдержав довольно долгую паузу.

— Год назад, — сказала Алики. — Или два.

— Или три, — в тон продолжил мастер.

— Или три, — согласилась Алики.

Игра в гляделки продолжалась, затягивалась и уже начала надоедать. Алики хотела было уже плюнуть на все, развернуться и уйти, но за мгновение до того, словно угадав ее мысли, мастер вдруг усмехнулся открыто и, крикнув крутившегося возле подносов мальчонку, приказал:

— Ну–ка, сбегай в дом, принеси тетрадь.

— Какую? — живо уточнил мальчишка.

— Ту, в синей обложке, — сказал мастер.

— А–а–а… — начал было мальчонка, но мастер так шикнул на него, что тот припустил изо всех сил.

Мастер снова обернулся к Алики. Теперь он просто улыбался. Как обычный нормальный парень. И заговорил он обычным голосом:

— Пока он бегает, может быть, вы осмотрите гуту? Вам ведь интересно, правда? И погреетесь заодно.

Алики улыбнулась в ответ.

— Спасибо.

Она заглянула в двери. Оттуда тянуло запахом, и запах этот был скорее неприятным. Все же Алики сделала несколько шагов внутрь и осторожно огляделась.

Ее глаз тут же расширились от восторга.

Посредине просторного помещения на большом деревянном столе стоял игрушечный домик. Кукольный домик, мечта любой девочки. Но *какой* это был кукольный домик!

За прозрачными карамельными стенами на прозрачном карамельном полу стояла карамельная мебель. С потолков свешивались карамельные люстры, а на столах в карамельных вазах стояли карамельные букеты…. А жили в этом доме умилительные розовые карамельные зайцы.

Зайчиха в кружевном платье сидела за столом, на котором стоял крохотный сервиз. Заяц в охотничьем сюртуке и сапогах читал газету у камина в комнате, по стенам которой были развешаны миниатюрные охотничьи трофеи, кабаньи, волчьи и барсовы головы, а также разные рога. В детской зайчиха–няня в кокетливом передничке поверх платья в горошек и крохотном чепчике катала колясочку с совсем маленьким зайчонком…

Но большинство комнат заячьего домика были еще пусты, и Алики сообразила, что те предметы, которые она видела во дворе, предназначены как раз для заполнения их.

Алики с трудом оторвала взор от этого великолепия и поглядела на мастера.

— Это сделали *вы*? — произнесла она с восхищением.

Мастер небрежно пожал плечами.

— Заказ для Детей Императора, — просто пояснил он. Но в голосе его отчетливо была слышна едва прикрытая гордость.

— Никогда бы не поверила, — сказала Алики, вновь обернувшись к домику.

Мастер снова пожал плечами. потом руках у него оказалась какая–то безделушка, тоже из карамели, которую он как бы невзначай, в задумчивости, поднес к губам, и Алики быстро обернулась, когда услышала негромкий, немного тоскливый звук, похожий на свист окарины. Это и была окарина, только не простая, глиняная окарина, а *карамельная*, как почти все здесь.

Алики устыдилась своего детского восторга, еще раз глянула на кукольный домик, торопливо смотрелась, почти не обращая внимания, без особого интереса, мельком глянув на всяческие приспособления, инструменты и прочие вещи, помогающие мастеру в его работе, и, произнеся снова: «Спасибо», вернулась во двор.

От дома уже бежал мальчишка с зажатой подмышкой тетрадью.

Приняв тетрадку, мастер присел на свободное от подносов с деталями кукольного домика место на настиле и начал листать страницы. Он все продолжал насвистывать окариной себе под нос.

Это продолжалось довольно долго. Алики писк окарины немного раздражал, но что было поделать.

— Нет, — наконец сказал мастер, захлопнув тетрадь. — Никакой госпожи Амнис здесь не имеется.

А чего еще следовало ожидать? Не для того прятали куклу в тайном чуланчике, чтобы какая–то случайно наткнувшаяся на нее провинциалка вот так запросто смогла бы найти следы и раскрыть тайну.

Мастер смотрел не Алики, чего–то ожидая, и Алики, пожевав губы в некотором раздумье, спросила:

— Скажите, а вот *я могла бы* заказать у вас карамельную куклу? Это очень дорого?

— Это *очень* дорого, — ответил мастер. — Но заказать куклу вы бы все равно не могли. _ Мастер помолчал, потом спросил: — Простите за нескромность, но ведь вы не приглашены Императором на Весенний праздник?

— Н-нет, — ответила Алики. — А это обязательно?

Мастер снова пожал плечами и вновь взялся за свою окарину.

И тут до Алики дошло. Он не имеет права принимать заказ от того, кого не приглашают на Весенний праздник, то есть — от того, кто не относится к высшей знати Империи… Что же получается? Получается, что таинственный недоброжелатель

неизвестной Амнис весьма знатный вельможа? Хотя нет, это сама Амнис должна быть очень знатной дамой. Но как же тогда быть с «Имперским вестником»?

Опять что–то не сходится…

— Простите, что отвлекла вас, — решительно сказала Алики и, вспомнив магазин, поинтересовалась: — Я должна что–нибудь купить?

Свист окарины смолк.

— Только если вам этого очень хочется. — Мастер встал, улыбнулся. — Простите и вы, что я не смог вам помочь.

Алики кивнула:

— Тогда прощайте, — она развернулась и пошла по дорожке к калитке, где ждал ее извозчик.

— Почему «прощайте»? Надеюсь, мы с вами еще увидимся, — донеслось до нее.

Алики фыркнула.

Оглянулась она только, когда садилась в свой экипаж. Но нет, сегодня положительно был не ее день: молодой и, в общем–то, симпатичный мастер стоял на том же месте, возле распахнутых дверей гуты, но против ожидания не смотрел романтически ей вслед с загадочно–мечтательной улыбкой на устах, а о чем–то разговаривал невесть откуда появившимся пожилым мужиком в грязной робе. Алики с понятным раздражением решила, что это какой–то подмастерье.

Но если бы она только могла знать, о чем собственно идет разговор, то поняла бы, что права с точностью до наоборот.

— Что это себе позволяешь, Катрей?! — резко выговаривал «подмастерье» ее мастеру. — С каких это пор ты стал «мастером», а? Ладно бы я понял, если просто для форсу. Но выдавать сведения о заказах на кукол каждой встречной–поперечной девице, чтобы перед ней покрасоваться!.. Трепло! Мальчишка!

И мнимый мастер стоял потупившись, как оплеванный, и молча набычившись переваривал все нелицеприятные эпитеты, которыми обильно награждал его *настоящий* карамельный Мастер, радуясь только тому, что эта симпатичная девушка, которая так старательно пыталась выдать себя за аристократку — и вовсе она не «первая встречная–поперечная», как в сердцах сказал отец, — что эта девушка не слышит сейчас их.

Отец еще долго продолжал выговаривать его за самоуправство («И откуда он только слов таких столько знает?» — думал Катрей) и закончил отповедь уже тогда, когда экипаж с Алики давно скрылся из виду:

— Есть более простые способы привлекать к себе девиц, — буркнул мастер Каламе сердито и, покосившись на окарину,

которую самозванец Катрей виновато вертел в руках, удалился в сторону дома.

10

Всю дорогу домой, Алики думала о тупике, в который привела ее попытка расследования.

Кучер остановил карету перед главным входом, и выходя Алики заметила стоящую неподалеку еще одну карету, вернее — настоящий дормез, гораздо богаче, больше и шикарнее, чем ее. Значит, в доме гости? Время было к ужину, и Алики, быстро переодевшись, пошла в гостиную, где полагала найти Рет — Ратуса, Наору и гостей.

Она влетела в гостиную, уже приготовив сочиненный ей рассказ о потрясающе интересной поездке в город, о прогулке по Набережному бульвару; она даже прихватила, чтобы похвастаться, свой портрет и другие приобретения, но так и замерла на пороге в неподдельном смущении. В кресле, протянув ноги к камину, одиноко сидел сам герцог Садал. Алики смутилась, хотела незаметно ретироваться, но было поздно — герцог заметил ее. По брошенному им взгляду, Алики поняла, что тот ожидал увидеть кого–то другого.

Девушка быстро справилась со смущением и ответила на его взгляд почтительным реверансом.

— Прошу прощения, ваша светлость, — произнесла она, — Я никак не ожидала…

— Кгхм, — произнес герцог в некотором затруднении. — Мне кажется, я не встречал вас раньше?

— Меня зовут Алики, ваша светлость, — поспешила представиться Алики. — Я компаньонка госпожи Наоры.

— Вот как, — в глазах вельможи появилось некоторое подобие любопытства.

Он кивнул, и жестом предложил Алики сесть, та неуверенно опустилась на краешек ближайшего стула.

— Благодарю вас, ваша светлость.

— Насколько я понимаю, мне свое имя называть не имеет смысла? — осведомился герцог, развернув кресло так, чтобы видеть девушку.

Алики кивком подтвердила.

— Я видела вас однажды… мельком.

Герцога подобное объяснение, похоже, удовлетворило. Он улыбнулся.

— Прекрасно. Значит, мне нет необходимости представляться. Тогда позвольте предложить вам… На правах, так

сказать, хозяина. — Он собственноручно налил из графина, стоящего рядом с его креслом на столике, и протянул бокал девушке. Это было сделано так галантно, что Алики не пришлось даже привставать.

_ Благодарю вас, ваша светлость, _ повторила Алики и вежливо пригубила.

Секунда помолчали, после чего герцог, глянув на покупки, выразил предположение, что Алики, видимо, только что вернулась из Столицы и поинтересовался ее впечатлениями. Алики поделилась в сдержанно–восхитительных выражениях. Герцог поинтересовался купленными книгами и одобрил ее выбор, заметив, что сам в свободное время предпочитает читать плутовские романы. Алики, осмелев, вежливо подтвердила, что есть нечто подозрительное в людях, которые читают только серьезные книги. Герцог согласился, что тот, кто не читает откровенно развлекательных книг, либо напыщенный глупец и ханжа, либо просто неграмотный.

Они улыбнулись друг другу и начали было выяснять преимущества романов плутовских над романами любовными, но в тот самый момент, когда их вполне светская беседа начала обретать некоторую раскованность, в гостиной в сопровождении Рет — Ратуса появилась Наора.

Герцог встал — поспешно вскочила со своего стула и Алики — и, подойдя к Наоре, изящно поцеловал ей руку. Та ответила ему улыбкой.

— Ваша светлость, дамы, — поклонился Рет — Ратус не хуже любого иного церемониймейстера, — прошу вас пройти в столовую. Ужин подан.

Герцог подал руку Наоре, Рет — Ратус подставил свой локоть Алики, и они чинно, двумя парами — герцог и Наора первыми, Рет — Ратус с Алики следом, — прошли в столовую.

За ужином герцог сидел напротив изменившейся Наоры, не скрывая того, откровенно разглядывал ее и обращался только к ней, да и то весьма редко. Сидевшую рядом Алики это сильно раздражало, и она вяло ковырялась в салате, нервно поглядывала, как Рет — Ратус, как ни в чем не бывало, уплетает за обе щеки, и ждала, когда все это кончится.

Наконец герцог промокнул салфеткой губы и отложил ее в сторону.

— Нам пора, дорогая, — сказал он, обращаясь только к Наоре. — Завтра утром мы должны быть в замке Арафа.

Алики сразу заметила, как та немного побледнела, но быстро справилась с собой, тоже отложила салфетку и встала.

_ Вы уезжаете? _ невольно вырвалось у Алики. — Сейчас?

До нее только что вдруг дошло, что это были не очередные смотрины, не просто так приехал герцог, отужинать и оценить качество работы Рет — Ратуса. Нет! Сейчас Наора уедет, чтобы выполнить то, для чего ее все это время готовил Рет — Ратус. И возможно, что Алики больше никогда ее не увидит. Или увидит, но уже… И ничего нельзя поделать. Ничего она не сумела разузнать… И даже не успела предупредить…

Наора тоже встала из–за стола, но это уже была вовсе не Наора. Это была Прекрасная Герцогиня, которая очаровательно улыбалась своему мужу и готова была следовать за ним туда, куда он позовет.

— Я помогу собраться в дорогу, — сделала отчаянную попытку Алики. Только бы на минутку остаться наедине, тогда она сможет рассказать, предостеречь подругу.

— Все уже готово и уложено, — остановил ее Рет — Ратус.

Алики глянула на него, но тот как обычно любезно улыбался и ничего не подозревал. Или, наоборот — знал все? Тогда помощи ждать неоткуда…

А Наора даже не обратила внимания на эту попытку. Какое дело Прекрасной Герцогине до какой–то там приживалки.

Следуя за ними по коридору, Алики с неожиданным раздражением вдруг представила себе это прекрасное лицо лет эдак через двадцать–двадцать пять, когда пропадет юношеская свежесть и невинность взгляда станет казаться деланной — кто оглянется на эту женщину, чтобы поймать сияние некогда полудетских глаз?.. Все станут удивляться, почему это герцогиню Садал когда–то называли Прекрасной Герцогиней? Бесцветное лицо, тусклые глаза, увядшая грудь _ ничего, ну совершенно ничего привлекательного.

Алики даже тряхнула головой, чтобы отогнать это такое неуместное сейчас видение. Нет, это лицо Прекрасной Герцогини увянет, но не лицо Наоры, настоящей Наоры, которая никогда не станет такой!

В прихожей Рет — Ратус помог герцогу накинуть плащ, а Алики подала Наоре тяжелую, на меху ротонду. Когда они вышли из дома, перед дверями уже стоял дормез герцога, и, усаживаясь в него, Наора даже не кивнула Алики.

…Звуки окарины пронизывали все вокруг, хотя кукольный мастер просто держал ее возле губ и задумчиво смотрел в тетрадь в синей обложке. «Извини, что не мог тебе помочь», — улыбался он. «Это я должна извиниться, — ответила Алики, нисколько не удивляясь его фамильярности, ведь он был таким симпатичным. — Если бы я еще знала, какие вопросы нужно задавать». И тут кто–то сзади тихонько похлопал ее по плечу…

Алики резко повернула голову, проснулась и увидела Рет — Ратуса.

Он, полностью одетый, стоял возле ее кровати и несильно теребил ее покрытое одеялом плечо; в руках его на небольшом тарельчатом подсвечнике с ручкой горела свеча.

Алики стряхнула ее руку — впрочем, он сам убрал ее, когда увидел, что девушка проснулась, — и, кутаясь в одеяло, приподнялась с постели.

— В чем дело, сударь? — резко спросила она.

— Что вы делали сегодня днем, когда избавились от моего кучера на Набережном бульваре? — услышала она вместо ответа вопрос, заданный не менее резким тоном.

Где–то вдалеке часы пробили одиннадцать, и Алики подумала, что шпион, кто бы он ни был, донес Рет — Ратусу о ее похождениях довольно оперативно, не прошло и часу с отъезда Наоры и герцога. Ну что ж, этого следовало ожидать.

— Разве это является основанием для того, чтобы врываться ко мне посреди ночи? — голос Алики был холоден, как давно прогоревший камин. — Могли бы обождать до утра.

— Не мог! — Рет — Ратус, кажется, вознамерился в точности копировать ее интонации. — Вы не понимаете. Вы оказались замешанной в деле, которое я должен сохранить в тайне. И я не могу допустить, чтобы накануне решающих событий вы невесть куда и зачем исчезли из поля моего зрения.

Алики внутренне возликовала. Ага, значит, ей удалось ускользнуть от шпионов! Эх, знать бы еще, где и каким образом? Но как бы то ни было, у нее в руках сейчас есть хоть и небольшие, но все–таки козыри. Их стоило разыграть. Или хотя бы поторговаться.

— Не надо было тогда меня отпускать в Столицу накануне этих «решающих событий», — сказала она с таким ядом, что его хватило бы на десяток гадюк. — Или поставить меня в известность об этом.

Но Рет — Ратус был, видимо, не восприимчив к змеиному яду.

— По моим сведениям, у вас не должно было быть знакомых в Столице, — ответил он.

— А у меня их и не было, — ехидно ответила девушка.

— Значит, мои сведения точны, — хладнокровно парировал выпад Рет — Ратус. — Тем более я должен знать, где вы были эти три часа. Итак?

Алики помолчала. Надо было решаться. Сейчас или никогда.

— Ладно, — решительно сказала она. — Но мне тоже нужно получить от вас некоторые разъяснения.

— Какие же? — спросил Рет — Ратус.

— Вы хорошо знаете потайные ходы в этом доме? — Алики смотрела прямо в глаза Рет — Ратусу.

— Вы уже спрашивали об этом. Нет, — Рет — Ратус был, казалось, удивлен. Он, кажется, ждал другого вопроса. — Я же говорил вам, что у меня не было времени их изучать, а планы оказались неточны.

Алики продолжала смотреть ему в глаза, и Рет — Ратус не отводил взгляда.

— Ладно, — сказала она решительно. — Не изволите ли вы тогда выйти на минутку. Мне необходимо одеться.

— Хорошо, — согласился Рет — Ратус. — Я подожду вас в коридоре. — Он повернулся, чтобы выйти.

— Свет–то оставьте! — окликнула Алики.

Рет — Ратус вернулся, поставил свой подсвечник на столик возле кровати и вышел.

«У–у–у, сыч», — зло подумала Алики ему в след. Встала, натянула юбку, потом сунула руки в рукава домашней кофты, завязала тесемки. Одеваясь, она все думала: почему она решила довериться ему? Что вообще она о нем знала, чтобы довериться? Но, так и не ответив эти каверзные вопросы, она взяла со столика подсвечник и вышла из комнаты. В конце концов, ее женская интуиция подсказывала, что ей нужно ему довериться — вот и все!

Рет — Ратус поджидал ее в коридоре, как раз напротив той тайной дверцы, что сам ей показал. Алики без слов вошла в предупредительно открытый проход, и они чередом двинулись узкими коридорами.

Вот он, чуланчик.

Алики отворила его, вошла, посторонилась. В каморке все было без изменений.

— Это здесь.

Рет — Ратус замер на пороге и огляделся. Чтобы было лучше видно, Алики подняла было подсвечник повыше, но Рет — Ратус тут же бесцеремонно отобрал его у девушки и решительно шагнул в комнату. Алики хотела было возмутиться, но, во–первых, Рет — Ратус все равно не обратил бы на это внимания, а во–вторых, его поведение до того показалось девушке занимательным, что она просто забыла возмутиться.

Больше всего Рет — Ратус напоминал сейчас охотничью собаку, взявшую след. Старую, тощую, облезлую, опытную охотничью собаку, которую долго заставляли служить пуделем и вон, наконец, выпустили на свободу.

Он быстро обошел вокруг стола, низко согнувшись над

столешницей, но не обращая внимания на то, что лежит на ней. Обнаружив на полу брошенный молоток, Рет — Ратус глянул вверх, но молоток не тронул, продолжил свой осмотр дальше. Там, где стол вплотную примыкал к стене, он ловко поднырнул под него, через секунду показался с другой стороны и принялся обнюхивать стену там, где столешница вплотную примыкала к ней. Потом он, также высматривая на столе и на полу, вернулся обратно.

— Вы обнаружили это вчера? — обратился он к Алики, оказавшись рядом.

— Да, _ сказала девушка. — Вернее, позавчера, ведь уже заполночь.

— Еще нет, — отстранено бросил Рет — Ратус. Он провел пальцем по нетронутой целине пыли на краю стола, растер серую пудру, поднял глаза к потолку, как будто там что–то можно было увидеть.

— Там где–то отдушина, — сказала Алики.

Рет — Ратус оставил ее замечание без комментария.

— Здесь никого не было года два, — обиженно заметила девушка.

— Скорее, три или четыре, — задумчиво пробормотал Рет — Ратус и отвернулся.

Теперь его интересовало то, что лежало на столе. Он осмотрел свечи, покрывало, что–то недовольно пробубнил себе под нос и аккуратно, как давеча сама Алики, приподнял лиловый саван и сложил его возле ног куклы. Очень осторожно подняв за головку, развернул, осмотрел — почти что обнюхал — спицу. Положил, принялся рассматривать булавку.

— Этим она была приколота к столу, — вновь напомнила о себе Алики.

— Догадался, — бросил Рет — Ратус, не оборачиваясь. Он осторожно заворачивал булавку в носовой платок. И добавил довольно–таки зло: — Надо было сразу меня позвать! Наследила тут…

Алики все–таки решила обидеться и даже отвернулась, хотя это было глупо. Краем глаза она видела, что Рет — Ратус продолжает возиться возле стола с куклой. Ей, само собой, было интересно, но она не оборачивалась из принципа. Так продолжалось довольно долго. Наконец, что–то упало, Рет — Ратус пробормотал невнятное проклятие и что–то вроде «слишком темно», и отсвет свечи заметался по стенам.

— Подержите, сударыня, — услышала Алики и увидела протянутый ей подсвечник. Она автоматически приняла его, обернулась. Рет — Ратус заворачивал куклу в саван: — Пойдемте

куда–нибудь, где можно сделать посветлее.

Алики молча повернулась, и тем же порядком они вернулись в коридор, а оттуда прошли в гостиную. Рет — Ратус положил куклу, перенес и расставил на столе несколько канделябров. Алики запалила их от своего подсвечника.

Сразу стало светло.

Рет — Ратус развернул куклу и несколько секунд вглядывался ей в лицо.

— Вы замечаете? — он посмотрел на Алики, и та нехотя, все еще демонстрируя обиду, подошла.

— Вы о чем?

— Вам не кажется, что кукла похожа на Прекрасную Герцогиню?

Алики небрежно хмыкнула.

— Я это заметила сразу, — сказала она. — Только больше она напоминает ту куклу, которую привез герцог.

Рет — Ратус поднял бровь, согласился:

— Пожалуй.

Он начал быстро раздевать куклу. Снял с нее платье, под которым оказалось даже белье; стащил его, снял туфельки. Внимательно оглядел место прокола, перевернув спиной вверх, прочел имя.

— Вы спрашивали меня об этой Амнис?

— Да. Никакой Амнис в «Имперском альманахе» нет.

— И не было, — согласился Рет — Ратус. — Лет, по крайней мере, десять. — Он посмотрел ступни куклы и добавил: — А кукла сделана четыре года назад.

Алики пригляделась и увидела выдавленные на розоватой пятке циферки. «Конечно, — подумала она запоздало, — ведь должны же они помечаться! Тогда легко будет узнать, кто ее сделал!»

Алики быстро начала рассказывать о своем сегодняшнем приключении. Рет — Ратус, слушавший поначалу рассеянно, отложил куклу, а когда Алики дошла до разговора с кукольным мастером, воскликнул недослушав:

— Проклятье! Вам надо было сразу рассказать мне все, а не заниматься самодеятельностью. У нас практически не осталось времени!

— Я боялась… Я думала, что вы в курсе дела, — сказала Алики. — Я подозревала вас. Я и сейчас еще вас подозреваю, — дерзко добавила она прямо ему в лицо.

Взгляд у Рет — Ратуса на мгновение стал таким, что Алики невольно сжалась в напряженный комок. Но в следующую секунду расслабилась и перевела дух: он отвернулся от нее, ловко

завернул куклу в саван и схватил со стола колокольчик.

— Объяснимся позже, сейчас некогда, — сказал он тоном приказа. — А сейчас идите и оденьтесь. В то платье, в котором были днем. Вы едете со мной.

Алики хотела было сдерзить, но наткнувшись на тот самый взгляд, не посмела ослушаться.

В карете Рет — Ратус усадил ее на сидение напротив себя — рядом с ним лежала кукла, — заботливо прикрыл ее ноги пледом, и едва тронулись, велел повторить свой рассказ поподробнее. Алики повторила, стараясь не упустить ни малейшей подробности. Рет — Ратус не перебивал.

В конце, вслух повторив и посмотрев на свое приключение как будто со стороны, Алики не удержалась от самокритики:

— Если бы я хотя бы знала, что спрашивать! — досадливо воскликнула она. — Намерения у меня были, конечно, хорошие, только, как последняя дурочка из провинции, так ничего и не смогла узнать!

— Почему? — совершенно естественно возразил Рет — Ратус. — Ваша поездка, как, впрочем, и другие поступки, хотя порой и вправду отдают провинциальщиной, но, с моей точки зрения, определенно характеризуют вас, как умную и предприимчивую девицу. На вашем месте я, пожалуй, действовал бы примерно так же. Правда, добился бы, несомненно, бульшего, — прибавил он с усмешкой. — Ну, да опыт дело наживное.

Грубоватая похвала Рет — Ратуса польстила Алики не меньше, чем комплимент. Она даже кокетливо попыталась возразить:

— Но ведь я же не сказала вам сразу о своей находке…

— И правильно сделали, — кивнул Рет — Ратус, — раз подозревали меня в чем–то. Это, конечно, усложняет дальнейшие действия, но все же вы поступили верно. Скоро вы убедитесь в моей лояльности и в том, что я не хотел сделать плохо ни вам, ни нашей милой Наоре. Очень скоро, — сказал он, глянув в окошко, — мы уже почти приехали.

Алики тоже подняла занавеску со своего окошка. Карета подъезжала к воротам большого парка, и навстречу ей от ворот спешил человек в темном плаще, видимо привратник. Кучер что–то крикнул ему, и человек, резко остановившись, махнул рукой назад. Ворота тут же стали открываться. Почти не останавливаясь, карета въехала в парк и по просторной аллее покатила к виднеющемуся в его глубине старинному дворцу. Окна дворца, несмотря на поздний час, были ярко освещены, а на пандусном крыльце и на площадке возле него стояло несколько

богато украшенных карет. Одна, самая шикарная, пожалуй, пошикарнее даже, чем дормез герцога Садала, стояла прямо возле дверей.

— Кажется, успели, — задумчиво сказал Рет — Ратус, и, едва карета остановилась, быстро выскользнул из распахнутой двери. Алики, хотя он ее и не приглашал, скинула с коленей полог и поспешила следом.

В то же момент двери распахнулись, и ливрейный слуга, разодетый так, что фальшивого золота на его галунах хватило бы на украшение средних размеров Весеннего дерева, согнувшись пополам в поклоне, пропустил на улицу пожилого и, судя по глубине поклона, весьма важного вельможу, одетого не в пример скромнее лакея. Алики сразу же узнала того господина, что приезжал с герцогом в тот день, когда привезли куклу.

Рет — Ратус тотчас же бросился ему наперерез.

— Прошу прощения, ваше высочество! — склонился он, как отметила Алики, несколько менее, чем слуга. — Не могли ли бы вы уделить мне несколько минут вашего времени?

Вельможа остановился и, с неудовольствием глянув на него, потом на Алики, сварливо произнес в затылок Рет — Ратусу:

— Ну что там у вас? Ваш план сорвался?

Рет — Ратус тут же выпрямился.

— Отнюдь нет, ваше высочество. Мой план развивается вполне удовлетворительно. Но открылись некоторые обстоятельства. — Он сделал паузу, повторил значительно: — Очень важные обстоятельства, — и многозначительно замолчал.

Вельможа пожевал губами, снова покосился на Алики, спросил:

— Кто эта дама?

Ответ был незамедлительным и слегка неожиданным для Алики:

— Эта дама состоит в моей коллегии и некоторое время в этом качестве исполняла обязанности компаньонки известной вам госпожи Н. — Он так подчеркнуто произнес это «госпожи Н», что Алики поняла, что Рет — Ратусу не хочется называть имени Наоры при посторонних — слугах и кучерах. — Именно благодаря ей и открылись вышеупомянутые обстоятельства.

Вельможа поморщился, и от этого его лицо стало похоже на мешок с брюквой; что именно так ему не понравилось, было непонятно.

— Это так важно? — буркнул он.

— Иначе бы я не осмелился вас побеспокоить, — ответил Рет — Ратус.

Вельможа снова пожевал губами и нехотя уступил:

— Что ж, вернемся в дом. В вашем распоряжении пятнадцать минут.

Он повернулся и прошел мимо так и не разогнувшего ливрейную спину лакея. Рет — Ратус, кивнув Алики, прошмыгнул за ним.

Дом был подстать галунам прислуги, но даже на беглый взгляд в нем чувствовалась солидность хозяина–вельможи. Чтобы сэкономить время, вельможа — как уже знала Алики, сам бывший канцлер, — повел их не наверх в апартаменты, а в приютившийся прямо под парадной лестницей маленький кабинет. Слуг он отослал одним мановением руки, кивком указал Алики садиться, грузно опустился в кресло сам и тяжелым взглядом уставился на Рет — Ратуса.

— Вскрывшиеся обстоятельства делают мой план нецелесообразным, — быстро начал говорить тот. — У меня возникли подозрения, что дама, ради которой мы все затеяли, ведет свою игру. Она не хочет участвовать в церемонии из каких–то других соображений. В доме, который, был предоставлен для проживания госпожи Н и который, как вы знаете, в свое время принадлежал родственнице нашей дамы, была обнаружена более чем странная находка. Вот эта девушка, — он повел рукой в сторону Алики, но вельможа даже не глянул на нее, и обворожительно скромная улыбка пропала даром, — нашла карамельную куклу, подвергшуюся некротическому магическому ритуалу.

— Подробнее, — потребовал вельможа.

Рет — Ратус сухо и четко, но на удивление подробно описал находку, не забыв упомянуть явное сходство куклы с так и не названной по имени дамой, отметив при этом, что кукла, однако, наречена именем некоей Амнис. Канцлер слушал внимательно, хотя самого Рет — Ратуса, похоже, не замечал. Когда тот замолчал, канцлер, пожевав толстыми губами воздух, уточнил:

— Вы уверены, что куклу не трогали со времени проведения ритуала?

— Уверен, что нет, — твердо сказал Рет — Ратус.

— Глупо, — произнес канцлер скорее своим мыслям, чем обращаясь к кому–то.

Рет — Ратус его, кажется, отлично понял.

— Глупо, — согласился он. — Но мы не знаем всех обстоятельств.

Канцлер не ответил. Отпущенные им на разговор пятнадцать минут давно истекли, но канцлер, похоже, об этом забыл. Из чего Алики заключила, что ее открытие имеет очень — очень! — важное значение, раз из–за него такой вельможа готов потратить

свое драгоценное время.

— Вы до конца понимаете, какое обвинение вы бросаете… этой даме? — таким голосом канцлер, наверное, в свое время подтверждал приговоры убийцам детей и изменникам государства. Алики даже стало зябко, но Рет — Ратусу этот тон был хорошо знаком. Поэтому ответил он, нисколько не смутившись:

— Понимаю.

— Что ж. Тогда действуйте. — Канцлер грузно поднялся с кресла. — В Алкосе и в Арафе действуйте по своему разумению.

— Там мне понадобятся *чрезвычайные* полномочия, — сказал Рет — Ратус. — Мое теперешнее положение не дает мне возможности…

— Да. Понимаю, — остановил его канцлер. Он полез куда–то под плащ, достал великолепной кожи небольшой бювар и, раскрыв его, долго выискивал там что–то, вынул несколько листков бумаги и, дальнозорко проглядев каждую, отделил один из них и двумя пальцами протянул Рет — Ратусу: — Этого, думаю, будет довольно.

Рет — Ратус мельком глянул на лист. Там знакомым ему твердым почерком было выведено: «То, что делает представитель сего, сделано по моему указанию и во благо Империи» и стоял не менее знакомый росчерк.

— Более чем, — сказал он, аккуратно укладывая листок в свой бумажник.

— Тогда вы свободны, — бросил канцлер. И буркнул: — У вас, Рет — Ратус, есть одно замечательное свойство: вы отлично умеете испортить настроение.

— Не я, ваше высочество, — отозвался Рет — Ратус, остановившись уже почти в самых дверях, — обстоятельства…

Уже в карете Алики несмело спросила:

— Бумага, которую дал его высочество, так уж много значит? Ведь он всего лишь *бывший* канцлер.

Рет — Ратус усмехнулся.

— Иногда подпись бывшего канцлера значит больше, чем подпись канцлера действующего. Но вы ошибаетесь. На этой бумаге подпись вовсе не его высочества князя Беруджи.

— Чья же?

— Его Императорского Величества, — спокойно ответил Рет — Ратус.

11

Алики чуть не задохнулась от изумления. Небеса! Бумага с

чрезвычайными полномочиями от Самого Императора!.. Да человек, имеющий при себе *такое* письмо, обладает *ТАКОЙ* властью, что иному герцогу и не снилась!

Карета тем временем катила куда–то по темному городу, едва расцвеченному редкими уличными фонарями и не менее редкими окнами. Свет их терялся в обширных пространствах садов и парков. Экипажи редко попадались навстречу, прохожих на улицах почти не было

— Вот не думала, что в Столице так темно и пусто по ночам, _ заметила Алики.

— Во–первых, не всегда, — ответил Рет — Ратус, — а во–вторых, сегодня просто особенная ночь, вы забыли?

— Последняя ночь зимы? _ пожала плечами Алики. — Так что? У нас наоборот, все не спят, к празднику готовятся, пьют–гуляют впрок…

— Это у вас. А у нас, в Столице, как вы догадываетесь, полно знати и вельмож. Так вот они почти все уже уехали в Арафу. Те, кто хочет, чтобы их считали такими же знатными, как удостоенные Высочайшего приглашения, разъехались по загородным имениям. А прочие просто загодя отсыпаются перед предстоящим карнавалом, припасают сил для праздников… — Рет — Ратус от души засмеялся. — Но самое забавное, что в общем–то все ведь все знают: кто приглашен, кто нет. Списки даже в газетах публикуются. Но, видимо, традиция, один из ритуалов праздника. Впрочем, мы сейчас не в центре города. Это кварталы традиционно тихие, здесь живут простые обыватели.

— А куда мы едем? — поинтересовалась Алики.

— Вы же слышали, что я сказал его высочеству, — ответил Рет — Ратус. — Вы из моей коллегии. Благодаря вам у нас появилось срочное дело. Вот мы и едем им заниматься.

— Я из *вашей* коллегии?

— Да.

— Вот не знала, _ пожала плечами Алики.

— Что вы из моей коллегии?

— Нет, что у вас есть коллегия.

— Теперь знаете.

— И давно?

— Что именно?

— Давно я работаю в вашей коллегии?

— Вообще–то с тех пор, как попали к нам в карету, там, возле почтовой станции. А формально вот уже больше часа.

— А у меня вы спросить не забыли?

— А вы против?

Они замолчали. Алики задумалась о том, действительно ли

она хочет работать в этой таинственной коллегии Рет — Ратуса, что это за коллегия и чем она занимается. Не только ведь поставкой девушек–двойников прекрасным герцогиням, симпатичным княжнам и прочим прелестным баронессам. Наверняка нет. Тут что–то более серьезное. Возможно, даже романтическое. Во всяком случае — таинственное и загадочное. Поистине сегодня особенная ночь!

Хорошенько, впрочем, дать волю своей фантазии, Алики не успела. Карета приостановилась возле обыкновенного, ничем не приметного здания, зажатого с обеих сторон стенами точно таких же обыкновенных и неприметных зданий и отличающегося от них только тем, что в нем не горело ни одного окна; потом свернула в едва освещенную одиноким фонарем арку; гулко прогрохотали копыта, словно карета проехала по недлинному тоннелю, и они остановились в совсем уж темном дворе.

— Идемте, — скомандовал Рет — Ратус и первым вышел из кареты. Он постучал в дверь, возле которой светилось одинокое окошко, кто–то выглянул в небольшую амбразуру, и с той стороны двери задвигались засовы.

Не успела Алики толком оглядеться — впрочем, смотреть в колодце–дворе было не на что: стены да кусок серого неба вверху, — как оказалась внутри, возле обыкновенной лестницы, каких полно в дешевых меблированных домах, но не в пример чистой и даже застланной ковром. Тут было к тому же довольно светло.

— Добрая ночь, сударь, — приветствовал Рет — Ратуса привратник, оказавшийся на удивление молодым мужчиной, крепким и подтянутым — разве что немного заспанным. Рет — Ратус кивнул в ответ и, не задерживаясь, стал подниматься по лестнице. Алики вынуждена была последовать за ним.

Они поднялись во второй этаж, свернули направо и прошли мимо нескольких одинаково казенных даже с виду дверей. Одну из них Рет — Ратус толкнул и по–хозяйски вошел. Алики остановилась в дверях.

Это была небольшая приемная, на кожаном диване кто–то спал, укутавшись в медвежью доху. Рет — Ратус шагнул к нему и тряхнул спящего за плечо:

— Просыпайся! Ты, надеюсь, одет? У нас дама.

Спящий тут же откинул свое покрывало, сел. Выглядел он так, что Алики подумала, будто он не спал, а притворялся спящим. Только небольшой беспорядок в одежде да всклокоченные волосы говорили об обратном. Впрочем, не прошло и минуты, как сапоги были обуты, жилет застегнут, черная куртка какого–то полувоенного вида ладно обтянула

широкие плечи, а густые светлые волосы были аккуратно приглажены.

— Здравия желаю, господин эрст–резидент! — приветствовал он Рет — Ратуса. — Добрый вечер, сударыня, прошу простить… — Во взгляде голубых глаз блеснуло любопытство.

— Не до политесов, Саир, очень срочное дело! — резко оборвал его Рет — Ратус. — Идем в кабинет. — Он уже распахнул вторую дверь, противоположную первой. Обернулся к Алики. — Погрейтесь пока здесь, сударыня, — и скрылся.

Молодой адъютант — а кто же это еще мог быть? — тут же бросился следом.

— Кто у нас сегодня под рукой? — донеслось до Алики. Голос Рет — Ратуса был сух и деловит.

— Да сегодня посвободнее… — еще услышала Алики, прежде чем дверь закрылась. Можно было бы, конечно, и подслушать дальнейшее, но Алики поборола в себе любопытство и просто огляделась вокруг.

Да, это была явно приемная, скромная, скупо и деловито обставленная. Кожаный диван, канцелярский стол под плотно занавешенным окном с соответствующими принадлежностями на нем, в углу — громоздкий железный ящик с большущим колесом на двери вместо ручки и какими–то кнопками — сейф, несколько мягких кожаных же стульев вдоль стены — для ожидающих, надо полагать, красивые напольные часы, показывающие четверть второго ночи (ничего себе «добрый вечер, сударыня»!), разлапистая вешалка возле двери, на которой сейчас — когда успел? — висела одиноко та самая доха. И довольно тепло от притулившейся в уголке печи — видимо, черномундирный белобрысый адъютант недавно подкладывал угля.

Алики расстегнулась, подошла к печке, приоткрыла дверцу и, подкинув еще совок угля из стоящей возле корзины, протянула к огню зябкие еще руки. Стало светлее, хотя и без того в канделябрах горело по три толстых свечи. Хм, а с улицы казалось, что в окнах темно… И со двора тоже…

Алики чуть отодвинула штору. За ней был глухой ставень. Так, так…

Алики опустилась на ближайший стул и в очередной раз собралась подумать. Но тепло, по видимости, сыграло с ней злую шутку — она задремала. Во всяком случае, когда она открыла глаза, Рет — Ратус выходил из кабинета в сопровождении двух каких–то незнакомых ей людей; вид у всех троих был на удивление деловитый.

— Ага, — сказал Рет — Ратус, словно сейчас вспомнив об Алики. Он обернулся к стоящему за его спиной адъютанту: —

Саир, занеси эту юную особу в наши ведомости. Пусть пройдет задним числом… скажем, две недели назад.

— Слушаю, господин эрст–резидент! — отозвался белобрысый, но Рет — Ратуса уже снова скрылся за дверью, а его спутников в приемной уже не было.

Часы деликатно пробили два раза, и, не менее деликатно кашлянув, адъютант поинтересовался:

— Не потрудитесь назвать ваше имя, сударыня?

Алики назвалась, ответила, что относится к мещанскому сословию, назвала место и время рождения. Все эти сведения были записаны красивым адъютантским каллиграфическим почерком в большой толстой книге. После чего из железного ящика с колесом с кнопками при помощи замысловатого ключа и нескольких мудреных манипуляций — пол–оборота туда, поворот ключа, нажатие на кнопки (какие — невидно, загораживает спина), оборот обратно и снова немного назад, второй поворот ключа — из–за неожиданно толстой дверцы была извлечена еще одна книга, скорее тетрадь, в которой Алики расписалась. А когда она подняла глаза, перед ней стояли два небольших, но даже по виду увесистых кошеля.

На ее немой вопрос совершавший обратные манипуляции с ящиком адъютант с улыбкой ответил:

— Ваше жалование за две недели, сударыня. Как распорядился господин эрст–резидент. — И добавил вполне официально: — Когда закончится акция, зайдете уладить все оставшиеся формальности.

Тем временем мимо них то и дело проходили люди — в кабинет к Рет — Ратусу и обратно. И откуда их только столько взялось ночью в казавшемся пустом доме?! Причем почти все были не то чтобы в военном, а как бы в полувоенном, и даже самые из них партикулярные отличались выправкой и особой четкостью движений. Ну конечно, «господин эрст–резидент»! Алики хоть и не сильно разбиралась в табели о рангах, но догадалась, что это как минимум чин тайной полиции. И чин не малый, сродни генеральскому…

Алики смотрела на это мелькание из своего тихого уголка возле теплой печки. Мысли все никак не выстраивались во что–то более–менее сообразное. Произошедшее с ней в этот день и в эту «особенную» ночь было слишком необычно и неожиданно. Слишком уж много впечатлений, переживаний. Слишком…

Нет, решила Алики, так не пойдет. Пусть пока будет, как будет, а обдумывать все это хорошенько она будем потом. Как это выразился симпатичный адъютант: «Закончится акция, зайдете уладить оставшиеся формальности». Вот именно. Закончится эта

акция, тогда и разберемся, на какие это грабли она умудрилась наступить по глупости. А пока…

Снова кто–то торопливо вышел из кабинета, что–то негромко сказал адъютанту, и тот полез в железный шкаф, извлек из него что–то тяжелое в кожаном футляре. Пока он возился, вышедший нетерпеливо постукивал пальцами по столу и слегка косился на Алики, но едва адъютант передал ему это нечто в футляре, потерял к девушке всякий интерес и выскочил за дверь; Алики услышала, как он топочет, сбегая по лестнице.

И в тот же миг из кабинета вышел Рет — Ратус.

Он был полностью одет, и Алики поднялась со своего стула.

— Пойдемте, Алики, — сказал он.

Алики послушно спустилась за ним, вышла на улицу и села в карету. По дороге им опять никто не встретился, хотя присутствие в доме людей теперь ощущалось: свет выбивался из–под некоторых дверей, слышались шаги, голоса… Однако окна на фасаде по–прежнему были темны.

Едва карета выехала из двора–колодца, Рет — Ратус укрыл ее ноги полостью и предложил:

— Попробуйте поспать, Алики. Боюсь, в ближайшие сутки у нас вряд ли еще найдется для этого время.

Алики задремала бы и без его совета. Глаза у нее смыкались, и она просто согласно кивнула головой.

Сквозь сон она слышала, как карета остановилась, качнулась, когда Рет — Ратус вышел из нее, и, как ей показалось, сразу же качнулась еще дважды, когда Рет — Ратус и какой–то человек, до странного знакомый, сели в карету обратно (между тем эти два события разделяли добрых полчаса). Алики открыла глаза — или ей показалось, что она открыла глаза, — и увидела напротив себя кукольного мастера, который смотрел на нее с немым изумлением…

…И тут же зазвучала карамельная окарина…

…А Рет — Ратус и мастер о чем–то негромко заговорили…

…И Рет — Ратус пересел на передние сидение и развернул на кукле лиловый саван…

…И кукла улыбнулась ему губами Наоры…

…А мастер, не веря своим глазам, рассматривал пробитое в кукле отверстие…

— …Прекрасная Герцогиня… — услышала Алики и улыбнулась.

…В огромном блистающем зале улыбающаяся Наора танцевала с серьезным и сосредоточенным Рет — Ратусом, а смеющаяся Алики с веселым и загадочным кукольным мастером…

…И герцог играл им на окарине…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ХРАНИЛИЩА

ГДЕ КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА:
ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

продолжение 2

Рабочие группы состояли каждая из семи человек: проводник, он же командир группы, еще двое, те, что должны идти первыми — все трое, естественно, агенты ОТК, спецы, на этом особо настаивал майор Гиеди, и отстоял таки свое мнение. Егеря Охоты тоже спецы и профи, кто спорит? Но профи несколько другого профиля — а вот по работе в замкнутом пространстве лучше подготовки ОТК никто еще ничего не придумал, зря, что ли, сам майор лично ежемесячно гонял их всех оптом и каждого в отдельности по всяким развалинам и загородным виллам. Так что при данном раскладе — четверо егерей поддержки в самый что ни на есть раз.

Поручик Гайал был проводником и командиром «левой» группы. Весь план Музеума он знал сейчас досконально. Немного побаливала голова после обработки тетушки Мирримы, но это всегда так, потому и практикуется эта внешне простая, а по сути весьма неприятная процедура только в исключительных случаях. Как в этом. Потом, когда акция закончится, полегчает: тетушка сама снимет все остаточные явления вместе со знанием всех музейных закоулков — ну а на кой они будут тогда нужны?..

Они сразу углубились в свой коридор.

Глухая стена, как и должну быть, справа, в противоположной стене — двери, двери, двери… Двустворчатые, высоченные — элефант пройдет не заденет. Древний каменный пол покрыт столетней давности паркетом, стены в рост обиты панелями узорчатого дерева. Богато для книгохранилища, но нормально для самой главной технической библиотеки Империи…

И тишина. Ни шороха, ни звука.

Гайал подал сигнал: «Начали!», и группа вдвинулась в коридор и рассредоточилась перед первой дверью.

Арбалеты болтами вверх, многослойная, из специального шелкового текстолита дуга натянута, левая рука на цевье, правая придерживает ложе, палец на спуске. Двое справа от двери, двое слева, двое держат коридор, сам Гайал прижался к стене напротив.

Ну, поехали!

От несильного толчка рифленой подошвы его ботинка дверь с двумя первыми буквами алфавита распахнулась, и Гайал первым ворвался внутрь, прижался к стене и осмотрелся: право, лево — арбалет поводит готовым сорваться с тетивы болтом вместе с торсом поручика. Стеллажи, стеллажи, стеллажи… Стеллажи под самые потолки, а потолки тут еще те, ярдов шесть, не меньше. Скользящая на направляющих вдоль стеллажей лестница (и как они по ней лазают без спецподготовки, женщины, небось, в основном)… Книги, книги, книги… Запах старой кожи, бумаги и пыли.

И — тишина. Ни души.

По его знаку в хранилище быстро и бесшумно втягиваются остальные. Растекаются, стелясь вдоль стен и стеллажей. Исчезают из поля зрения. Гайал держит дверь. Через полминуты появляется первая пара, показывают: «Пусто, чисто». Вторая пара — «Пусто, чисто»… Третья — чисто.

Гайял, опустив арбалет, показывает: идем дальше.

Вторая дверь. Все повторяется: удар подошвы, болт вправо, болт влево, сигнал, просачивание, короткое ожидание, первая пара, вторая, третья… Пусто.

Следующая дверь…

Следующая…

После четвертой двери ребята начали остывать, расслабляться работать с холодцой. Не его ребята, егеря. Его и не к такому привыкли. Когда требуется засидку в пустом доме разыскивать, а «засидщик» (сам майор Гиеди чаще всего или кто–то из другого экипажа) еще и перемещается, да не то что просто, а одного за одним выводя ребят из строя… интересно, а как егеря тренируются?… Но впереди было еще три двери: два хранилища, комната персонала да еще шахта книгоподъемника, где коридоры смыкаются, и они должны сомкнуться с «правой» группой поручика Легира. И вообще, в имперском алфавите, сударь, насчитывается тридцать четыре буквы, а есть еще спецразделы (второй этаж, правое крыло) и особое хранилище (левое крыло). А значит, господа Охота, терять бдительность еще рановато.

Ничего, сейчас он их поднапряжет.

В качестве жертвы Гайал выбрал самого молодого из егерей. Не то, чтобы тот расслабился больше других и стоял перед дверью чуть ли не нога за ногу, нет — парень вел себя вполне прилично, но… Но не наказывать же на глазах у младших кого–то из более старших офицеров — в отличие от агентов ОТК остальные егеря были в званиях не ниже капитана. Так что извини, парень…

Тиньк!

Болт вошел в деревянную панель позади егеря, аккуратно чиркнув его по затылку.

Реакция была мгновенной: пять арбалетных болтов уже смотрели Гайалу в лицо, а молодой егерь рассеянно хлопал глазами и держался за содранный затылок.

— Спокойно, господа офицеры, — негромко произнес Гайал, передергивая затвор арбалета; болт выпрыгнул из кассеты и лег в выемку. — Вот что бывает иногда, если позволить себе расслабиться. Отставить! — строго пресек он смешки, и он пресеклись. — Выньте болт, лейтенант, и заклейте рану. Пластырь в левом нижнем кармане жилета. Капрал Ибри, помогите господину егерю. Остальным — готовность. Работаем!

За этой дверью тоже было пусто и чисто…

Разнообразием порадовала только последняя дверь.

Тут было что–то маленькой гостиной, где персонал отдыхал: стол, диванчики, кресла, в шкафчиках верхняя одежда, в небольшом закутке — что–то вроде кухоньки. Тут тоже было «пусто, чисто», но даже на первый взгляд заметен был легкий беспорядок: подушка–думка валяется на полу, старенький плед, которым, похоже, прикрывался кто–то прилегший подремать, небрежно отброшен, угол ковра отвернут и не поправлен, опрокинутая чашечка в густой черной луже… — типичная картина поспешного, торопливого ухода; причем недавнего: кофе в турке еще хранил тепло и вскипел не больше получаса назад. Первая хоть какая–то конкретная информация. Картина относительно ясная, Гайалу приходилось уже такое видеть дважды: во время захвата разбойниками шайки Самтарского Паука замка барона Умиаса — тогда братва Паука согнала всех обитателей в башню и, заминировав ее, требовала от барона, пребывавшего тогда как раз в Столице, огромный выкуп (их выкуривали трое суток, аккуратно выбивая поштучно), и когда сумасшедший учитель гимнасии взял в заложники весь свой класс, требуя встречи лично с Императором, дабы рассказать ему о своей революционной системе воспитания подрастающего поколения (там управились за полчаса)… Верхняя одежда была на месте, из здания без нее никто не выходил — иначе бы они, лежа в парке, их заметили бы. Значит, прячутся они где–то здесь. Или их прячут, сделал поправку Гайал.

Гайал обернулся к остальным и вслух коротко изложил свои выводы, хотя, видят Небеса, в этом не было особой необходимости — не со слепыми разговаривал.

— Всем все ясно? — закончил он. Закивали. — Тогда прошу всех быть предельно внимательным. Скорее всего, всех увели. Но

это не факт. К тому же могли обнаружить не всех, кто–то мог сбежать, спрятаться. Поэтому: проверять каждый закоулок, обращать внимание на любую мелочь, вдруг кто–то оставил нам весточку. И не расслабляться! — Гайал строго посмотрел на подраненного лейтенанта, хотя предупреждение относилось ко всем, дождался, пока тот обиженно кивнул, и скомандовал: — Продолжаем, господа.

Гайал развернулся было, чтобы выйти, но краем глаза уловил явно постороннее движение где–то справа, как раз там где стоял насупившись незадачливый егерь–лейтенант. Занавеска, отгораживающая кухонный закуток, колыхнулась, словно от легкого дуновения, и быстрая темная тень метнулось из–за нее…

ТЕ МЕСТА:
СТОЛИЦА — ЗАМОК АРАФА

12

Для голубей весна уже наступила. Они страстно ворковали, громко цокая когтями, возились где–то под крышей прямо над самым окном, и Хастер проснулся под их громкоголосый аккомпанемент.

«Узнаю Столицу, — Хастер потянулся. — Нигде нет таких наглых разжиревших голубей, которые будят людей чуть свет и так и норовят при случае нагадить на голову. Может, зря он вчера вечером не пошел сразу в школяриум? Впрочем, тогда вряд ли бы он сегодня так легко проснулся. И голова бы болела после дружеской вечеринке по поводу возвращения студиозуса Тенедоса Хастера в родную обитель. Нет уж, лучше гостиница и голуби».

Засыпать снова не имело смысла. Что ж, придется вставать.

Хастер, деланно покряхтывая, сел на кровати и нехотя спустил ноги на пол. Прямо в мягкие домашние тапки. Он подошел в окну и некоторое время созерцал просыпающийся Набережный бульвар. Туда уже начали сходиться и съезжаться возы, повозки и тележки с самым разнообразным товаром; стук подков и колес, однако, не мог заглушить голубиные любовные стенания под крышей. Пока прочие торговцы только занимали свои привычные места, раскладывали и сортировали свой товар, на цветочном углу уже начали торговать: торговки–цветочницы торопливо расхватывали у оптовых торговцев аккуратно запакованные в плотную бумагу корзины; никто особенно не заглядывал в них, доверяли честному слову поставщика. Да и спешить было надо — сегодня у цветочниц был особенно жаркий день, как–никак преддверие праздника. А праздник, он кому развлечение, кому работа, а кому и забота. Большинство граждан

великой Империи относились к первой категории, торговки принадлежали к немногочисленной второй, а он, Хастер Тенедос, — к третьей, совсем уж ничтожной.

Хастер вздохнул и пошел совершать утреннее омовение.

Лучше не стало: долгая тряска в дилижансе и позднее засыпание сказалось даже на его молодом и крепком организме. Ничего, взбодримся!..

Хастер не торопясь — некуда в такую рань еще спешить — сунул ноги в штаны, натянул толстый свитер, суконную студенческую куртку, обулся, туго зашнуровав башмаки, проверил наличность в кошельке, снял с вешалки форменную фуражку и тщательно, не по–уставному, пристроил ее перед зеркалом на голову. Теперь все в порядке.

Гостиница еще и не просыпалась. Заспанный портье встрепенулся было, завидев раннего постояльца, но Хастер махнул ему рукой и вышел на улицу.

Сразу стало зябко, и он поплотнее запахнулся, сунул руки в карманы и неторопливо зашагал по оживающему на глазах бульвару, имея первой своей целью обнаружить какое–нибудь уже открытое кафе и слегка перекусить.

Таковое вскорости обнаружилось: совсем еще пустое, безлюдное — позевывающий официант только еще составлял со столиков стулья и на вошедшего студента посмотрел со скучным неудовольствием.

Хастер выбрал место возле окна.

— Кофе, много сливок и два рогалика, — бросил он в пространство.

— Придется немного подождать, сударь, — не очень приветливо ответили оттуда. _ Еще не подвезли.

Хастер кивнул и взял с подоконника ворох вчерашних газет. Так, что у нас нового в Столице?

Ничего особенно нового в Столице не было. Хроника: как всегда светские сплетни — кто женился, кто развелся, у кого кто был на балу, кто во что был одет, что пили–ели, как веселились… То и дело мелькали граф такой–то, барон эдакий, князь разэдакий, герцог растакой… Встречая знакомые фамилии, Хастер приостанавливал взгляд, но тут же скользил им дальше. Политические новости тоже не давали пищи для ума: Империя процветала, враги трепетали, в Товьяре объявился очередной претендент на вакантный трон, на границе с Чифандой очередной конфликт — скука, серость… Несколько новых указов Императора в несколько абзацев со всеми «Всемилостивейше повелевать соизволил» до «волею народа и благословением Неба — Его Императорское Величество Джебел X», и толкования к ним

какого–то придворного крючкотвора на половину газетной страницы…

От благородного и скучного занятия Хастера отвлекло появление за окном тележки, в которую был впряжен большущий мохнатый вислоухий пес с необычайно добродушной тупой мордой; язык его свисал чуть не до самой мостовой. Румяный подросток, бежавший рядом с тележкой, тут же схватил с нее объемистый короб и, пыхтя, поволок к дверям кафе; официант поспешил ему навстречу и помог занести короб за стойку. Помещение моментально наполнились неописуемым запахом горячих булочек. Хастер сглотнул. Аппетит не смог нарушить даже пес, непринужденно задравший ногу прямо под его окном. На укоризненное покачивание головой пес только раскрыл пасть и лукаво склонил голову — будто улыбнулся: мол, я-то тут не при чем? Природа, брат!..

Через некоторое время к запаху булочек примешался запах кофе, и вскорости Хастер получил свой завтрак. Он пребывал в добром расположении духа, так что сукин сын официант, то и дело поглядывающий в его сторону, словно подозревая бедного студента в намерении стянуть серебряную сахарницу или, по крайней мере, смыться не заплатив, вызывал на лице Хастера ехидную улыбку. Впрочем, чаяния его были Хастеру вполне понятны: от студентов–политехников, среди которых было много бедных мещанских и даже крестьянских сыновей, вполне можно было ожидать чего–то подобного. У Хастера даже возникла было мысль учинить нечто в таком роде, чтобы поддержать честь корпорации и не разочаровать ожиданий, но вместо этого он, наоборот, вдвое увеличил размер полагающихся чаевых и весьма позабавился вытянувшейся физиономией официанта, не рассчитывавшего и на четверть суммы.

До Школы было недалеко, а времени оставалось достаточно, поэтому когда Хастеру на глаза попалась вывеска цирюльни, он, ощупав подбородок, решил было зайти, но рассудив, что недельная щетина вряд ли еще вышла из моды, раздумал.

И уже через минуту вбегал по стертым многими тысячами пар студенческих ботинок ступеням старинного здания родимой и благословенной Его Императорского Величества попечения Высшей Политехнической Школы.

Занятия должны были вот–вот начаться, и в просторном вестибюле было почти что пусто, а нерадивых задержавшихся седобородый, древний — как поговаривали шутники, чуть ли не ровесник самого здания — дядюшка Вход — Выход разгонял по местам звоном колокольчика, хрипловато приговаривая:

— По аудиториям, господа студенты, по аудиториям! Лекции

начинаются!

На ближней колокольне ударили часы, в коридорах и на лестницах стало совсем пусто и тихо, стихли уже и приглушенные шаги профессоров, спешащих занять места на своих кафедрах, и Хастер остался в вестибюле один, со стариком Входом — Выходом, усевшимся, как всегда что–то там делать в своем закутке.

Пока все успокаивалось, Хастер почитал новости на доске объявлений, а потом подошел к привратнику поинтересоваться, не было ли для него писем.

Старик отложил свое обыкновенное занятие — между делом он переплетал фолианты для библиотеки Политехнического музеума, и переплетал весьма недурно, чем и подрабатывал на жизнь в довесок к и без того, впрочем, неплохому жалованию, — посмотрел на Хастера с неодобрением, но ничего нравоучительного не сказал, а повернулся к большому стенду с ячейками.

— Тенедос, Тенедос… Это, значит, на букву «тыть» будет, — приговаривал он, ведя корявым пальцем по рядам ячеек. Потом взял несколько конвертов и долго перебирал их, бормоча себе под нос.

Писем для Хастера оказалось два: одно из самой Столицы, почти месячной давности, а потому утратившее всякую актуальность — писала одна из его знакомых, роман с которой был сколь скоропалительным, столь и легковесным; второе было из Таласа, но его Хастер, пробежав два абзаца, отложил на потом.

Сунув письма в карман и отблагодарив старика мелкой монеткой, Хастер поднялся на второй этаж и пошел прямиком к кабинету проректора. Тут, на самом пороге проректорской обители, он и встретил, наконец, хоть кого–то знакомого из студиозусов. Прямо из распахнувшейся двери на него вылетел Ортис Лагар, математик–прикладник с параллельного потока.

— О, Тенедос! — воскликнул он, и чувствовалось, что рад он не сколько встрече с Хастером, сколько хорошее настроение у него само по себе: может, договорился о пересдаче зачет–задолженности, а может, просто получил освобождение от занятий под предлогом тяжелой болезни горячо любимой тетушки. — Уже вернулся! Ну, как там, в Таласе?!

— Мокро, — коротко ответил Хастер, поморщившись. — Проректор у себя?

— Куда он денется, аспид! — жизнерадостно восклицал Ортис, потрясая листом зеленой бумаги с гербом Школы. Так и есть: любой студиозус легко опознал бы в этой бумажке разрешение на пересдачу экзамена, документ вожделенный

многими, но не многим даруемый высочайшей милостью проректора Школы отца Бахари. — А мы завтра собираемся весну встречать! «День не в счет — да новый год!» — пропел Ортис слова известной песенки и продолжал гомонить: — Ты как, с нами?! Такая компания собирается!.. Только извини, брат, девочку тебе самому организовывать придется, у нас все по счету…

У Хастера от восторженных возгласов приятеля даже голова разболелась. Вообще–то Ортис был парень неплохой, только очень уж шумный, и долго быть с ним в одной компании не рекомендовалось. Поэтому Хастер отказался от предложения даже с некоторым удовольствием:

— Не могу. Я уже приглашен.

— Ах да! Я ведь и забыл! Ты же у нас «титулякнутый»! — не убавил тона Ортис. — Привет там Императору!.. Ладно, еще увидимся! Спешу! — Он еще раз махнул бумагой — и был таков.

— Пока, — хоть и запоздало, но облегченно ответил Хастер в пустоту коридора.

Он задержался перед проректорской, чтобы привести себя в порядок, и, постучав, шагнул в приемную.

Секретарь оказался из новеньких — скорее всего один из тех провинциальных вундеркиндов, что, начитавшись и проштудировав бессмертный труд «Досуги на Старой мельнице», забрасывали его создателя, коим был никто иной как сам отец Бахари, парадоксальными вариантами решения особо каверзных задачек, чем мнили себя льстящими тщеславному старику. Но именно, что мнили… Впрочем, сам Хастер в этом плане тоже был не без греха, но давно понял, что не токмо этим единым возможно заслуживать уважение проректора. Юнец–секретарь, впрочем, кажется, еще пребывал по этому поводу в святом неведении.

— Господин проректор у себя? — осведомился Хастер.

Мальчишка посмотрел сквозь него прозрачными глазами и проронил величественно:

— Господин проректор занят. Извольте обождать.

Он кивнул на ряд нарочито жестких и неудобных стульев вдоль стены, но Хастер приглашение проигнорировал, а со всем удобством устроился в единственном мягком кресле, которое стояло в углу и именовалось «родительским». Рядом с «родительским креслом» стоял круглый столик, на котором как всегда валялись несколько номеров «Политехнического вестника». Хастер выбрал самый свежий.

Вундеркинд–секретарь недовольно глянул на него, но возражать не стал. Умный мальчик, далеко пойдет — сразу

догадался, что, возможно, посетитель в своем праве так поступать, а значит, на всякий случай надобно быть с ним поделикатнее. Выждав паузу, как ему показалось, вполне достаточную для сохранения авторитета, но не утомительную для посетителя, он взял со стола тонкую папочку и проскользнул в кабинет — вышколено, бесшумно. Появившись назад через минуту, он кивнул глянувшему на него Хастеру:

— Пройдите.

Преподобный отец Бахари, проректор Его Императорского… и так далее Политехнической Школы, создатель и бессменный редактор «Политехнического вестника», автор неимоверного количества работ в области математической логики, математической статистики, а так же интегрального, дифференциального и тензорного исчисления, магистр и гроссмейстер всего–чего–угодно, а равно и анонимный (якобы) автор «Досугов на Старой мельнице», сидел за огромным письменным столом, живописно заваленным книгами, бумагами и всяческими принадлежностями, не всегда имеющими прямое отношение к писчим, и увлеченно читал толстый том в кожаном переплете.

— Имя–фамилия–курс-факультет? — потребовал он и, не отрываясь от занятия, потянул к себе журнал учета академической неуспеваемости. Вид у него при этом был соответствующий: украшенные благородными сединами густые брови насуплены, глаза не видны, но все равно, ясное дело, суровы, уголки полных губы укоризненно опущены вниз и даже, кажется, сама короткая пегая бородка в пол–лица полна скорбного осуждения.

— Тенедос Хастер, ваше преподобие, четвертый курс, прикладная математика, _ ответил Хастер с улыбкой.

Его было не провести. Гроза неучей хоть среди студентов, хоть среди преподавателей и чиновников от преподавания, преподобный Бахари был не только любимцем большинства студиозусов, но и душой любого собрания или вечеринки, способный даже самое заштатное и официальное мероприятие превратить в нечто более–менее приемлемое. А списки с его лекций годами ходили среди поколений студиозусов, постигавших по ним не одни только математические премудрости, но также учившиеся риторике и остроумию. Любовь и уважение студентов к своему проректору были столь же велики, сколь велико было неблагожелательство к нему среди начальства. Но авторитет отца Бахари был непререкаем, иначе не бывать ему не то что проректором, а и просто деканом. Впрочем, злые языки поговаривали, что преподобному Бахари благоволят не только его

нынешние студенты, но и бывшие, а некоторые из них занимали весьма высокие посты и были необычайно знатны. Впрочем, в обучении отец Бахари ни чинов, ни родства не признавал.

— Тенедос, — рука проректора по инерции раскрыла журнал и даже пролистнула несколько страниц, но что–то знакомое в сочетании произнесенных им самим звуков промелькнуло уже под всклокоченным ежиком седых волос, и проректор поднял в миг заискрившиеся глаза: — *Тенедос*! — вскричал он едва ли не громче Ортиса и не менее радостно. — Ах, Пресвятые Небеса! Хастер!

Отец Бахари уже шел к Хастеру с распростертыми объятиями, и вскоре руки его довольно ощутимо похлопывали Хастера по спине и плечам. А сам он приговаривал:

— Я-то, старый, подумал, это снова какой–то двоечник за пересдачей плакаться пришел. А это ты!.. Ну–ка, ну–ка, дай на тебя глянуть. — Он осмотрел Хастера с ног до головы с расстояния вытянутых рук. Прокомментировал увиденное: — Загорел, вижу, на Отмелях, на южном–то солнышке.

— Это северный загар, ваше преподобие, — разочаровал Хастер. — На таласском солнышке зимой не назагораешься — сезон дождей. Я месяц охотился в горах на Севере, там и приобрел.

— Что ж ты в Таласе–то не усидел?

Хастер махнул рукой.

— Я согласен терпеть то безобразие, что называется зимой здесь, в Столице. Но таласская зима для меня невыносима. Дождь, морось, снега так и вовсе не увидишь.

Отец Бахари подвел его под локоток к креслу у камина, усадил, сел сам.

— Кофе хочешь?

— Благодарю, ваше преподобие, только что отзавтракал, — отказался Хастер. — Я, собственно, зашел к вам сообщить, что прибыл, да получить разрешение на посещение библиотеки.

— Какие пустяки! — бросил проректор. Он бодро встал, отошел к столу и, черкнув что–то на форменном бланке, протянул Хастеру. — Держи, — сказал он, плюхаясь в кресло.

— Спасибо.

— Пустяки, — повторил Бахари. — Ты уже продумал тему для диплома?

— Не вполне, — искренне признался Хастер. — В Таласе было много любопытного. Даже, пожалуй, слишком. Хотелось бы заняться ракетным делом, баллистикой — там очень много интересного и для математика и для прикладника. Присматривался я и к воздухоплаванию… Словом, материала

набрал достаточно, есть кое–какие идеи. Надо думать.

— Думай, друг мой, думай, — кивнул проректор. _ Как любит говаривать Арканастр: думать — не развлечение, а обязанность.

Хастер поднял глаза:

— Арканастр?

— Ну да, — небрежно бросил отец Батари. — Мы с ним не так давно позволили себе… кгхм… немного подискутировать.

— С *Арканастром? Подискутировать*? — переспросил Хаспер.

— Ну да. Так, — проректор неопределенно пошевелил пальцами в воздухе, — о том, знаешь ли, о сем. А что такого?

В хитрых карих глазах преподобного отца засветились озорные огоньки. Всегда с ним так: не поймешь, то ли он говорит всерьез, то ли шутит. Любил проректор в разговоре щегольнуть между прочим именами и титулами. Скорее не для хвастовства, а так, между делом. И вряд ли он врал. Но вот так запросто — «подискутировать о том, о сем» — и помянуть всуе легендарное имя…

Хастер только ухмыльнулся неопределенно, покачал головой и не стал напрягать голову лишними измышлениями на сей счет.

Он чувствовал себя с проректором совершенно свободно, хотя тот был почти в два раза старше его и в сотни раз умнее. Отец Бахари сам поощрял такие отношения. Не со всеми, конечно, но с наиболее способными, а Хастер числился среди самых близких и любимых. С тем же Лагаром, кстати, отец Бахари тоже не чинился и числил среди самых близких, хотя имел частые контры во взглядах.

Беседа протекала в непринужденном стиле. Поговорили о предстоящем Хастеру дипломе, о делах Школы вообще, и об общих знакомых в частности.

Под конец, когда Хастер уже собрался уходить — предпраздничные заботы, прочее там; да и у проректора было полно дел, — уже провожая Хастера к дверям, отец Бахари, как бы между прочим вспомнил:

— Метелин, кстати, на днях спрашивала о тебе. Интересовалась, не писал ли, не нашел ли, мол, там себе красотку, не собрался ли жениться… А то уж слишком долго засиделся на практике–то.

Хастер внешне не проявил своих чувств из уважения к старику, внутренне же поморщился, как от кислого. Именно от Метелин, младшей сестры проректора, было то письмо со столичным адресом, что лежало сейчас у него в кармане. Вообще–то Метелин была девушкой в общем неплохой, вполне симпатичной и даже неглупой, но дело в том, что в свои двадцать восемь лет она еще ни разу не побывала замужем. Поэтому ее

мысли в отношении любимых учеников ее брата принимали иногда весьма определенное направление, а лично Хастеру было как–то недосуг решать чужие матримониальные проблемы.

— Ну что вы! — рассмеялся он. — Таласарки не в моем вкусе.

— Что, не такие красивые? Или не подступиться? — вскинул брови проректор.

— Ни первое, ни второе, — ответил Хастер. — Они, наоборот, слишком энергичны и самостоятельны. И слишком умны для меня. Чуть что — сами предлагают отдать им руку и сердце, а то и отбирают то и другое без спроса… Ну нет! Крутить любовь с таласаркой — сколько угодно, но жениться — никогда! Нет у меня желания всю жизнь сидеть под каблуком.

Они посмеялись, потом Хастер добавил нейтрально:

— Передайте Метелин мой большой привет.

— А сам не хочешь заехать в День не в счет поздравить ее с наступающим Новым годом? — сощурил глаз отец Бахари. — У нас будет небольшой семейный праздничек. Посидим, поговорим, — он обещающе подмигнул Хастеру.

Тут уж Хастер мог вздохнуть облегченно. Он даже сделал вроде как извиняющийся жест, развел руками со скорбным лицом:

— И рад бы, но никак не могу. Вы же знаете, я завтра должен быть в Арафе.

— Да, да, — покивал отец Бахари. — Само собой…

— Но после праздников я обязательно загляну к вам, — заверил Хастер.

— Конечно, мы всегда рады тебя видеть…

Вундеркинд–секретарь был, наверное, несказанно удивлен, увидев, как проректор выходит из своего кабинета буквально под ручку с посетителем, которого он собирался помережить, прежде чем допускать пред светлы очи, как пожимает ему руку и произносит радушно: «Значит, договорились, Хастер, после праздников ты ко мне?». Посетитель кивнул, они еще раз пожали руки, и секретарь, когда тот вышел, на всякий случай черкнул себе на листочке: «Хастер» и после этого имени поставил три восклицательных знака. Потом подумал и прибавил три вопросительных.

Выйдя из Школы, Хастер направил свои стопы прямиком в библиотеку Политехнического музеума и при посредстве разрешения проректора заказал на следующую неделю книги по весьма длинному списку. Затем путь его лежал к портному, где его долго вертели перед зеркалом, наводя последний лоск на давно заказанный именно для этого случая новый костюм. Потом заехал в магазин прикупить всяких необходимых для поездки

мелочей.

В гостинице, пока двое балбесов–слуг упаковывали его багаж, он перекусил, подошел к портье расплатиться и, приказав отправить багаж на станцию к вечернему дилижансу на Арафу, вышел прогуляться на Набережный бульвар, чтобы купить в дорогу пару готических романов пожутче. Возвращаться назад в гостиницу он не собирался, не имело смысла. Поэтому прямо с покупками (а ему довелось прикупить редчайшее издание классического «Князя Гора» с блестящим послесловием, которое само по себе было достаточно ценным — и недорого!) он взял извозчика и велел ехать на Новую Тополиную в «цветочные аллеи», на свою любимую Гиацинтовую. Но мысли его были далеки от грешного утоления жажды плоти. Отнюдь. Просто кроме всего прочего там были хорошие бани, а это как раз то, что сейчас требовалось Хастеру после дальнего путешествия и перед праздничными испытаниями.

Правда, по дороге он чуть было не передумал. Навстречу ему, как раз недалеко от развилки Старой и Новой Тополиных дорог, промчался недорогой наемный экипаж, в котором сидела весьма — очень *весьма*! — привлекательная молодая особа. Хастер даже оглянулся вслед промчавшемуся экипажу, так поразило его выражение лица девушки: сосредоточенное, даже немного напряженное, дающее богатую почву для воображения. Конечно, оглянувшись, Хастер ничего не увидел, кроме поднятого верха коляски, но дав волю своим мыслям, он сумел выдвинуть несколько различных предположений по поводу встречной девицы, и тренировал свое воображение до самого порога любимого заведения.

— Только баню! — объявил он, пресекая попытку хозяйки виллы раскрутить постоянного клиента.

— Ну, хотя бы одну девушку для массажа, господин Тенедос! Лорис как раз свободна. Вы же знаете, как она прекрасно делает массаж, — улыбалась хозяйка, провожая гостя к банной пристройке.

— Массаж? Ну хорошо, — уступил Хастер. — Номер, Лорис, цирюльника и легкий обед!.. И все! — с ходу отверг он дальнейшие поползновения. — А в семь выставьте меня отсюда вон.

— В семь утра? — с надеждой уточнила хозяйка.

— В семь вечера! — ответил Хастер. — В семь утра я должен быть уже далеко от Столицы.

— Сударь, проснитесь, приехали, — кто–то тряс Хастера за плечо, и он чуть не свалился с неудобного сиденья. Продрав глаза и огляделся. Дилижанс уже был пуст, в дверях маячил, спускаясь

по неудобной лесенке на землю, последний пассажир — он–то и разбудил только что Хастера. Впрочем, последним пассажиром был как раз сам Хастер. Он вскочил на ноги, поправил шапку, огляделся, не забыл ли что, и вышел.

Дилижанс стоял аккурат перед темной громадой главных ворот Арафы. Две мощные нефтяные лампы — электричества в Арафе не признавали и не собирались признавать в ближайшие сто лет! — по бокам от входа не столько освещали, сколько, казалось, сгущали предрассветный мрак во всем окружающем мире. На самом же деле небо уже заметно посветлело.

— Сударь, — позвал сверху кучер, — багаж–то получать будете? — В голосе возничего не было раздражения, только ирония.

— Да–да, — Хастер суетливо зашарил по карманам в поисках квитанции и протянул ее подменному кучеру, хотя в том не было особой нужды: на крыше под откинутым непромокаемым пологом одиноко стоял только его чемодан. — Будьте добры. Я, кажется, уже начинаю просыпаться.

Кучер спустился на землю с чемоданом, Хастер оделил его мелкой монетой, подхватил чемодан и пошел к дверям стеклянного павильона, притулившегося возле крепостной стены слева от ворот. Официально павильон назывался Въездным, но за сходство его назначения с таможней кто–то из постоянных клиентов прозвал его Мытней, и это название привилось и закрепилось. Ибо Мытню не мог минуть никто из приглашенных в Арафу, и все без исключения чинов, положений и заслуг ожидали, в одной очереди как равные, когда их пропустят в замок.

Вот и сейчас под стеклянную крышу Мытни непрерывно въезжали кареты, и вся имперская знать спешно выгружалась из своих экипажей, оставляя в них амбиции и спесь, а служители поторапливали кучеров, чтобы те поскорее освобождали места для следующих.

Прибывшие спешили к конторке отмечаться, и невозмутимый чиновник в парадном мундире, не обращая внимания на очередь, в которой, без всякого учета званий и титулов, ожидали аристократы с пышнейшими и древнейшими именами и простые неродовитые дворяне, принимал пригласительные грамоты, сверял со своим списком, выдавал согласно этому списку жетоны с номерами и, возвращая приглашения, вежливо просил подождать пока вызовут. Его вежливость походила на работу какого–нибудь механизма: такая же размеренная, рутинная и бездушная. Но иначе здесь нельзя — отношения с приезжими должны были быть идеально ровными ко всем, потому что десятки глаз ревниво следили за тем, чтобы чиновник не уделил

кому–то хоть большего внимания, чем другим. Сами те, кто прибывал в собственных экипажах, на приехавших дилижансом могли смотреть свысока, но для замковой обслуги было все едино.

Хастер к этому уже привык, а потому, встав в очередь за каким–то вельможей, битых десять минут пока двигалась очередь, спокойно игнорировал выражаемое его спиной высокомерное презрение, погрузившись в чтение захваченной в дорогу книжки, приключения и похождения зловещего князя Гора. Переворачивая страницу, он поймал заинтересованный взгляд стоящей вслед за ним молоденькой аристократки и украдкой подмигнул ей. Девушка была некрасива, ее несколько портил длинный нос, но улыбка у нее была очень даже приятной, и лицо умным; Хастер еще подумал, что надо будет попозже познакомиться. А пока он посмотрел, сколько еще до чиновника, и решительно спрятал книжку в карман.

В очереди он был бы уже вторым, если не считать дамы, которая в настоящий момент стояла перед барьером и пыталась спорить с человекоподобной машиной–чиновником из–за количества своего багажа.

— Сударыня, — холодно, с высоты своего положения толковал чиновник. — Дамы могут иметь с собой два чемодана, господа — один.

— Но это сумочка! — который раз возражала дама. — Дамские сумочки проносить с собой дозволено! Я знаю уложение!

— Сударыня, — ровно повторял чиновник. — В вашу сумочку иной чемодан влезет.

— Это — сумочка! — убеждала повышая голос дама.

Хастер опустил глаза, чтобы оценить предмет спора.

Рядом с конторкой стояли два чемодана — этакие тумбообразные изделия, каждое из которых тащили сюда никак не меньше двух дюжих слуг. Но к чемоданам–то чиновник претензий как раз и не имел. Собственно сумочкой дамой именовался саквояж чуть меньшего размера, установленный на одном из чемоданов. Так что чиновник, конечно, хоть несколько и преувеличивал, однако же на так уж намного — при желании, в так называемой сумочке мог уместиться и годовалый ребенок. Спорить далее чиновник не пожелал, а протянул даме ее собственное приглашение обратной стороной вверх, где были отпечатаны правила пребывания гостей в замке Арафа, вежливо попросил вслух прочесть отмеченный абзац, в коем размеры дамских сумочек определялись как «не более чем шесть дюймов в высоту, двенадцать дюймов в длину при толщине в три дюйма», а сам полез под барьер и вытащил оттуда здоровенную железную

линейку.

Дамы в очереди тут же заволновались, и принялись ужимать свои сумочки до предписанных габаритов; хотя, как правило, чиновник не замечал одного–двух лишних дюймов, но из–за дамы–спорщицы он мог и изменить своему правилу.

— Какая наглость, — вполголоса прошипела над плечом Хастера мать носатой девицы, тиская свою сумку. — Кто она вообще такая? Я ее не помню.

— Какая–нибудь провинциальная барыня из этих, дворянчиков по купчей, — пренебрежительно отозвался кто–то в очереди.

— Каждый год одно и то же! — давясь от натуги бурчала дама. — Неужели так трудно запомнить правила!

— Может, она читать не умеет, — негромко прокомментировал Хастер специально для дочки пожилой дамы.

Очередь захихикала, а некрасивая девушка подарила Хастеру еще одну свою приятную улыбку.

Появление измерительного прибора как–то само по себе прекратило спор, и чиновник предложил сдавшейся даме привести свою сумочку в соответствие с правилами где–нибудь в сторонке и указал двум дюжим молодцам оттащить чемоданы в сторонку. Вместе с пресловутой сумочкой. Те проворно исполнили, а на освободившееся место поставили багаж спокойного господина, который стоял перед Хастером.

Здесь задержек уже не было, и минуту спустя на то же место поставил свой чемодан Хастер, сам.

Чиновник без задержки выдал ему номерок, прицепил ярлык к чемодану, и крепкий збмковый молодйц отнес его чемодан к тележке, где уже стояли чемоданы других гостей — право же, багаж Хастера выглядел на их фоне не более чем дамской сумочкой.

Хастер отошел вглубь павильона, где среди живописных вазонов с вечнозелеными кустами для ожидающих были поставлены деревянные скамьи, присел, жестом подозвал служителя, который тут же принес ему горячий бульон с пирожками, и уткнулся в книгу.

Павильон постепенно наполнялся, прибывающие собирались компаниями, словно на каком–нибудь балу, непринужденно беседовали. Здесь табели о рангах действовали неукоснительно, и дворяне попроще держались отдельно от аристократии и, созерцая редкое для их сословия зрелище блестящего сборища сливок Империи, заворожено перешептывались.

Хастер же на своей скамейке не примыкал ни к первым, ни ко вторым. Ему было не скучно и с одним только «Князем Гором».

Но не успел еще легендарный кровопийца и погубитель невинных девушек (невинных юношей тож) расправится со своей второй жертвой, как совсем рассвело, поток подъезжающих экипажей иссяк, а в павильон вошел помощник церемониймейстера, и начал выкликать по списку номера и фамилии — без перечисления титулов и званий — приглашенных. Голос его звучал не хуже крика петуха, возвещающего уход ночи. Хастер, с сожалением расставшись с кровожадным князем, коего время — ночь, ибо имя ему Король Тьмы, убрал книгу, глянул на свой номерок и стал пробился на голос сквозь толпу страждущих.

На него недовольно косились: первыми в замок проходили те, кто принадлежали к рангу Детей и Внуков Императора, а Хастер в своей студенческой шинелишке на волчьем меху и северном малахае выглядел не очень–то подходящим под эту высокую категорию.

Глашатай зычно провозгласил:

— Двадцать девять! Тенедос!

Хастер крикнул:

— Здесь! — и толпа со вздохом подалась перед ним, а за спиной послышался взволнованные шепотки:

— Кто это такой?

— Понятия не имею, но судя по номеру…

— А с виду, не скажешь — сущий провинциал, и вроде бы не богатый…

— Неисповедимы пути Сыновей Императора…

Хастер самодовольно усмехнулся. «И дочерей тоже», — подумал он.

В замок пропускали десятками: десяток мужчин, десяток дам — и так далее. Каждый десяток принимал слуга или служанка и провожал к отведенным покоям. Впрочем, покоями в привычном для вельмож и сановников понимании можно было назвать далеко не все места временного их проживания. Номерам с первого по шестидесятый было хорошо — каждому из этих родовитейших господ полагалось по отдельной комнатке на антресолях замка, прочим же предстояло провести двое суток в общих спальнях, где, как в какой–нибудь казарме, рядами по пять стояли кровати, прикрытые от постороннего глаза лишь полупрозрачными балдахинами; удобства, впрочем, для всех категорий были общего пользования, так что равенство практически не нарушалось.

У себя в комнате Хастер огляделся. Его чемодан уже стоял возле кровати, в точности такой, как в общих комнатах, лишь как привилегия для высшего сословия, возле нее стояла прогретая

жаровня, придающая выстуженной комнате иллюзию тепла. Над жаровней был подвешен чайник, на столике под окном стояло стеклянное блюдо с нарезанными колбасами, ветчиной, сыром, чашка простого толстого фарфора, серебряная сахарница и серебряные же столовые приборы.

Хастер раздвинул занавески на окошке — за окном были голые ветки деревьев. Он перекинул подушку с одного края кровати на другой, бросил на подушку «Князя», подтянул к изголовью столик с завтраком, приготовил себе чаю, потом разделся и нырнул под одеяло, согретое, что приятно удивило, заботливо подложенной грелкой. Распорядок дня предполагал, что прибывшие в Арафу могут спать после дороги до полудня. Хастер спать пока не намеревался, но почему же воспользовался случаем поваляться в постели и, под горячий чай, ароматный сыр, благоухающую ветчину и кровяные, так и тающие во рту, колбаски с зеленью и свежим хлебом, не прочесть, как экспедиция во главе с несчастным возлюбленным погубленной богомерзким князем–кровососом девицы спускается к ее могиле, чтобы, достать из нее свежий еще труп, набить рот прекрасной покойницы чесноком, вырезать у нее сердце и вложить в освободившееся место букет из развесистых цветущих веток липы, тем самым освободив несчастную от гнусной посмертной судьбы, уготованной ей великим и ужасным бессмертным Князем Гором.

Чем не приятное проведение времени?

13

После полудня спальни зашевелились и начали готовиться к предстоящему вечеру. Первым по проходам прошел ученик церемониймейстера, и, звеня колокольчиком, звонко выкрикивал:

— Господа, через полчаса завтрак! Через полчаса завтрак, господа!

Господа, отдыхавшие после бессонной ночи в постелях, сонно выглядывали из–за занавесок и начинали одеваться. Другие, более предусмотрительные господа, уже оделись и начинали накапливаться в унылом помещении, которое называлось гостиной гостевого флигеля.

Хастер появился здесь одним из первых, пододвинул стул к теплому боку кафельной плиты, достал из кармана «Князя» и углубился вместе с героями в блуждание меж могильными холмами. Постепенно гостиная наполнялась, но дамы, как водится, начали появляться не ранее чем за пять–десять минут до объявленного времени, ведь наряжаться приходилось без участия

прислуги или с самой минимальной ее помощью. Арафская прислуга, к тому же, была чрезвычайно заносчива и груба до невероятия, нигде в ином месте таких нахалов и наглецов держать не стали бы и минуты, однако анонимному хозяину Арафы по статуту полагалось унижать гостей и в последние несколько лет он в этом весьма преуспевал.

Первой из дам в пока еще чисто мужском обществе появилась Прекрасная Герцогиня. Ее появление было ознаменовано воцарившимся вдруг молчанием, так как было вопиющим нарушением принятых здесь приличий. Ни на что не обращая внимания, она прошла на середину зала и повела вокруг себя изучающим взором; все мужчины тут же замолчали и уставились на нее. Хастер не был исключением.

Вероятно, она искала своего супруга герцога, но тот, по видимости, все еще завязывал перед зеркалом свой галстук, в то время, как ее одежда, похоже, доставила ей куда меньше хлопот, чем ее супругу, да и, пожалуй, большинству гостей замка — на ней было только почти облегающее точеную фигуру узкое белое платье тончайшей шерсти, под которым вряд ли было много белья, оттененное лишь бисерным пояском–цепочкой и дополненное песцовым палантином; две заколки с бисерными же подвесками направляли распущенные чуть вьющиеся волосы, туфли белой замши были простыми без всяких украшений — и никаких драгоценностей, никакого золотого шитья и даже кружева у нее были разве что на нижнем белье.

Поймав себя на всплывающих помимо воли мыслях о белье Прекрасной Герцогини, Хастер смутился и вернул взгляд в книжку. Однако настроение читать пропало. Он сунул «Князя» в карман и с интересом стал рассматривать молодую даму. Тут же он поправил себя: юную даму, ибо эпитет «молодая» Прекрасной Герцогине, пожалуй, не особенно подходил.

Ничуть не смущаясь неловким положением, в котором оказалась, она преспокойно чувствовала себя, став центром всеобщего внимания. Хастер обвел залу взглядом, и понял, что никого из высокой аристократии, с кем герцогиня была бы знакома, в зале пока нет. Он здесь был единственным, кому по статусу полагалось селиться не в общей спальне, а на антресолях. Что ж…

Хастер встал, с сожалением покинув теплый угол, и подошел к даме.

Она перевела на него спокойный, незамутненный сомнением взор.

— Сударыня, — с поклоном обратился к ней он. — Позвольте допустить некоторое нарушение установленных обычаев и

представиться вам первым. Хастер Тенедос, Внук Императора, — вновь склонил голову Хастер и добавил, чуть рисуясь: — Иных титулов у меня, увы, нет.

— Очень приятно, сударь, — улыбнулась герцогиня. — Боюсь, я тоже допустила некоторое нарушение правил — вышла совершенно одна прежде других дам. — Она обвела взглядом зал и одарила улыбкой, кажется, каждого, не забыв самых незначительных. — Прошу прощения, господа. Почему–то мне казалось, что я опаздываю. — И опять обратила взор на Хастера: — Спасибо, господин Тенедос, что пришли мне на помощь. Право же, я уже собиралась в панике бежать обратно на женскую половину. — Она рассмеялась колокольчиками нежного смеха.

— Не верю! — принял игру Хастер. — Вы просто поразили меня полнейшим присутствием духа!

Тут в зал степенно вплыли две не очень молодые дамы, неодобрительно посмотрели на Прекрасную Герцогиню, и Хастер, несколько чуть вольно наклонясь к своей даме, прошептал доверительно:

— И что бы им выйти минут на десять раньше?

— Мое легкомыслие ужасно, — бросив взгляд на дам, смешливо согласилась та.

— Оно вам к лицу, — не удержался от комплимента Хастер.

— А, вот и Тахир! — уже во весь голос сказала юная дама, глянув мимо его плеча.

Хастер оглянулся. К ним направлялся герцог Садал.

— Дорогой, — приветствовала супруга Прекрасная Герцогиня, — ты знаком с господином Тенедосом? Он выручил меня из ужасной ситуации.

— Не имел чести, дорогая, — герцог смерил Хастера изучающим взглядом. Помедлив, протянул руку. Хастер ее весьма сердечно пожал.

— Вы не бываете при Дворе? — вежливо спросил герцог.

— К сожалению, я не имею склонности к придворным развлечениям, — несколько высокомерно ответствовал Хастер, решив, что раз герцог принял его за обыкновенного безродного выскочку, навязывающего свое знакомство его супруге, то так тому и быть.

Герцогиня, решив примерно то же, попробовала ненавязчиво исправить нелюбезность супруга:

— Скажите, а кому из Императоров вы приходитесь внуком, господин Тенедос?

Герцог заинтересованно поднял бровь, а Хастер ответил с улыбкой:

— Боюсь показаться занудой, но я прихожусь внуком целым

двум Императорам.

— А! — воскликнул герцог, догадываясь и оживляясь от своей догадки. — Так вы сын моей кузины Арсии?

— Совершенно так, — поклонился Хастер.

— Что же вы молчали?! — Герцог тут же по–свойски подхватил новоявленного родственника под руку и оживленно поинтересовался: — Почему вы не появляетесь в обществе? Никогда не поверю, что ваши родители не выделяют вам достаточно средств.

— Я пока предпочитаю тихо–мирно учиться в Политехнической Школе.

— Вы, вероятно, удались в своего батюшку.

— Во всяком случае, ему удалось заразить меня любовью к точным наукам.

В Арафе было не очень принято раскланиваться со знакомыми, однако игнорировать давно не виденных родственников тоже как–то было неприлично, и Хастер, извинившись перед герцогом и герцогиней, отошел поздороваться и морально поддержать свою юную тетку, самую младшую сестру матери, княжну Арсину. Девушке исполнилось шестнадцать буквально на днях, и это был ее первый выход в свет; она потерянно стояла рядом с подругой, нервно теребя крохотную сумочку. Хастер издали поклонился своей бабушке, ее матери, и остался с ее молчаливого разрешения рядом с девушками.

С опозданием на добрую четверть часа позвали наконец к завтраку.

Неведомый хозяин замка продолжал издеваться над гостями. В огромном трапезном зале разделение на аристократов и неименитых соблюдалось. Аристократы садились за столики на возвышении, прочие ели с длинных столов внизу. Пока аристократия степенно выискивала свои места по визитным карточкам, положенным на стулья, нетитулованные в давке и сутолоке захватывали неперсонифицированные места поближе к ним.

Хастер, чтобы никому не мешать, минуту постоял в сторонке, пока его не окликнула издали Прекрасная Герцогиня:

— Господин Тенедос, какое совпадение, вы сидите рядом со мной!

Неизвестно, какие там порядки были у нетитулованных, однако среди аристократов те пары, которые оказывались вместе за столом, потом вместе же проходили Огненный обряд, и Хастер, подойдя к своему месту, прежде всего поцеловал ручку Прекрасной Герцогини и издали поклонился поглядывающему в их сторону герцогу.

— Забавно, не правда ли? — герцогиня была оживлена и с детской непосредственностью оглядывала зал. — Напоминает игру в третьего лишнего. Ну, когда стульев меньше, чем играющих.

— Если я не ошибаюсь, здесь наоборот, — ответил Хастер, садясь. — Стульев все–таки больше.

— Так ведь все стремятся сесть поближе к нам, как будто это дает какие–то преимущества.

Озабоченный какими–то своими проблемами лакей подкатил к их столику тележку, небрежно швырнул на стол два серебряных судка и, не изменив скорбного выражения лица, потащился дальше.

— Что мы сегодня едим? — юная дама заглянула под крышку. — По–моему, это какое–то ваше национальное северное блюдо?

Хастер глянул в свой судок и кашлянул. Давненько он не едал эдакой дряни. Издевательства продолжались.

— Это овсянка, мадам, — со вздохом проговорил Хастер. Он налил в белесую массу сливок из молочника, посыпал сахаром, потом, помешав и, с отвращением попробовав, посолил.

— Вы уверены, что это съедобно? — спросила герцогиня, с опаской глядя на него и повторяя его действия.

— Живы мы, по крайней мере, останемся, — поспешил успокоить ее Хастер.

Герцогиню, впрочем, это, кажется, не очень беспокоило. Она развлекалась тем, что, оглядывая остальных, наблюдала за их реакцией, и казалось, ситуация доставляет ей скорее удовольствие. Неудобства Арафы, похоже, воспринимались ей как маленькое забавное приключение, которое она охотно комментировала шепотом в самое хастерово ухо. Тот остроумно ей отвечал, чувствуя затылком тяжелеющий с каждой секундой взгляд герцога, который оценивал ситуацию, видимо, несколько иначе. «Да, — подумал Хастер, — овсянка не способствует возбуждению добрых чувств по отношению к более молодому дальнему родственнику, любезничающему с легкомысленной супругой».

Впрочем, все когда–то кончается. Кончилась и овсянка.

— О, вот и наш шоколад! — обрадовалась герцогиня, когда принесли вторую перемену, и нисколько не подобревший с первой лакей поставил на стол две чашки неприлично толстого фарфора, небрежно плеснул в них нечто и сунул под нос Хастеру вазу с двумя булочками. — Скажите, дорогой господин Тенедос, — спросила она, пододвигая к себе кружку, — как же получилось, что мы с вами до сих пор были незнакомы? Нет, я

понимаю — вы вовсе не желаете вращаться в высшем свете, однако же я должна была встретить вас здесь, в Арафе, четыре года назад?

Дорогой Хастер пододвинул к ней вазу, и герцогиня благосклонно взяла из нее булочку.

— По крайней мере, он горячий, — сказал он, отхлебнув, и отставил чашку. Объяснил: — Мне не очень повезло в прошлый раз — я опоздал и прибыл в Арафу уже после королевского выхода Так что пришлось выплатить полагающийся штраф: получить три щелчка в лоб в присутствии всей прислуги. Ну и меня поставили в самом конце общей очереди. Представляете, как была расстроена моя дама? Это была пожилая и такая приличная с виду женщина — и, представьте, я услышал от нее столько новых слов… Право же, я не рискнул бы повторить хотя бы одно из них не то что в вашем присутствии, сударыня, но и в присутствии вашего мужа.

— Я полагаю, она была очень огорчена, — рассмеялась юная дама.

— О да! — согласился Хастер. — И похоже, она не перенесла огорчения — я ее что–то сегодня не вижу.

— А у меня чашка надбитая! — сообщила вдруг радостно герцогиня. — Смотрите, какая прелесть!

Но потом она откусила кусок булки и несколько минут молчала, глядя на Хастера. Хастер было напугался, что его даме попалось в булочке какая–нибудь особая начинка — ну, там таракан запеченный или острый перчик. Он даже вознамерился было постукать ее легонько по спине, но дело оказалось в другом.

— Постойте, — произнесла герцогиня, хмурясь. — Если ваша мать княжна Арсия, то ваш отец, вероятно, граф Картенед?

— Совершенно верно, — облегченно подтвердил Хастер.

— Тогда мы с вами в троюродном родстве, — заключила она. — Ваша бабушка Крисса и моя бабушка Тисса были сестрами! — Она посмотрела на Хастера восхищенно–осуждающе: — У вас скандальная родословная, господин Тенедос! Просто удивительно, как вам удалось получить титул Внука Императора.

— Я всего лишь внебрачный сын внебрачного сына и внебрачной дочери, — сказал Хастер. — Такое иногда случается в подлунном мире.

Герцогиня ему посочувствовала:

— Теперь я понимаю, почему вы не стремитесь попасть ко двору. Вы, вероятно, чувствуете себя не очень уютно среди тех, в чьих родословных нет ни пятнышка.

— Пожалуй, да, — не стал возражать Хастер. Он не стал рассказывать, как бесили его встречи с единокровными братьями.

Особенно донимал средненький, Картенед Агельф, который каждый раз разглядывал его с такой гадливостью, будто видел перед собой отвратительного слизняка.

— В приемную залу, господа! — завопил вдруг к него над ухом горластый служка–подросток и затряс колокольчиком. — Господа, следуйте в приемную залу!

— Вы доели? — спросил Хастер. — Тогда разрешите предложить вам руку?

Долго и муторно народ собирался в приемной зале. Шустрые служки–подростки, шмыгая по залу, напоминали о необходимости всем приглашенным прикрепить на одежду номерки. Эту унизительную процедуру большинство присутствующих предпочитали выполнять как можно позже — возможно, наивно и совершенно по–детски надеясь, что судьба подарит им шанс не быть помеченными номером, как арестантам с большими сроками заключениями. Хастеру же было все равно. Подумаешь — приколоть к груди костяной круглячок с изящно выгравированными цифрами, но многих это почему–то возмущало даже больше, чем демонстративная наглость прислуги.

— Где ваш номерок? — заверещал совсем уж крошечный сорванец, глядя с умилительной серьезностью на Прекрасную Герцогиню снизу вверх.

Хастер ловко поймал его за ухо:

— Прибавляй «сударыня», когда обращаешься к красивой женщине, отрок!

— А к некрасивой можно без сударыни? — нагло поинтересовалось дитя.

— А некрасивой надо говорить «милостивая сударыня»! — наставил его Хастер, отпуская ухо.

— О–бал–деть! — заявило дитя, потирая покрасневшее ухо, но гонору поучение в нем не убавило. — Это еще каждую разглядывать? Ну да ладно уж… Где ваш номерок, сударыня? Прикалывайте скорее, не то оштрафуют. Безномерным два щелбана положено. А то может вам булавку надо? — Предложило предприимчивое чадо. — Могу уступить, у меня завалялась одна. Два империала штука.

— Ты что, больше двух считать не умеешь? — весело спросил Хастер.

— Тогда три! — осклабился пацан.

— А ну брысь отсюда, без тебя обойдемся! — Хастер отвесил шкету чисто символическую затрещину.

— Он тебя обижал? — осведомился неведомо откуда возникший перед ними мальчик постарше. Все подростки–

служки, сновавшие по зале, которые слышали этот голос, настороженно обернулись.

Гости притихли.

— Не-а, — честно соврал мальчуган. — Так просто, разговаривали.

Надзиратель за порядком кивнул и растворился в толпе вместе со шкетом. Всеобщее напряжение разрядилось, гости вспомнили, что можно дышать.

— Ума не приложу, — пожаловалась герцогиня, — как это прикрепить? Если на платье — то из–за меха видно не будет. А если прямо на палантин, опять–таки не видно, потому что ворс длинный.

Хастер осмотрел ее с головы до ног, потом со словами «позвольте, сударыня» взял из ее руки номерок и подвесил на свисающем конце бисерного пояска. Номерок органично слился с костюмом дамы, изящно повиснув где–то чуть выше колена.

— А так можно?

— В правилах нет точных указаний, где именно следует помещать номерок, — сказал Хастер. — А что не запрещено, то не возбраняется.

К ним подошел очередной подросток — лет пятнадцати с пухлым блокнотом.

— В лотерее участвовать будем? — осведомился он, глядя куда–то себе под ноги. Но тут взгляд его зацепил номерок на конце пояска, он улыбнулся и, подняв глаза, сказал уже весьма благодушно: — Только между нами говоря, сударыня, выигрышный билет уже продан.

— Но это ведь нечестно! — воскликнула герцогиня. — Вы лишаете нас удовольствия играть!

— Главное — не выигрыш, главное — участие, — промолвил Хастер, вынимая кошелек. — Но раз билеты не выиграют, я буду платить только половинную цену, молодой человек, — предупредил он.

— Да чего уж, — согласился подросток. Он взял двенадцать империалов за два билетика, кинул их в объемистую амфору–копилку, которую тащил за собой на колесиках, и открыл блокнот: — Только дамы почему–то предпочитают садовников, а господа поваров, так что садовников и поваров уже не осталось. Вам кого? — смотрел он при этом исключительно на даму

У Хастера было искушение назвать младшего помощника ассенизатора, но при Прекрасной Герцогине он не осмелился.

— Даже не знаю, — пробормотал он, потом вспомнил давешнюю даму с «сумочкой» и спросил: — А на чиновника, который принимал нас в Мытне, уже поставили?

— Одним из первых, — улыбнувшись, словно понимая, ответил мальчик и тут же вновь обернулся к герцогине: — А вот не угодно ли сударыне выбрать трубочиста? Великолепно подойдет к вашему платью. Черное и белое, а, сударыня?

— Почему бы и нет! _ согласилась юная дама. — У вас, юноша, отличный вкус.

Юноша со всеми признаками дамского угодника даже чуть зарделся от похвалы.

— А вам, сударь, я могу порекомендовать кого–нибудь из музыкантов. Искусство сейчас в моде. Хотите арфиста?

— О нет, только не это! — Хастер даже передернул плечами. — Куда я арфу дену, если он мне ее подарит?! Мне бы подошло что–нибудь поближе к науке. Нет ли у вас какого завалящего алхимика?

— Алхимиков не держим. А что до химии… — он полистал блокнот. — Не хотите ли «грибного человека»?

— А он здесь есть? — искренне удивился Хастер.

— Как же! — не менее искренне ответил подросток.

— Мне его воистину жаль, — сказал Хастер, припомнив недавний завтрак, который «грибной человек» обязан был отведывать. — Но какое же отношение он имеет к химии?

Подросток с сожалением посмотрел на непонятливого господина:

— Но ведь яды — это же химия!

— Логично, — допустил Хастер. — Хорошо, давай «грибного человека»!

— Прекрасный выбор! Товар первый сорт, сударь и сударыня, не пожалеете! — подросток с серьезной миной отметил что–то в своем блокноте и, вырвав две квитанции, протянул Хастеру: — Прошу вас: трубочист для дамы, отведыватель пищи для кавалера.

Герцогиня рассмеялась.

— Спасибо, юноша, вы оказали нам услугу. — Она открыла сумочку, достала монету и протянула подростку: — Это лично для вас, за любезность.

Подросток чуть смутился.

— Вообще–то не полагается, — произнес он, принимая монету, — но вы ведь не взятку мне даете, правда?

— Разумеется, молодой человек, — подтвердил Хастер. — Кстати, кем вы сами собираетесь стать через четыре года, если не секрет?

— Помощником эконома, сударь, если не будет лучшей вакансии, — ответил подросток и, отвесив легкий поклон, потащил свою амфору дальше.

— Станет, — убежденно сказал Хастер.

— Давайте подойдем к Тахиру, — предложила его спутница.

Они прошли к герцогу, развлекавшему даму, которая выпала ему по жребию — средних лет брюнетку, одетую несколько провинциально. Хастер ее не знал, однако герцогиня еще издали заулыбалась, и, сблизившись, дамы сделали друг другу несколько двусмысленных комплиментов, что говорило об их давней женской дружбе.

— Княжна, позвольте представить вам моего кузена господина Тенедоса, сына Арсии, — представил герцог Хастера. — Кузен, это княжна Садалмелик Зэйне из Сарата.

Хастер поклонился и приложился к ручке.

«Ага, — припомнил Хастер. — Так вот это кто. Вот ты какая, старая перечница!»

— О! Я давно хотела с вами познакомиться, — заулыбалась княжна Зэйне.

Хастер поклонился — так он ей и поверил.

— Что–то не видно вашей матушки, — продолжала княжна. — Я так хотела с ней поболтать… Ах, мы, женщины, так легкомысленны, так ранимы! Она, надеюсь, не больна? — радостно полюбопытствовала княжна.

«Размечталась!», — подумал Хастер и опрометчиво пояснил:

— Матушка испросила Высочайшего разрешения не участвовать в сегодняшнем празднике. Моя сестра была тяжело больна и врачи рекомендовали ей срочно выехать на воды.

Глазки княжны загорелись.

— Ах, надеюсь, это не чахотка? — хищно спросила она.

«Типун тебе!» — зло подумал Хастер, а вслух возразил со всей возможной любезностью:

— Что вы, княжна! Сестра недавно переболела дифтеритом. К счастью, все обошлось, но врачи не советовали оставаться в Столице.

— Дифтерит! — сладко пропела княжна. — О, говорят, он дает массу самых страшных осложнений. У вашей сестры могут быть какие–нибудь неприятные последствия?

— Без, — кратко прокомментировал Хастер.

Княжна увяла.

— Погоды стоят ужасные, вы не находите? — попробовал ободрить ее Хастер.

— Ах, вы правы! — Но она вовсе не была склонна переходить на погоду — люди и их всевозможные болезни интересовали княжну больше. Только вот объект она себе выбрала не очень удачный.

— А батюшка ваш в добром здравии? — спросила с надеждой.

— В великолепном! — страстно заверил ее Хастер. «Не дождешься!»

— Вон он стоит с молодой графиней Расальфаг, — сказал герцог. Похоже, партнерша уже успела ему порядком надоесть. — Какой–то у нее сегодня не здоровый вид, вы не находите? — заметил он как бы между прочим.

— Где, где? — алчно заволновалась княжна. — Я еще не знакома с ней.

Когда она отошла, все трое переглянулись и весело рассмеялись

Впрочем, рано они радовались. Граф Картенед был не из тех кавалеров, что куртуазничают со всеми дамами подряд, да и его спутница славилась модной сейчас среди светской молодежи прямотой нравов, поэтому когда княжна вскорости вернулась, уши у нее горели.

Герцог постарался не заметить возвращения своей докучливой компаньонки, и Хастер с герцогиней его охотно поддерживали. Как ни в чем ни бывало герцог продолжал недоконченный разговор:

— После прогулки по парку вы, любезный кузен, вероятно, захотите первый раз за день прилично поесть и отдохнуть. Поэтому я хочу пригласить вас отужинать с нами. Я заказал места в одном трактире неподалеку. Так что давайте не будем ждать друг друга. Вы с Ксантой сразу же отправляйтесь туда, а я подъеду сразу же, как освобожусь. Принимаете вы это предложение?

— С удовольствием, — ответил Хастер. — Трактир… э-э?..

— Трактир «Ежик в крыжовнике».

Хастер поклонился.

— Спасибо, герцог.

— Как? — вскинула брови герцогиня. — «Ежик в крыжовнике»? Какое милое название!

— Какое ужасное, вызывающее платье! — привлекла, наконец, к себе внимание княжна.

Все посмотрели на нее.

— На ком? — невинно спросила герцогиня.

— На этой выскочке! — с неподдельным негодованием ответила княжна.

Все посмотрели на графиню Расальфаг.

Та была в прямого покроя голубом платье и жакете из соболей.

— Действительно, — вежливо согласилась герцогиня. — Соболя совершенно не идут к голубому.

Однако княжну возмутило не только это.

— А подол?!

Все посмотрели на подол.

Низ платья на добрый фут от пола состоял из совершенно прозрачных кружев и, кроме того, на нем имелся разрез до колена.

— Ну не знаю, — задумчиво сказала Прекрасная герцогиня. — Что–то в этом есть. Но по–моему немного чересчур. Тут одно из двух: или кружевной подол, или разрез. Как вы полагаете, мой друг? — обратилась она к мужу.

Герцог пожал плечами.

— Молодая красивая женщина может позволить себе немного фривольности, — заметил он и предал вопрос дальше: — Нет?

— Выглядит достаточно приятно для глаза, — согласился Хастер.

— В *мое время* ни одна женщина не могла позволить себе подобную непристойность! — заявила княжна. — Я вполне понимаю, когда мода отказывается от кринолинов, однако такое… — ее прямо передернуло от омерзения. — Даже и ваш туалет, моя дорогая, слишком уж вызывающ! — вдруг прозрела она, видимо, уловив общее неодобрение. — Как ваш муж позволяет вам так одеваться!

— Ему нравится, — сдержанно ответила герцогиня.

— Не хотите ли полюбоваться на парк? — спросил Хастер. — Времени у нас много, можно подняться на галерею.

— Там сквозняки, — заявила княжна.

— С удовольствием, — тут же ответила герцогиня, — здесь душновато. Дорогой?

— Извини, но мне надо кое с кем побеседовать, — с сожалением отказался герцог.

Хастер предложил руку даме руку, и герцогиня взяла его под локоть.

— До встречи в «Ежике»! — сказала она мужу. — «Ежик в крыжовнике» — приятно звучит, не правда ли? — спросила она, отходя.

— Звучит обнадеживающе, — ответил Хастер.

— Бедный Тахир, — проговорила герцогиня, когда они поднимались по лестнице на галерею. — Убийственная женщина! Нацепила на себя розовый мешок с оборками и полагает, что может судить о модах.

Они остановились у широкого окна и посмотрели на расстилающийся у ног Парк Фейерверков.

— Омерзительное зрелище, — заметила герцогиня.

В самом деле, при свете угасающего дня на парк, пожалуй, смотреть не стоило. Там не было ни единого живого дерева или

куста, там не было даже снега, и только то тут, то там вдоль дорожек торчали какие–то подозрительные конструкции. Четко просматривалась лишь главная аллея, начинающая от здания главного павильона чуть правее и уходящую вперед к каменному забору. Вечером, когда стемнеет, парк будет другим, и гости замка, уже разбитые на пары, разбредутся по нему, выполняя нелепый ритуал, ради которого вся знать Империи и люди, претендующие на то, чтобы зваться знатью, съезжались сюда по високосным годам.

Они постояли молча.

— Давайте вернемся вниз, — сказала наконец герцогиня. — Здесь и в самом деле сквозняки.

— Давайте, — согласился Хастер — Тем более, кажется, уже начинается.

14

В самом деле, шустрые подростки исчезли из залы, а из ложи музыкантов стали доноситься побрякивания и поскуливания настраиваемых инструментов.

Гулко, будто в самой зале, ударил колокол.

Началось.

По роскошной ковровой дорожке, раскатываемой шустрыми малолетними прислужниками и делившей залу пополам от широкой двери, шел мальчишка–церемониймейстер, зычно провозглашая:

— Встречайте Короля, дамы и господа! Дамы и господа, встречайте Короля!

Гости поспешно, не разбирая чинов, сгрудились вдоль дорожки. Временные подданные потешного Короля замка Арафы жаждали увидеть своего монарха. Все без исключения с одинаковым интересом: те, кто впервые присутствовал на церемонии, в поисках впечатлений, о которых потом можно будет вспоминать; более опытные и искушенные в нетерпеливом ожидании, что еще новенького придумал для них хозяин Арафы. Многие бросали взгляды на занавешенную ложу над дверью, из которой, как утверждали, за церемонией наблюдали сам Император и члены его семьи.

Хастер усмехнулся. Много всякого говорили о Дне–не–в-счет в Арафе, хотя, кажется, толком никто не знал вообще, зачем нужна вся эта шутовская церемония. У Хастера было свое личное мнение на сей счет, но его никто не спрашивал.

Помощник церемониймейстера дошел до конца дорожки, развернулся и трижды выкрикнул:

— Король идет! Дамы и господа, идет Король!

Подданные ровняли строй. По дорожке, волоча огромную корзину с ландышами и крокусами и разбрасываясь в окружающих цветами, пробежали две босоногие девчушки в золотистых туниках с золотой пудрой в пышных волосах; добежав до установленного в конце дорожки трона, пока еще накрытого парчовым покрывалом, они вывалили остаток цветов к подножию и поспешно скрылись где–то в кулуарах.

— Дамы и господа! — торжественно возопил юный церемониймейстер. — Приветствуем Короля!

Дамы дружно присели в реверансе, господа склонились в поклоне — и те и другие одинаково скосили глаза на двери, из которых уже появился Король.

Опережая взгляды, по рядам пронесся шепоток: «Кто, кто?», а вослед уже летел ответ: «Чиновник из Мытни!». Услыхав это, Хастер поддался общему порыву, тоже вытянул шею и увидел знакомое лицо. Да, это был тот самый невозмутимый чиновник, с помощью простой линейки отбивший атаку настырной дамы с «сумочкой». Но как он сейчас выглядел! Его атлетическую, хотя и чуть грузную фигуру облегал идеально белый, без каких–либо вышивок или иных портновских ухищрений, атласный костюм; на ногах его были белые шелковые туфли, украшенные живыми алыми розами; ажурную корону его обвивал венок из живых ромашек и васильков; на плечах его лежал длинный плащ, сотканный из живых фиалок, который несли за ним шесть юных пажей. Правда, на лице его все так же застыло выражение механического равнодушия к происходящему, но сейчас оно было вполне уместным — именно так и подобает королю взирать на ничтожных своих подданных. «Надо же, почти угадал! А вот интересно, — подумал Хастер, — Хозяин Арафы назначил его королем за это самое выражение или таким вот образом оценил подвиг с «сумочкой»?»

Церемониймейстер вновь стукнул жезлом.

— Король следует к своему трону!

Король из Мытни шествовал по дорожке под жадными взглядами гостей. Впрочем, ничтожные подданные его смотрели больше не на самого монарха, а на его необыкновенный скипетр, при виде которого по всей зале прошел тихий восторженный вздох.

Это было молодое деревце, выдернутое прямо с корнями, лишенное верхушки и ветвей, и Король нес его именно корнями вверх, и корни, еще в свежей земле, только слегка обрезанные, укороченные, служили гнездом, где из зеленого мха среди цветов сон–травы и пролесок выбивались красноватые закрученные в

тугие плоские спирали побеги папоротника. А среди обычных побегов был один. В нем ощущалось некоторое родство с прочими собратьями, однако его спираль самостоятельно свисала далеко вниз, как распущенная лента серпантина, и цвет его был не буро–красно–зеленым, как у прочих, а ярко–оранжевым.

«Жар–цветок!» — как порыв весеннего ветра пронеслось еще раз по зале.

Хастер, впрочем, на сей раз не поддался общему порыву жадно вытянуть шею, чтобы лучше рассмотреть Жар–цветок. Диковинная редкость, конечно, но лично он не видел в этом вьющемся пламенеющем отростке чего–то сверхъестественного: мало ли чем болеют растения. Вот встречаются в природе тигры–альбиносы — и никто не делает из них культа…

Король тем временем дошел трона и остановился.

Вновь набежали откуда–то давешние девчушки в туниках, сдернули с трона парчовое покрывало, явив глазам собравшихся деревянное кресло посреди бугра из белых лилий, лиловой махровой сирени и голубых гортензий, и опять упорхнули. Юные пажи помогли Королю усесться, расправили фиалковый плащ и остановились стражей у подножия.

Жезл церемониймейстера вновь стукнул об пол, призывая гостей ко вниманию.

— Личный гость Короля, — пауза. — Номер сто шестьдесят один!

Откуда–то справа послышался легкий шумок, и на дорожку в полуобморочном восторге вышла победительница лотереи. Она сделала в сторону Короля глубокий реверанс; следом тут же выбрался из рядов ее кавалер, тоже отвесил поклон и, предложив даме руку, повел ее к трону. Улыбающаяся дама и ее кавалер, гордые устремленным на них вниманием, прошествовали мимо Хастера. Можно было подумать, они удостоились приглашения самого Императора (что в общем–то было не лишено смысла). Парочка подошла к трону. Дама сделала еще один реверанс, поцеловала Королю руку и плюхнулась на поднесенный пажами табурет у подножия трона. Кавалер с важным видом встал за ее спиной.

Церемониймейстер объявил «подарок для личного гостя Короля», и все те же девчушки в туниках вынесли из–за трона и обнесли всю залу золоченым подносом с необычайно уродливой фарфоровой вазой, снабженной двумя большими ручками по бокам и изукрашенной по верхнему краю уродливым цветочным бордюром. Больше всего ваза походила на полуведерный горшок; в довершение сходства она была доверху набита мелкими цветками мышиного гиацинта, так что казалось, что вот–вот эта

цветочная каша начнет развариваться больше и больше, полезет из своего несуразного вместилища наружу и заполонит все вокруг. Дама с блаженной улыбкой приняла подарок, ведь под лепестковой кашей могло находиться что–нибудь весьма ценное, вроде какой–нибудь драгоценной безделушки или приглашения на Большой Императорский бал, а могло быть и что–нибудь вроде связки бубликов или коробки прошлогодних конфет, что в общем–то для провинциалки, коей выглядела счастливица, тоже было ценно — ведь все выигрыши новогодней лотереи предоставлялись самим Императором.

Сидеть в обнимку с подарком, впрочем, было неудобно, и королевская гостья тут же отставила его рядом с собой на пол, а потом нога какого–то юного и не в меру сообразительного пажа будто невзначай задвинула вазу под табурет счастливицы. Это вызвало в зале некоторое оживление — подарок весьма недвусмысленно смахивал на ночной сосуд, и под табуретом ему было самое место.

Впрочем, веселье публики длилось не долго.

— Шут для увеселения Короля! — провозгласил церемонемейстер, и в рядах временных подданных возникло шевеление. Теперь движение было обратным первоначальному: наиболее опытные старались убраться подальше от красной дорожки, вытесняя вперед неискушенных новичков. Бедняги радовались, смотрели во все глаза, не представляя себе, что сейчас–то и начнется самое веселье. Хастер поспешил присоединиться к опытному большинству.

По дорожке шел тонкого сложения невысокий человек в обычном на первый взгляд костюме. Вот только штаны ему были заметно великоваты: сильно морщились спереди и почти волочились по полу сзади; только сюртук так туго обтягивал тощий торс, что, казалось, сейчас лопнет, и пуговицы, которыми он был усеян, градом посыпятся на пол; только новомодный цилиндр на голове человечка позвякивал шутовскими бубенцами, а небольшой жезл, увенчанным петушиной головой, он нес на манер трости, повесив на сгиб локтя. Человек шел, поглядывая по сторонам, иногда приподнимая над головой цилиндр, приветствуя знакомых, которые старались на глаза ему не попадаться.

Знакомых у него здесь было немало. Этот несуразный человечек был хорошо — слишком хорошо! — известен многим из присутствующих, и не зря они так тщательно старались избегать его внимания. Ибо это был Личный Шут Императора, последний из представителей когда–то многочисленного племени придворных шутов, фигура при Дворе настолько весомая, что

одно его слово могло разрушить любую карьеру. Никто не знал, кто он и откуда, но ходили упорные слухи, что его предки давно получили дворянство, и сам он знатен не менее тех, над кем ему вменялось в обязанности потешаться; поговаривали, что он чуть ли не сказочно богат, что… Да мало ли что говорят при дворе о сильных мира сего, пусть даже они каждый день напяливают на себя дурацкий колпак и всегда готовы развлекать Императора. И не только развлекать.

Шут Императора был рыжеват, востролиц, быстроглаз, равно порывист и пластичен в движениях и необыкновенно остер на язык. Он и сейчас не просто так шел по ковровой дорожке — он *работал,* он вовсю *лицедействовал*: глумливо раскланивался с одними, демонстративно не замечал других, фамильярно шутил с третьими и грубовато с четвертыми, задирал кавалеров, смачно шлепал по задам благородных матрон, говорил сальности признанных красоткам — и ненормально отреагировать на его приветствия и шутки было чревато как минимум неодобрительным ропотом соседей по залу, а как максимум неудовольствием самого Императора. Поэтому–то гораздо благоразумнее было просто не попадаться ему на глаза.

Что удавалось не всем и не всегда.

— Ну что, байстрюк, нынче уж опаздывать не стал? За лоб свой высокоученый испугался? — бросил он Хастеру, и это было еще ничего, это было почти ласково.

Хастер было облегченно вздохнул, но тут Шут, обежав и оглядев его со всех сторон, прибавил:

— А что ж это ты, милок, так вырядился–то? И вообще выглядишь как–то несообразно. — Шут поднял вверх длинный извилистый палец и произнес, явно цитируя: «Мужчина, одетый по моде, должен иметь круглую спину и квадратное лицо, короткие руки и длинные ноги и быть близоруким…» — Шут ткнул палец едва не в живот стоящему неподалеку пожилому господину. — Вот как это!

Хастер не нашелся, что и сказать: господин, в которого угодил пальцем Шут, был никто иной, как камергер Двора Его Императорского Величества, член Тайного Государственного совета, кавалер кучи всяческих орденов — и вообще человеком он слыл вовсе не плохим, неглупым и образованным.

— Где уж нам, — сказал он чуть смущенно.

— «…Кто же не обладает этим от природы, — тут же продолжил Шут, — должен обратиться к сведущим мастерам; это их дело; в два дня они сделают из вас образец моды».

На это Хастер и вовсе не знал, что ответить.

Но Шуту этого и не было надо — он уже томно глядел на

Прекрасную Герцогиню.

— Ах, красотуля! — заворковал он. — И как ты только с этим немодным хлыщом рядом стоишь? Отправь его к «мастерам»! Лучше уж меня к себе в постельку допусти, а? Нет? Ну дай хоть плечико поцеловать… — Он жадно подался к ней, но юная дама не стала ждать, чтобы он потянул с нее палантин, сама приспустила с плеча мех и подставила под поцелуй нежную кожу. Все ахнули, а Шут, будто того и ждал, ткнулся губами куда–то рядом с бретелью платья, а потом преподнес даме леденцового петушка, извлеченного из цилиндра. — Любовью за любовь! — провозгласил он,

Громко ахнула где–то рядом шокированная княжна Зэйне, и Шут, моментально уловив, оказался рядом и растроганно сказал:

— Ах, бедняжка! Ах, ах! — и тут же уставился на герцога: — А ты, герцог? Что же ты не заботишься о своей даме? Ведь она ангел и юдоль всех болезных. Заботься, заботься о ней! — Шут заговорщицки подмигнул. — А о вашей супруге мы уж сами позаботимся.

Герцог побледнел, а княжна, решившая, видно, что ее минула чаша, насторожила уши. И зря!

Шут вдруг подался вперед и доверительно зашептал герцогу прямо в ухо, так, что могли слышать все желающие:

— А знаешь, почему она, — он «незаметно» ткнул пальцем в корсаж княжны, — знаешь, почему она так не любит прозрачные кружева на юбках и разрезы? — (Хастер вздрогнул и, побледнев, глянул на герцогиню, но та, видимо, не поняла) — Знаешь? — повторил Шут и, «понизив» тон до интимного, сообщил на весь зал: — Потому что у нее нога деревянная! Вместо отсохшей после сифилиса!! — рявкнул он дико и визгливо засмеялся.

В могильной тишине сомлевшая княжна грохнулась наконец на пол. Так же резко Шут оборвал смех и, брезгливо глянув на нее, бросил снова герцогу:

— Только об этом никому.

Он вновь посмотрел на княжну и снял скорбно звякнувший свой цилиндр:

— Прими, дитя, и ты залог моей любви.

И на почти бездыханное тело упал леденцовый петушок на палочке, миниатюрный символ его жезла.

Вокруг княжны засуетились дамы, кто–то доставал и совал ей под нос нюхательную соль… А Шут, продолжая распространять вокруг себя дерзости на грани оскорбления и шутки самого дурного тона, пошел как ни в чем ни бывало дальше к трону.

— Привет, твое сегодняшнее величество! — склонился он в низком поклоне перед Королем — да так и не разогнувшись,

рухнул прямо на пол у него в ногах на ворох крокусов и ландышей с чувством глубокого удовлетворения от выполненного долга.

— Музыка для Короля! — чуть опешивши, возгласил церемониймейстер.

В музыкантской ложе тут же не в лад взвизгнули расстроенные скрипки, вслед ними бросились подвывающие флейты, не в такт им подрагивал одной струной контрабас, и что–то совершенно четвертое залепетала арфа.

Хастера эти звуки вывели из глубокого забытья и побудили к хоть каким–то действиям.

После произошедшего он не счел звуки так называемой музыки столь уж неприятными и даже заметил герцогине, которая не увидела, кажется, в случившемся ничего особенного, кроме глупой и грубой выходки распоясавшегося Шута, что аборигенам островов Ботис подобная музыка наверняка понравится. Герцогиня этому сравнению даже рассмеялась, и Хастер, решив про себя, что она не так умна, как ему было показалось, счел за благо тоже не напрягать пока мозги и нервы, а, как заяц закрывает длинными ушами глаза и продолжает жевать свою капусту, чтобы не видеть оскаленной волчьей пасти, продолжать делать вид, что как бы ничего не произошло. «Пустяки, вс–е–е пустяки», — попытался подпеть он скрипкам и даже обрадовался, когда объявили «Королевское угощение для гостей».

Строй вдоль дорожки распался, гости начали расходиться по зале, неохотно принимая у подходивших лакеев «королевское угощение», состоящее из большого бокала вина и даже на вид неаппетитных пирожков. Опять в зале появились пронырливые подростки. Теперь они внимательно следили за тем, чтобы гости съедали свои пироги до крошки и выпивали вино до дна. Давясь под взглядами мальчишек, высокородные господа и дамы, цвет Империи, хлебали жутчайшую кислятину и зажевывали ее пирогом с непонятной начинкой. Хастер вновь невольно вспомнил своего лотерейного протеже «отведывателя пищи» и подумал, что по величине подвига ему бы и достойно быть Королем.

Герцогиня маленькими кусочками откусывала пирог, вина отпивала по чуть–чуть, будто лизала. Глядя на жалкое зрелище, Хастер только порадовался, что обычай запекать в угощение для подданных Короля дохлых мышей и прочих гадов окончательно канул в прошлое — а ведь лет сто еще назад здесь развлекались и так.

Мысли герцогини имели, видимо, схожее, кулинарное,

направление.

— Интересно, как получается у них испечь такую гадость? — задумчиво проговорила она, мужественно отщипывая очередной кусочек.

— У них было время потренироваться, целых четыре года, — ответил Хастер.

Хастер продавил внутрь себя последний кусок пирога, большим глотком допил кислятину и с облегчением сунул бокал ближайшему мальчишке.

— Не хотите ли повторить? — услужливо спросил тот.

— Лучше сам выпей за мое здоровье.

— Нам не положено, — радостно ответил малец.

Герцогиня тоже наконец расправилась с королевским угощением, сдала бокал и совершенно по–детски засунула в рот дареного петушка.

— Какое наслаждение заесть этот жуткий вкус, — сладостно проговорила она, хрустнула леденцом и протянула Хастеру палочку с остатками. — Возьмите и вы.

Хастер такого подарка не ожидал, но, помыслив, поблагодарил и отказался.

— Давайте отойдем поближе к двери, — предложил он. — Скоро начнется…

— К какой из них? — резонно поинтересовалась герцогиня, поскольку дверей в зале хватало. Во внутренние покои вели две двери: та, через которую входил Король, и боковая, которой пользовались его подданные, на террасу же выходили три большие двери. Когда начнется — а когда именно начнется, не знал никто из присутствующих (разве что за исключением Шута), — будет открыта только одна из этих дверей.

— Вероятность, что мы будем выходить на террасу, равна трем пятым, — задумчиво сказал Хастер и повел свою даму поближе к стеклянной стене, выходящей на террасу.

— Неужели так и будет? — восхищенно глядя на него, произнесла герцогиня.

Хастер загадочно усмехнулся. Вокруг тоже прислушались, но никто, кончено, ничего не понял. Однако почему–то его слова вызвали всеобщее облегчение; публика зашепталась.

— А в прошлый раз с крыши посыпались какие–то дикари в черном на веревках и, поразбивав все окна, погнали нас к выходам, — припомнил кто–то. — У графини Рельос случился обморок. А меня чуть не затоптали.

— А я, помнится, лет двадцать назад так прижался к княжне Лете, так прижался, — шептал на ухо некий немолодой вельможа своему гораздо менее молодому спутнику.

Воспоминания шелестом заполнили залу. Бойцы вспоминали минувшие дни.

Хастер, посмотрев на свою даму, слегка побледневшую, произнес ободряюще спокойно:

— По крайней мере, отсюда можно выбраться через окна, сударыня. Я вам помогу.

Но не успела побледневшая дама ответить ему улыбкой, как с великолепной, богато украшенной хрустальной люстры начал сыпаться разноцветный шелестящий дождь из мелких стеклянных бусин.

— Ой–йе, — выдавил из себя кто–то за спиной Хастера, и тут же залу наполнил многоголосый женский визг, разнообразившийся и преумноженный многократным эхом. «А акустика здесь что надо», — подумал Хастер, как можно более аккуратно подхватывая свою спутницу и стараясь увлечь ее подальше от общей суматохи, в небольшую нишу, прикрыл своим телом не столько от града бусин, сколько от посягательств менее догадливых конкурентов, опоздавших к разбору укромных местечек, в то время как основная масса испытуемых устремилась к распахнувшимся дверям, давясь и оскальзываясь на ставшем подобном катку полу залы — о, незабываемое зрелище для придворных обожателей дамских прелестей! — понукаемые радостными выкриками Шута: «В сад! Все в сад!», не забывающего подгонять особо нерадивых без малейшего пиетета ощутимыми ударами своей петушиной трости и сорванного с головы цилиндра…

Надо заметить, что Хастеру не была так уж и неприятна позиция, в которой их с герцогиней застало начало Огненного Обряда, та близость, в которой он оказался с прелестной дамой. Несмотря на то, что он всячески сдерживал напор сзади и вообще старался вести себя весьма благоразумно, он невольно думал, что во всякой неприятности следует найти нечто положительное — по закону сохранения. Во всяком случае, он только сейчас вполне реально ощутил правоту народной пословицы, что в тесноте, не значит в обиде, и очень надеялся, что его спутница тоже следует этой же мудрости.

Когда Хастер вывел даму из укрытия, в зале уже почти никого не оставалось. Какой–то господин, в котором Хастер опознал одного из своих многоюродных родственников, весьма заботливо помогал подняться с пола и вел к ближайшему выходу приятного вида молодую даму, явно мечтая, чтобы та еще раз поскользнулась, и он бы имел возможность вновь помочь ей подняться. («Не иначе вскорости свадьбе быть, — подумал Хастер. — Или, по крайней мере, я обзаведусь еще одним

незаконным родственничком».)

Он обернулся.

Бледная, однако с играющем на щеках нежным румянцем, сохранившая достоинство его спутница, ненавязчиво поправляла нечто в своем оставшемся безукоризненно девственном туалете.

Хастер быстро отвел взгляд.

— С вами все в порядке, сударыня?

Герцогиня подняла на него глаза и улыбнулась:

— Благодарю вас, вас, господин Тенедос, все в порядке. — И несколько нелогично прибавила. — Но если бы не вы, последствия могли бы быть гораздо серьезней.

Дальнейший обмен любезностями, грозящий от простой куртуазности перерасти в нечто большее, оборвал резкий ехидный голос:

— В чем дело, дети мои? Разве вы не слышали: я недвусмысленно приказал именем Короля гостям выйти в сад, где всех вас ждет еще более заманчивое приключение, чем мимолетный флирт! Или ублюдку ублюдков Императоров и так называемой Прекрасной Герцогине требуется особое приглашение?

Хастер безнадежно закатил глаза, потом состроил соответственную мину и обернулся.

Шут стоял рядом и, чуть согнувшись, смотрел искоса на зазевавшуюся парочку серыми глазами, в которых — и Хастер просто поразился этому — сквозь привычную едкую остроту просвечивало нечто другое, то, чего быть там просто не могло: то ли грусть, то ли тоска — что–то такое, отчего Хастер поспешно подхватил свою спутницу под руку и поспешил убраться вслед за публикой, которая уже разбредалась по аллеям ярко освещенного парка.

— Вы заметили, господин Тенедос? — сказала герцогиня, когда они уже спустились в парк.

— Что? — встрепенулся Хастер. — Что вы имеете в виду, сударыня?

— Н-ну, — дама замялась. — Ну, у него… в глазах… Вы понимаете?

Хастер прекрасно понял, но, помолчав пару шагов, все же ответил:

— Нет, сударыня. Уверяю вас, вам только показалось.

И они направились к своему «более заманчивому приключению».

15

Парк, являвший при дневном свете печальное зрелище, в сгустившихся сумерках казался волшебным садом из–за рассыпанных по нему разноцветных огней. Где–то в глубине внезапные всполохи фейерверков пугали отправившиеся на последнее испытание пары.

— Пойдемте, господин Тенедос, — сказала герцогиня. — Давайте поскорее разделаемся и с этим.

— Вам надоело мое общество? — улыбнулся Хастер.

— О нет, — прелестно ответила она. — Но нас ждет «Ежик в крыжовнике». Нехорошо заставлять милое животное томиться в таком неудобном месте.

Очередной мальчишка подбежал и дернул Хастера за рукав:

— Да вы не торопитесь! — возбужденно вскричал он. — Давайте, давайте, сударь! Живее! — Он потянул Хастера к начинающейся у дома главной аллее. У самого входа на нее стоял стол, освещенный мощной лампой, за которым распоряжались трое старших подростков.

— Номера? — отрывисто спросил один.

Хастер спокойно назвал номера — главное, знал он, не поддаваться навязываемому нервирующему темпу. Время еще есть, ночь еще вся впереди. К тому же не они с герцогиней были последними: довольно много пар, среди которых были люди в основном пожилые или не очень здоровые, постепенно приходили в себя от последнего переполоха, и мальчишки не только их не торопили, но даже помогали чем могли, разнося кому стопочку коньяку, кому стакан воды, кому валериановых капель. Шутовство кончилось, Арафа с достоинством провожала своих гостей на прогулку по Парку Фейерверков.

Услышав номера, подросток извлек из папки лист бумаги и протянул Хастеру:

— Прошу, сударь, приступайте, — и мотнул головой через плечо.

Хастер опять–таки спешить не стал. При свете лампы внимательно рассмотрел полученный листок и через некоторое время сказал недоуменно:

— Простите, э–э–э… молодой человек…

Другой юноша, в котором Хастер узнал будущего помощника эконома, оторвался от своих дел и заглянул в листок.

— Я… я не уверен, что понял маршрут, — сказал Хастер.

Юноша пригляделся, потом показал пальцем:

— Сначала сюда, сударь, потом сюда. Что неясно?

— И все? — поразился Хастер.

— Вы чем–то недовольны, сударь?

— Нет, что вы, — поспешил заверить серьезного юношу

Хастер. — Но как–то уж больно просто получается, вы не находите?

— Я же вам говорил, что вы не пожалеете, — сказал юноша. И подмигнул по–свойски.

Хастер посмотрел на него. Потом сказал очень серьезно: «Спасибо», и предложил руку сиротливо стоявшей рядом герцогине.

Они пошли вперед по аллее.

Отойдя на достаточное расстояние, он сказал озабоченно:

— А знаете, сударыня, похоже, наш выбор в лотерее как–то влияет на маршрут прогулки.

— Надеюсь, мы выбрали себе не самый плохой маршрут? — легкомысленно отозвалась герцогиня.

— Я тоже надеюсь. Во всяком случае, он прямой.

— Какой? — переспросила герцогиня. Но тут прямо у них под боком в кустах бухнуло, и юная дама с прытью горной серны оказалась с другой стороны Хастера, прикрываясь им от неведомой опасности, а конец ее вопроса автоматически перешел в визг: — …о–о–й-й!

— Прямой, как стрела! — прокричал сквозь громкое шипение пламени малинового фейерверка Хастер, одновременно прочищая ухо и указывая вперед — туда, где в мешанине мрака и огней скрывались ворота, ведущие из парка на вожделенную для всех испытуемых волю, — к харчевням, трактирам и кабакам предместья Арафы, Алкосы, а лично для них к заветному «Ежику в крыжовнике», к хорошему вину и вкусной пище.

— И нам не придется плутать по дорожкам Парка Фейерверков? — как–то даже разочарованно спросила уже оправившаяся герцогиня.

— Вам хочется поплутать? — с надеждой сказал Хастер.

— Нет, совсем не хочется, — улыбнулась юная дама кокетливо.

И снова ойкнула — не так чтобы испуганно, хотя и подпрыгнула, потому что почти у самых ее ног снова возник и раскрылся огненный веер.

— Я думаю, нам и на прямой дороге хватит приключений, — заключила она, когда все кончилось.

Они осторожно обошли еще один цветастый веер и остановились на развилке.

— Где–то здесь, — сказал Хастер, сосредоточенно оглядываясь, и заглянул в листок с маршрутом. — Тут нарисовано этакое маленькое солнышко. Или не солнышко? — в неверном свете то тут, то там вспыхивающих на других маршрутах огней трудно было что–либо рассмотреть точно.

— Посмотрите–ка, — герцогиня, указывала вперед, где ярдах в пяти впереди стояли солнечные часы.

— Да, пожалуй это оно и есть, — согласился Хастер. — Зачем солнечные часы в парке, где гуляют только ночью?

Они подошли и рассмотрели. На штырке, по тени которого определяют время, было зацеплено что–то черное и лохматое.

Хастер двумя пальцами приподнял это мохнатое, от чего отчетливо попахивало сажей.

— Привет от вашего трубочиста.

— Это щетка, которой чистят трубы! — воскликнула герцогиня, донельзя обрадованная своей догадливостью.

— Похоже на то, — согласился Хастер. — И что нам с этим делать?

— А дерните вы за нее, — предложила герцогиня.

Хастер с сомнением дернул, и щетка оказалась у него в руке.

А вот солнечные часы в тот же миг начали стрелять вверх ракетами. Огненные стрелы уходили куда–то в зенит, осыпая все вокруг холодными искрами, а Хастер с герцогиней глупым видом стояли рядом.

— И–и–и… и что? — вымолвил Хастер.

— Ваш листок, сударь, — послышалось за спиной.

Они разом обернулись, и герцогиня чуть вздрогнула и ухватила Хастера за рукав. Худой до невероятия длинный человек, одетый во все черное, поклонился им и протянул руку. Хастер вложил в нее листок с маршрутом. «Черный человек» положил листок на одну ладонь, хлопнул по нему другой и вернул Хастеру.

— Можете продолжать, сударь. Целую ручку, сударыня! — И «черный человек» исчез в снопе пламени, вырвавшемся у него из–под ног.

С огненным благословением они пошли вперед.

— Вот и ваш трубочист, — прокомментировал Хастер, чтобы несколько ободрить вдруг притихшую герцогиню. — Каким же окажется мой отведыватель пищи?

Скоро они увидели накрытый прямо посреди аллеи столик. На столе стояло большое блюдо различными фруктами, увенчанное невероятной красоты мерцающим грибом. По виду это была бледная поганка — с развесистой слабо светящейся шляпкой, с роскошным бахромистым кольцом на стройной ножке, обутая в изящных очертаний башмачок.

— Как красиво, — прошептала герцогиня, тут же забывшая о недавней хандре. — Возьмите его, господин Тенедос.

— Вы полагаете? — неуверенно произнес Хастер. — А она э–э–э… не того?

— О Небеса! — графиня задорно рассмеялась. — Ну так через платок возьмите, если отравиться боитесь! Мужчина вы или кто?

— Не в этом дело, сударыня, — пробормотал он, но все же осторожно тронул гриб — который тут же взорвался, окутав окрестности искрящимся зеленоватым туманом.

Герцогиня восторженно взвизгнула, а когда искрящийся туман развеялся, рядом с ними стоял человек–мухомор и протягивал руку. Хастер протянул свою. Шлепнула печать. Листок вернулся назад.

— Желаю приятной ночи, господа, — поклонился человек–мухомор, собираясь отойти в кусты, но Хастер вдруг протянул: «Э–э–э», и он замер: — Что–то не так, сударь?

— Нет, нет, — ответил Хастер. — просто я хотел спросить.

— Спрашивайте, — согласился мухомор.

— Вы… э-э… настоящий отведыватель пищи?

Мухомор хлопнул глазами и открыто улыбнулся.

— Точно так, сударь, самый что ни на есть.

— И вам… э-э… действительно доводится *все это* пробовать?

— Да, сударь. В этом заключается моя работа.

— Тогда я вам сочувствую, — с чувством сказал Хастер.

Человек–мухомор посмотрел на него.

— Благодарю вас, сударь.

— Бедняжка, — присоединилась к Хастеру Прекрасная Герцогиня. — А вам не бывает страшно?

— Иногда да, сударыня, — ответил человек–мухомор серьезно. — Но еще не было случая, чтобы я помер.

— Вы мужественный человек!

Отважный отведыватель благодарно поклонился, а когда он выпрямился, в руках у него были два огромных румяных персика. Он протянул их молодым людям:

— Прошу вас, угощайтесь. — Герцогиня и Хастер не смогли ему отказать. — Это вкусно и совершенно безопасно, — заверил он и исчез в ночной мгле.

К недалеким уже воротам они так и вышли с персиками в руках, почему–то так и не решившись их отведать.

Страж Ворот, заглянув в листок, открыл Ворота, оказавшиеся всего лишь калиткой в одной из створок настоящих замковых ворот, поблагодарил за небольшое вознаграждение и в ответ поздравил их с Новым годом — это для всей остальной Империи Новый год наступит с первым лучом рассвета, а у гостей Арафы иначе: для них Новый год начинается в тот миг, когда они после церемонии Огненного Испытания в Парке Фейерверков проходят через Ворота.

Ворота лязгнули за спиной. Закрылись.

И тут же к ним подскочил человек с подносом, на котором стояли два высоких фужера.

— С Новым годом, сударь! С Новым годом, сударыня! — вышколено согнулся он в поясе.

Хастер поднял свой бокал, привел его в нежное соприкосновение с бокалом Прекрасной Герцогини, они с удовольствием выпили — и, рассмеявшись, разом разбили фужеры о кованные железами ворота.

На счастье!

С галереи, идущей вдоль внешней стены замка, зааплодировали — не то им, не то по случаю какого–то особо выдающегося фейерверка. Вид на парк с галереи открывался великолепный, и предприимчивые жители Алкосы в новогоднюю ночь расставляли на ней столики и продавали места желающим поглазеть, а от желающих поглазеть в Ночь Фейерверков, как здесь ее называли, отбоя не было.

Хастер бросил на поднос несколько монет, и слуга, обернувшись, подозвал извозчика. Хастер помог герцогине усесться, накинуть на себя меховую полость, ощутив с опозданием, как они оба продрогли, и велел вознице везти их в трактир «Ежик в крыжовнике».

Вот теперь они, наконец, могли съесть персики. Человек–мухомор не обманул — персики действительно оказались сочными и сладкими.

Было весело, и Хастер из озорства попробовал даже разбить косточкой один из пролетающих мимо фонарей, но не попал, и совсем скоро экипаж остановился у двухэтажного каменного дома, на котором, освещенная разноцветной гирляндой, висела вывеска, изображающая скорее дикобраза, чем ежика, но все равно весьма гармонирующего с шипастыми кустами, на которых болтались ягоды размером с добрый арбуз, и, вопреки опасениям герцогини, симпатичное животное чувствовало себя здесь вполне комфортно.

Хастер расплатился с извозчиком, без запроса сунув ему три золотых, сунул в карман изрядно отощавший кошелек и открыл перед герцогиней трактирные двери.

Внутри оказалось на удивление пусто и даже как–то не очень похоже на трактир. Они удивленно оглядываясь вошли в зал, где стояли столы и скамьи, и остановились, отогреваясь, возле разожженного камина.

— Может быть, мы не туда попали? — спросила герцогиня.

— Вряд ли, — ответил Хастер. — Вряд ли в округе есть еще одно заведение с таким экзотическим названием.

На голоса откуда–то из–за стойки появился хозяин. Вид у

него был какой–то неприветливый, но он все–таки поздоровался и мрачно, будто по обязанности, поздравил гостей с Новым годом, после чего, спросил подозрительно, заказывали ли господа столик заранее, а если нет, то у него на сегодняшнюю ночь все места расписаны и нет ни одной свободной комнаты, так что не обессудьте, но…

— Кгхм! — строго прервал бухтение хозяина Хастер. Оно стихло. — Для нас с герцогиней Садал… — И хозяин преобразился, засуетился, схватил со стола подсвечник и предложил милостивым господам следовать за ним, потому что герцог Садал, конечно же, предупредил его, что желает встретить Новый год именно в его трактире, и снял даже полностью весь трактир на всю ночь, и для него уже приготовлена Розовая гостиная, самая лучшая, и, хотя сам герцог еще не прибыли, но гости его уже собираются и дожидаются, так что если сударь и сударыня, простите, что вас сразу–то не признал, так похорошели, да и добрый знак это, к богатству, люди говорят… если сударь и сударыня позволят, он их проводит… собственно, вот он уже и привел их, вот сюда, пожалуйте…

Обещанная Розовая гостиная, если это была действительно она, оказалась просто комнатой — просторной, большой, но всего лишь комнатой, не более, — освещенной только пламенем камина да светом из раскрытых дверей другой комнаты — более просторной и ярко освещенной, где действительно виден был накрытый к ужину стол на десяток персон. Гостей, однако, было всего двое: расположившийся в кресле у камина мужчина в простом коричневом сюртуке, показавшийся чем–то неуловимо знакомым Хастеру, и вовсе незнакомая девушка в довольно скромном платье, сидящая у огня на низенькой табуретке и подкладывающая дрова.

Хастер приостановился на пороге и не сразу поклонился, настолько эти двое не вписывались в нарисованную им в воображении компанию герцога Садала; ему снова показалось, что на сей раз сам хозяин что–то перепутал. Однако его спутница прошла в комнату безо всякой задержки и сказала приветливым и веселым голосом:

— С Новым годом, дорогие господа!

Мужчина едва заметно кивнул, а девушка в скромном платье встала навстречу юной даме и сказала:

— Вы так быстро управились? Я полагала, ты придешь позже, Наора.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
СПЕЦХРАН

ГДЕ КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА:
ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

продолжение 3

— Не стрелять! — рявкнул Гайал, но его приказ опоздал.

Три болта одновременно сорвались с арбалетных лож, но в цель попали только два из них — кто–то из его ребят успел среагировать на приказ командира или сообразил сам, — и пущенный одним из егерей болт вонзился в балку перекрытия под потолком.

Пораженное прямо влет тело резко изменило траекторию полета, пролетело по инерции еще пару ярдов и грохнулось на ковер, возле невезучего сегодня егеря–лейтенанта, и скрюченные пальцы не вцепились ему на шею, куда, собственно, целили, а заскребли по полу.

Раненый дико верещал и катался по полу, суча всеми конечностями, как припадочный в приступе падучей.

Все охотники изумленно смотрели на него, но никто почему–то не бросился на помощь. Или просто не бросился, чтобы прекратить эту жутковатую пляску агонии, пока она сама не затихла — то ли от болевого шока, то ли…

— Ибри! — приказал Гайал, — Займись! Лейтенант, помогите ему. — «Вот проклятье, как же его зовут? — промелькнуло в голове. — Надо бы спросить…» — промелькнуло и тут же забылось: — Еранс — к двери, держать коридор!

Он смотрел, как Ибри, быстро подхватив обмякшее тело, перетащил его на диванчик. Потревоженный раненый верещал и дергался. Ибри, чуть слышно поминающий Аху и прочую нечисть, колдовал над его продырявленным ухом, а бледный от случившегося лейтенант придерживал голову и прижимал к дивану щуплое дергающееся тело, необыкновенно сильное для таких размеров.

Сзади тихонько переговаривались егеря.

— Надо же, — озадаченно и виновато бормотал кто–то, — Ведь честное слово не собирался стрелять, палец сам сработал.

— Ну да, у меня тоже. Не пойму как это получилось…

— Думать надо, прежде чем спуск жать!

— Инстинкт, — растерянно оправдывался первый.

Слушая их, поручик внутренне усмехался. Ох, Охота, Охота. Дети, ей-Небеса! Ну дети малые. Чему их там в их элитной Академии Охоты учат? Их бы к майору в подвальчик, или на «пикник на обочине» — мигом бы про все инстинкты позабыли! Махом все старые инстинкты и рефлексы повыбили бы и новые наработали. Вот поставить кого–нибудь из вас спиной к дергающемуся в самый неподходящий момент к «силуэту», который называется не больше не меньше «Шут Императора», да сразу же после команды «выстрел!» в самый последний момент разворота рявкнуть над ухом что–нибудь вроде: «Пощекочи справа!», «Стреножь!», «Он левша!», «Прикрылся ребенком!» или «Ты ранен в плечо!», а то и в то же плечо тебя толкнуть или выстрелить над ухом из аркебузета, так что выстрел приходилось производить уже в падении да к тому же оглушенным… Это называется у майора Гиеди невинными шуточками, «получить вводную» это называется. Обожает майор такие штуки. И попробуй только промазать хотя бы по силуэту или еще хуже — попасть «Шуту» в голову!.. Впрочем, «Шут» потому и назывался Шутом, что мог устроить и сам какую–нибудь каверзную шутку и не знаешь какую в этот раз — майор самолично каждый раз его настраивал, не догадаешься, так что попасть в него надо было еще суметь и без вводной. «Я вас учу стрелять, господа агенты, — говаривал он. — Стрелять, а не убивать — на то, чтобы убивать, у Империи есть войска. Стрелять не для того, чтобы обезвредить — на это у Империи есть Охота. Я вас учу стрелять, чтобы не просто остаться в живых — для этого вообще ума не надо, а надо умение. Я вас учу стрелять, чтобы живы остались все: вы, ваш противник и те, кого вы должны защищать, — а для этого нужно и умение, и ум, и кое–что другое. Вы не солдаты и не егеря. Вы — агенты ОТК. Это тут вы стреляете по мишеням. А в деле вы сами должны стать мишенью, но мишенью половчее нашего обожаемого «Шута». Не вы должны стрелять — это я допускаю, но не на поражение, — а в вас должны стрелять; не вы должны убивать — это я допускаю только в самом крайнем случае, — а вас должны хотеть убить. Вы должны работать мишенью, в которую никогда никто не может попасть. И если вы скажете, что это невозможно, то вот перед вами живой пример», — и майор указывал на свою персону. Что верно, то да. Майор не страдал излишней скромностью, но и не преувеличивал. Сколько на его совести было захватов, поручик точно не знал, но ненужных трупов на майоре не было — это точно. Однажды во время «загородной прогулки» — или «пикника необученных», как это мероприятие называл сам майор, — он, услышав краем уха чью–то реплику о невыполнимости задания, устроил его экипажу показательные учения и один с двенадцатью,

по числу агентов в работе, боевыми болтами в кассете, в течение двух часов играя роль дичи, вывел из строя всех до единого. Не «убил» и даже не «ранил», а только продемонстрировал ранения, попадая между пальцами рук, выбивая арбалеты и так далее, связывая и аккуратно раскладывая охотников возле стеночки всех по очереди. Сам Гайал тогда оказался только девятым, чем особенно гордился…

Если егеря гордились количеством заваленных Охотой злодеев, то Коллегия гордилась тем, что за всю историю существования отдельной роты агентов ОТК смертельные случаи во время захватов исчислялись единицами, буквально пальцами одной руки. Не считая, конечно, специально оговоренных случаев, когда работа шла на убой, но такого Гайал не помнил. Увы, потерь среди агентов бывало больше. Но за все время работы Гайала, а это уже без малого шесть лет, ни в одной операции убитых агентов не было. А вот отсев шел огромный. И уходили люди в те же егеря, где их брали практически без разговора.

Егеря их называли в шутку «вооруженными пацифистами» или «милосердными братьями–поручиками со шприцами дальнего боя» — это потому, кстати, что аптечки у них считались неотъемлемой частью боекомплекта, но при всех условиях первая помощь в первую очередь оказывалась не себе, а тому, в кого стреляешь или кого защищаешь.

Как вот в этот раз.

Он вздохнул. Придется опять делать внушение. На сей раз всем.

Гайал резко обернулся, и все затихли.

— Кто дал команду стрелять? — произнес Гайал. — Руки чешутся, господа егеря? Пойдите вон в парк, ворон постреляйте. Привыкли сначала спуски жать, а только потом рассуждать? Была дана четкая установка: трупы не нужны.

— Так не убили же, — сконфуженно оправдался один. Гайал проигнорировал его и продолжал бушевать:

— Испугались, господа егеря? Себя пожалели? — он нарочно говорил оскорбительно. — Вы здесь не для того, чтобы себя жалеть, а чтобы живыми — живыми, повторяю! — брать любого, кого встретите. Самим живыми остаться, конечно, но — по возможности. Или вас этому в Охоте не учили?

— Нас учили стрелять, когда на тебя нападают, — буркнул другой.

— А потом думать, — закончил Гайал язвительно. — А нас учили работать так, чтобы потом не было стыдно за бездарно холодеющие трупы, — выдал Гайал и сам себе удивился: «Во сказанул! Надо будет запомнить, потом сказать майору. Он такие

сентенции обожает»: — Рвануть спуск, чтобы попасть в монету, и обезьяна может, а вам оружие не для того, чтобы убивать, дается. А если бы это был заложник?

— Где вы видите трупы? — возразил первый и покосился на диван, а второй тихо буркнул, вспомнив, по–видимому, какую–то шутку:

— А если бы он вез патроны…

— Молчите уж, лейтенант! Поручик прав, — оборвал его третий егерь, старший в команде. — По окончании операции доложим генералу и схлопочем по выговору.

— Какого Ахи, капитан! — возмутился второй. — Это же даже…

— Я сказал, лейтенант! — тихо приструнил капитан. — Мы работаем под командой ОТК и должны подчиняться их правилам.

— Спасибо, капитан, — сказал Гайал, хотя, возможно, и не следовало. Из вредности. Но решил, что капитана поддержать следует. — Капитан и вы, лейтенант, — идите дальше. Нам осталось только осмотреть подъемник, но, думаю, «правая» группа наверняка уже там. Если у них все тоже чисто, то доложите о задержке и о том, что мы возвращаемся.

Капитан кивнул, и они исчезли за дверью. Наверное, с обидой. Все правильно.

Гайал посмотрел на суетящихся возле дивана капрала и лейтенанта:

— Ну, как там дела, Ибри?

— Порядок, господин поручик, — сказал с улыбкой Ибри, разгибаясь. — Жить будет.

Лейтенант, который во время маленького межведомственного конфликта разумно придерживался нейтралитета (ведь он–то не выстрелил, а значит ему выговор не грозил), вздохнул и сказал, все равно извиняясь:

— Откуда он взялся? Я ведь, кажется, все осмотрел.

Гайал вздохнул. Нет, все же слава Охоты преувеличена. Правда, никто не мог ожидать такого.

— Ничего, лейтенант, бывает. Мы же рассчитывали найти людей, а не орангесов. Хотя и об этом тоже можно было догадаться, мало ли кого содержат у себя люди.

Он взглянул на коричневый комочек, скорчившийся на диване. Бедное животное еще не пришло в себя от потрясения и легонько поскуливало самым жалостным образом. Орангес, маленькая коротколапая обезьянка с большущими ушами, одно из которых было сейчас накрепко прибинтовано к большой круглой голове (второй болт ранил попал бедняге в ногу, и эта рана была посерьезней простреленного уха), покорно лежал на

диване и умилительно смотрел на окружавших его больших людей несоразмерно огромными влажно–карими глазами. Росту в орангесе было едва два фута, и уши, каждое дюймов по пяти в диаметре, особенно выделялись; за это орангесов иногда звали ухокрылами. Наверное, он притаился на занавеске под самым потолком и сидел там — излюбленное место орангесов. Это косвенно опять же доказывало, что людей отсюда скорее всего уводили, и пугливый зверек спрятался от незваных гостей — орангесы отличаются не то чтобы трусливостью, но большой осторожностью с чужаками. Зато они были, есть и будут замечательными охотниками за всякой ночной мелочью — крысами, мышами, насекомыми. Вот и тут орангес, похоже, промышлял тем же. Значит, он мог быть не одинок, надо учесть и это. Интересно, чем его привлек именно лейтенант?

— Скажите, лейтенант, у вас дома тоже есть такой? — спросил Гайал.

Парень улыбнулся.

— Так точно, господин поручик. Дочка с ним играет.

— Ага, — согласился Гайал. Так и есть. Запах собрата, наверное, учуял. — Ну, значит, вам его и нести, — заключил Гайал.

Укладывающий аптечку Ибри незаметно усмехнулся, а лейтенант захлопал глазами. Но Гайал уже отвернулся, потому что в дверь вошли капитан егерей и командир «правой» группы Легир, а следом и сама группа. Все с любопытством уставились на злосчастного лейтенанта, разглядывая устроившегося на его руках зверька. Тот, как маленький ребенок, обхватил его всеми своими тремя здоровыми конечностями и сопел, уткнувшись в плечо и опасливо косясь по сторонам.

— Что у тебя, Гайал? — ехидно поинтересовался Легир. — Никак «языка» взял?

— Ну вы–то, чувствуется, и того не нашли, — парировал Гайал.

— Это верно. Ни души, — ответил Легир уже серьезно. — Похоже, всех куда–то забрали, как полагаешь?

— Полагаю так же, — ответил Гайал. — Возвращаемся вместе?

Командир «правых» согласно кивнул.

Когда выходили, Гайал остановил лейтенанта с орангесом в дверях:

— Э–э–э… лейтенант, что–то я хотел спросить…

Лейтенант приостановился весь во внимании, но тут Гайала окликнул из коридора Легир:

— Гайал, иди–ка сюда!

— Ладно, потом, — махнул Гайал рукой и вышел, так и не узнав, как же того зовут.

ТЕ МЕСТА:
«ЕЖИК В КРЫЖОВНИКЕ»

16

Хастер замер. Что такое? Наора? Почему Наора? Что за дурацкое имя! Насколько он знал, Прекрасную Герцогиню звали Ксанта!.. И это неуместное подчеркнутое «ты» — ведь невооруженным глазом видно, что девица далеко не ровня его спутнице. Хастер насторожился. Он быстро глянул в сторону господина у камина, будто надеясь, что тот придет ему на помощь, но гость герцога продолжал расслабленно сидеть, почти отвернувшись, задумчиво глядя на огонь, как будто вокруг и вовсе ничего не происходило, а не то что происходило нечто необычное; и снова он показался Хастеру знакомым — неуловимо, но несомненно знакомым, хотя Хастер не мог на фоне пламени толком разглядеть ни лица, ни даже фигуры. Что ж, тогда ничего другого не остается, как тоже ничего не предпринимать, помалкивать и не совершать лишних телодвижений, пока хоть что–то не выяснится.

Тем временем юная дама, которую Хастер привык почитать за Прекрасную Герцогиню, что–то едва слышно сказала девушке, и та ответила нарочито громко:

— Нет, план изменился, — она почти по–хозяйски повела рукой: — Проходи, грейся, скоро ты все узнаешь.

Мнимая Прекрасная Герцогиня поднесла руки к лицу, словно бы стирая с него что–то, судорожно, в несколько вдохов втянув в себя воздух, выдохнула и опустилась в свободное кресло. Она обвела глазами комнату, чуть задержала взгляд на Хастере, потупилась, перевела взгляд на девушку в сером и улыбнулась. Как показалось Хастеру, с облегчением.

Девушка в сером тоже посмотрела на него:

— Прошу вас, сударь, проходите.

Хастер еще не решил, как себя вести в данной ситуации. Он бы с удовольствием подождал здесь, у двери, — или вообще где–нибудь в другом месте — пока что–нибудь прояснится, но тут в дверях комнаты–столовой возник еще один знакомый силуэт, и голос, такой неожиданный здесь и сейчас, что Хастер даже вздрогнул всем телом, произнес:

— Проходи, проходи, вьюнош, не стесняйся! — Силуэт в дверях качнулся, исчез; где–то там звякнуло стекло о стекло, ритмично забулькало, и Шут Императора вышел в гостиную и

подошел почти вплотную к Хастеру. В одной руке у него была игриво блеснувшая от огня камина большая стопка, в другой бутерброд. Смотревшие в упор глаза Шута тоже блестели: то ли в них бегали чертики, то ли плясали огоньки каминного пламени.

— Что опешил, ублюдок? Давай–ка дерни водочки! — скомандовал Шут и замер с вытянутой к Хастеру рукой.

Хастер посмотрел поверх сунутой под самый нос налитой всклинь стопки прямо в эти огоньки–чертики, но увидеть за ними что–то было невозможно. Что ж, дернуть водочки в такой ситуации не худшее предложение. Главное — вовремя сделанное.

Хастер протянул руку, на мгновение ощутил горячие сухие пальцы, принял из них стопку и дернул. Выдохнув, он сунул в рот протянутый бутерброд и зажевал.

— Вот и славно! — объявил Шут радостно. — Вот и с Новым годом! — Он моментально исчез из поля зрения Хастера, скользнув назад, в столовую.

Хастер скосил глаза на господина в кресле: неужто и этот окажется каким–нибудь «приятным» сюрпризом? Но нет, меланхоличное лицо господина в кресле, которое он повернул сейчас к нему, надо полагать, чтобы полюбоваться, как Хастер «дернет», это, можно заметить, весьма приятное и породистое лицо, обрамленное гладко причесанными длинными волосами и очень гладкими усами с аккуратными подусниками, никого не напомнило, вот разве глаза… Нет, все–таки показалось. Скорее уж это можно объяснить воздействием шутовской водочки; в голове уже чуть зашумело. Или все–таки… Цепкие такие глаза, холодновато–любопытные, испытующие, как у…

Странную, однако, компанию подобрал герцог для встречи Нового года.

— Ну, согрелся? — Хастер снова вздрогнул — Шут был уже снова тут как тут, и снова в его глазах ничего нельзя было рассмотреть под чертиками–огоньками. Но вот в голосе… В голосе проявилось что–то, что напомнило совсем недавнюю сцену на пороге залы главного павильона Арафы, перед самым испытанием: — В надлежащее время, — сказал этот голос, — все тебе будет объяснено. — И голос тут же стал прежним: — А пока пойди, пойди, поешь… Тарелки овсянки–то такому мулодцу надолго ли? — Шут бесцеремонно подталкивал Хастера в сторону двери в столовую.

Хастер не очень–то и сопротивлялся — чем это был не выход?

А из гостиной снова доносился голос Шута:

— А ты, сударыня? Откушать как, не хочешь?

— Нет, сударь, — ответила девушка. И голос ее был спокоен.

— А ты все равно иди поешь, — продолжал настаивать

шут. — Мало ли, как оно все дальше–то обернется.

До Хастера донесся шелест одежды — девушка встала и шла в столовую.

— Эй! Звать–то тебя хоть как, красотуля? — окликнул Шут резко.

— Наора, сударь, — голос ее прозвучал без малейшего смущения.

— Вот и умничка! — похвалил Шут, и девушка вошла в столовую, где Хастер, лишь мельком глянув на нее, привычно пододвинул ей стул, обождал, пока она сядет, и опустился на другой.

Следом появилась и девушка в сером. Аккуратно прикрыв за собой дверь, она сразу же захлопотала о глинтвейне для Наоры, начала предлагать какие–то блюда с другого конца стола Хастеру, и он понял, что был прав в ее отношении — служанка, не более того.

Он усердно ел и украдкой присматривался к своей бывшей спутнице. Просто удивительно, как он мог так ошибиться, принимая ее за Прекрасную Герцогиню! Конечно, они похожи — а в то же время если герцогиня очаровательна, то девушка Наора по–настоящему красива; если герцогиня по–детски непосредственна и как будто наивна — то девушка Наора действительно проста и естественна; если герцогиня…

И тут до Хастера дошло, что он сравнивает двух Наор — Наору в роли герцогини и Наору в роли самой себя, и он перестал этим заниматься. Он усмехнулся. О том, во что он, собственно, вляпался по неведению, не думать не хотелось — просто «дернул» еще водочки и как следует закусывал; помогло. Ну и что, что все это было похоже на заговор? На заговор, в котором одной из ключевых фигур был Шут Императора — а это не последняя, судари мои, фигура при Дворе. В котором участвовал герцог Садал — тоже далеко не последняя пешка в политике, знаете ли. В котором участвовали, кроме всего прочего, две девушки — ну, эти–то пешки, пожалуй. В котором присутствие Прекрасной Герцогини в замке Арафа кому–то и почему–то мешало. В котором оказался замешан студент Политеха Тенедос Хастер — только он не знал, зачем и в чем замешан. Который непонятно чем кончится — но вот об этом пока лучше не думать вовсе…

Хастер «дернул» еще и, занявшись куриной ножкой в пикантном соусе, услышал, как Наора, видимо, все же немного нервничавшая, положив вилку, спросила чуть резко:

— Ты не объяснишь мне, что происходит, Алики?

— Сама толком не знаю. — Девушка в сером, которую девушка Наора назвала Алики, сидела в самом конце стола,

уперев локти в столешницу, подбородок положив на сложенные ладони, и смотрела на пламя свечей.

— Где Рет — Ратус? — снова спросила Наора.

— Понятия не имею, — был ответ.

— А кто тот господин в кресле?

— Не знаю, — сказала Алики. И уточнила: — И кто второй — тоже не знаю.

— Второй — это Шут Императора, — сказала Наора.

— Надо же! — восхитилась Алики. Она оторвала взгляд от свечей и глянула на Хастера. Хастер жевал курочку и разглядывал узоры на скатерти.

— А этот господин, — с некоторым вызовом сказала Наора, — Внук Императора, господин Тенедос.

Хастер поднял глаза и посмотрел поочередно: сначала на Наору, потом на Алики.

Алики поспешно встала и сделала быстрый реверанс:

— Прошу прошения, ваша светлость.

— Да что вы, — любезно отозвался Хастер, — я так просто господин Тенедос, без «вашей светлости». — Кажется, и на него обратили внимание. Что ж… — Красивые девушки могут называть меня просто Хастер.

— Я не смею, господин Тенедос, — быстро ответила Алики. — Я даже не дворянка.

Хастер взял со стола бутылку вина, посмотрел на этикетку, и самолично разлил вино по бокалам. Он понимал, что уже немного пьян, но события последних нескольких часов требовали от него некоторого расслабления. Ибо, как гласит одна из основных студенческих заповедей: «Если ты попал в неприятную ситуацию и ничего не можешь поделать, то расслабься и постарайся выжать из нее максимум удовольствия»; сию мудрость приписывали таинственному мудрецу — или пророку, это как кому нравится, — Арканастру, и Хастер предпочитал ей следовать. Тем более, что его ситуация была не столь уж неприятной. Вот: две симпатичные, пикантные девушки рядом, вкусная еда, довольно таки изысканные напитки — так почему нет?

— Давайте выпьем за знакомство! — провозгласил он как можно сдержаннее. Получилось не очень. — Меня зовут Хастер, я студент, а в эту историю попал непонятно как.

— Меня зовут Наора, — привстала в книксене бывшая Прекрасная Герцогиня, — я актриса, а в эту историю я ввязалась за деньги.

— Меня зовут Алики, — не менее изящно повторила ее движения девушка в сером, — я мещанка из Берстара, а в эту

историю попала, сбежав из дому.

Хастер довольно хмыкнул. Вот как!.. Он медленно выпил свое вино, почему–то до неприличия внимательно рассматривая «серую» девушку. И вдруг вспомнил!

— А я вас, похоже, видел! — воскликнул он. — Ваше лицо сразу показалось мне смутно знакомым. Я недавно проезжал через Берстар, и… — Он замолчал, потому что вспомнил точно. Он звонко хлопнул себя по лбу: — Небеса! Вчера, на Тополиной дороге! — И тут же подумал, что алкоголь сыграл с ним злую шутку: — Простите, сударыня, — он привстал в поклоне, — я, кажется… вы не подумайте…

— Могли бы и вы не подумать… о Тополиной дороге, — обиженно сказала Алики. — Даже если бы это и было правдой. А вообще–то я ездила на Карамельную мызу.

Наора удивилась:

— На Карамельную Мызу? Зачем?

От Хастера не ускользнуло, как девушка едва заметно смутилась, словно сказала что–то лишнее, и ответ девушки подтвердил его подозрения.

— Это долгая история, Наора, — сказала Алики чуть поспешно. — Я потом тебе расскажу. — Она встала. — И вообще, вы оба, наверное, хотите отдохнуть?

— Пожалуй, — Наора тоже чуть натянуто зевнула.

— Отвести тебя в спальню? — радостно предложила Алики.

— Ты здесь совсем как хозяйка, — заметила Наора, не поднимаясь с места.

— Да уж успела оглядеться, — засмеялась Алики. — Я здесь с утра. Рет — Ратус велел в его отсутствие принимать гостей, развлекать их разговором и угощать.

Наора встала.

— Вы не будете возражать, Хастер?

Хастер тоже поднялся, всем видом показывая, что не против.

Алики взяла со стола подсвечник и повела подругу наверх по винтовой лестнице, которая находилась тут же, в углу столовой.

Оставшись один, Хастер задумчиво подцепил кусок ветчины, сунул в его рот, встал и прошелся по столовой. Дверь в гостиную оказалась приоткрытой, и он заглянул в нее. Там в тишине, нарушаемой только потрескиванием дров в камине, таинственный господин в коричневом костюме лениво ковырял кочергой в углях; на его прямых гладко причесанных волосах отблескивали огоньки. Шут был тут же — скорчился в странной позе в соседнем кресле, где до того сидела Наора; ноги его были вытянуты к огню, голова низко склонена, словно он задремал, а рука, свешиваясь с подлокотника, безвольно покачивалась. Хастер

вернулся к столу, съел еще ветчины, взял со стола бутылку и посмотрел ее на свет. Вина оставалось еще около половины. Вертя в руках бутылку, Хастер попробовал поразмышлять над ситуацией, но думать ни о чем не хотелось, а хотелось спать.

Он вздохнул и поставил бутылку.

Наверху лестницы скрипнула ступенька. Хастер поднял глаза — это была Алики. Она стояла и смотрела, перегнувшись через перила, на него.

— Господин Тенедос, — окликнула она негромко, — а вы не желаете отдохнуть?

— Очень даже желаю, — не стал спорить Хастер.

— Тогда идите сюда, — пригласила девушка. — Весь этаж в нашем распоряжении.

Хастер пошел было на зов, но вернулся и прихватил полупустую бутылку.

Он поднялся наверх. Девушка поджидала его тут же. В начале темного коридора, заканчивающегося окном, за которым вспыхивали сполохи далеких фейерверков, на мраморной полке еле теплилась лампочка–ночничок. Алики открывала шкафчик под полкой, на крючках, вбитых в дверку с внутренней стороны, висели ключи. Крючков было шесть, по числу дверей в коридоре; первый был пуст, со второго Алики сняла ключ сейчас и протянула Хастеру:

— Пожалуйте, господин Тенедос.

— Хастер, — поправил Хастер.

— Господин Хастер, — поправилась она и сделала легкий быстрый книксен. — Свечи и спички вот здесь, на шкафчике. Зажечь?

— Спасибо, справлюсь сам.

Алики сошла вниз, а Хастер поставил бутылку на полку рядом с ночником и стал открывать свою дверь. Он распахнул ее, постоял на пороге темной комнаты, качаясь с носка на каблук и заложив руки за спину.

Спать резко расхотелось, но может быть, поможет вино?

Он протянул руку за бутылкой, когда вдруг дверь напротив открылась, и Наора, не замечая его, босиком пробежала к шкафчику, нашла там спички и, только обернувшись, вздрогнула.

Они смотрели друг на друга через коридор.

— Ой, а у меня свеча погасла, — сказала она наконец ненужно.

Хастер не сказал ничего, но от его взгляда Наора невольно подалась назад.

— Мы не пожелали друг другу спокойной ночи, сударыня, — услышала она его голос.

— Спокойной ночи, сударь, — сказала Наора, как послушная девочка.

Она обошла Хастера и взялась за ручку двери.

— А я полагал, что после событий сегодняшнего вечера мы заслужили хотя бы один поцелуй, — донеслось из–за ее спины.

Она, не обернувшись, качнула головой и крепче сжала ручку.

Крепкие пальцы осторожно взяли ее за локоть свободной руки, той, в которой был зажат коробок спичек, не сильно, но настойчиво заставили ее повернуться.

Наора смотрела в пол.

— Один поцелуй, — услышала она. — Всего…

Она замерла.

Хастер склонился над ее лицом; она закрыла глаза. И почувствовала запах — не то чтобы приятный или неприятный, но чужой. Его губы легко прикоснулись к ее губам. Она хотела отпрянуть, считая, что поцелуй исполнен, но он неожиданно крепко обнял ее, и его язык проник между ее губ. Она ощутила вкус — чужой, незнакомый вкус у себя во рту.

Он оторвался от ее рта и немного отстранился, все еще держа ее в объятиях.

Она стояла, не в силах сдвинуться с места; лицо было запрокинуто, а глаза закрыты. Возможно, мгновение спустя она сумела бы освободиться от наваждения и стала бы вырываться, но он снова наклонился к ее губам, и опять его язык, уже более смело, проник в рот.

Словно во сне, будто не осознавая, что делает, она прижалась к нему, и ее руки легли на его бедра. Тогда, не отрываясь от губ, он слегка качнул ее в темноту комнаты, принуждая отступить, сам шагнул вперед и притворил дверь.

Какое–то время они так и стояли в узком углу простенка, прижимаясь друг к другу и почти не отрывая губ. Ее язык стал почти таким же смелым, как его; чужое опьяняло, заставляя вести себя так, как хотелось ее телу. А телу хотелось поцелуев, телу хотелось прижиматься бедрами… но более всего телу хотелось обнаженными кончиками грудей прикоснуться к нему, потереться о его одежду; она просто чувствовала, что ее груди под платьем, под тонким бельем обнажены, но прикосновения привычной одежды сейчас ей было недостаточно; остро хотелось большего, и она, потеряв всякий стыд, шепнула ему в промежутке между поцелуями: «Погоди» и легонько оттолкнула его, высвобождаясь из его объятий. Подрагивая от нетерпения, она потащила с себя платье и швырнула куда–то в сторону. Прислушиваясь в темноте к звукам и догадавшись, он снова поймал ее в объятья и поцеловал куда пришлось; пришлось в шею под левым ухом. Она

слегка отстранилась и потянула через голову лифчик, радуясь тому, что за последний год изрядно отощала и у нее нет необходимости затягиваться в корсеты. Теперь можно было спокойно отдаваться удовольствиям: целоваться и прижиматься к нему грудями, кончики которых в прохладе спальни напряглись и стали тугими. Однако у него были иные планы, и он повлек ее к едва угадываемой в темноте кровати, и они рухнули на перины, оба засмеявшись от неожиданности.

Она подвинулась, давая ему место рядом с собой, будто не догадываясь, зачем ему это нужно, и они снова поцеловались — долго–долго; и она наслаждалась вкусом чужого во рту, и чувствовала, что его рука гладит ее по животу, по бедру — и, собственно, даже не столько гладит, сколько пытается снять с нее кружевные панталончики. Она чуть приподнялась, помогая ему, смешно и неловко брыкнула ногами, скидывая; вместе с кружевным бельишком улетел один чулок, а второй каким–то чудом остался на ноге, и она подтянула ногу, чтобы освободиться… но тут он вдруг как–то перекатился и оказался над ней, и она почувствовала, что его рука — нет, уже не рука! — касается нежного местечка меж ее ног.

…И вот уже не просто касается.

Она скорее удивилась, чем испугалась, замерла, потому что не хотела помешать ему, и не двигалась, прислушиваясь к ощущениям. Боли не было, а девчонки в Пансионе, рассказывая об этом, говорили, что будет очень больно, как будто много понимали в этом, глупые… И не было особенного, ни с чем не сравнимого удовольствия, о котором как–то проговорилась Теона, рассказывая об очередном любовнике («Я кричу от наслаждения, а он мне рот затыкает: соседи, мол, услышат… Ой, малышка, да рано тебе еще знать об этом…»)

Было скорее неудобно, причем неудобство было многосторонним: было неловко лежать как бревно, когда он так трудится, бедняга; было неудобно лежать в такой позе, а подушку под спину не подложить; и было еще много мелких неудобств самого разного характера, например, от чулка, щекочущего лодыжку…

Потом он перестал двигаться, остановился, весь потный, потянулся поцеловать ее — благодарно — и лег рядом, держа ее ладонь в своей ладони. И ей было мало этого невинного прикосновения; она положила ему голову на плечо, и он дотронулся до ее волос и опять поцеловал нежно–нежно. От нежности у нее покатились из глаз слезы, а он подумал, что она плачет от боли и обиды, и начал утешать ее, гладя по волосам и целуя слезинки, тепло шепча в ухо о любви и прося прощения; и

она сказала: «Я тебя люблю», села, несильно оттолкнув его, потому что готова была разрыдаться от счастья…

Он тронул ее руку, она дрогнула, но руки не отняла; он тоже сел, обнял ее за плечи, чуть притянул к себе и поцеловал в висок. Она, затаив дыхание, слегка отвернула лицо. Он молча посидел минуту, потом вздохнул и сказал:

— Подожди немного, маленькая. Я сейчас…

Он встал, торопливо привел в порядок одежду, чуть приотворил дверь, украдкой выглянул в коридор — никого не было, а дверь его комнаты так и осталась распахнутой, — вышел и на каменной полке увидел забытую бутылку. Он обрадовался тому, что не надо спускаться вниз, открыл шкафчик, взял коробок спичек, не забыл и бутылку, на обратном пути прикрыл дверь в свою комнату, и вернулся к ней. В темноте он на ощупь пристроил бутылку на тумбочке у кровати, чиркнул спичкой, посветил, разыскивая подсвечник, нашел его тут же на тумбочке и поджег свечу; в углу на столике под зеркалом стоял еще один канделябр, о трех свечах, зажег и его.

Наора молча смотрела на его действия.

Хастер нашел на столике под зеркалом тонкий стакан, стоящий рядом с кувшином с водой, перенес на тумбочку, наполнил наполовину вином и, сев на кровать, протянул Наоре.

Наора сделала несколько глотков, посидела, выдохнула, и вернула стакан Хастеру. Он допил, потянулся к бутылке, вылил в стакан остаток вина и опять протянул Наоре. Она сделала глоток и отдала ему.

— Я не проститутка, — вдруг сказала она.

Хастер молча вертел в руках стакан, глядя на свечу сквозь вино.

— Я так и подумал, — сказал он.

— Я не знаю, что со мной произошло, — проговорила она, не слыша его. Она посмотрела на свои руки, будто видела их впервые. — Это я?

Хастер поднял на нее глаза и хотел удивиться. Но что–то случилось — лица, которое он видел до этих пор, не было. Как будто… карамельная маска… сошла с этого лица. Лица изумленной девочки.

— Это я! — повторила она с тихим восторгом. — Это, наконец–то, я!!!

Слезы потоком хлынули из ее глаз. Сжатым кулачком она ударила его по коленке.

— Это я, слышишь, я, а не какая–то герцогиня!

Он смотрел на нее и острая жалость сжимала его сердце. Довели девчонку, сволочи! Заговорщики, мразь! Да что творится–

то?..

Он сунул стакан ей в руку, она отхлебнула и вернула стакан ему; вытерла слезы уголком пододеяльника. Помолчала, глядя мимо его плеча, потом повернула голову к нему и посмотрела в глаза открыто и честно:

— Я — люблю — тебя, — сказала она раздельно с затаенной, трогательной гордостью. — Я, понимаешь?.. Разденься, — попросила она.

Он растерялся, он вообще не понимал, как вести себя. Медленно он поставил стакан на тумбочку. Его пальцы неуверенно коснулись верхней пуговицы камзола. «Веду себя как баба, — мелькнуло в голове. — Как проститутка.» Он остановился, и вдруг услышал нежное:

— Пожалуйста…

Руки дрогнули от этого слова, застыли — и рванули пуговицу…

Что происходило дальше, не похоже даже было на сон… и на безумие тоже.

Это не было похоже ни на что, что испытывал Хастер до того. А ведь сколько раз было… Было… Было чисто механическое движение, которое доставляло ему простое физиологическое наслаждение.

Простое…

Физиологическое…

Но сейчас!

…Сейчас Хастер испытывал нечто такое, о чем он иногда читал, чему иногда верил, над чем иногда посмеивался, о чем рассказывал скабрезные анекдоты в привычной компании, над чем ржал в полный голос наравне со всеми, скрывая свою потаенную чистоту и веру…

О Небеса!

О…

Радость наполняла все его существо, он летал так, как никто никогда не сумеет этого сделать. Все стыдные сны его детства — «Ты летаешь, мой мальчик, значит ты растешь…» — воплощались в реальности. Нет, не в реальности, во сне, в полете…

И ничто не могло помешать… Даже проклятый чулок, который он никак не мог сбросить с ее ноги, который — он точно знал, — мешал и ей тоже, не считая того, что он щекотал ему шею.

Шею?

Когда? Почему? Уже?..

Хастер вдруг ни с того ни с сего вспомнил, что он здесь не один. Он как–то сразу услышал то, что раздавалось под ним, он

почувствовал ответное, он понял, как хорошо не только ему, но и ей — той, кто была в нем и вместе с ним.

Той…

И тогда он понял, что именно он доставляет ей это — то, от чего она стонет, плачет, от чего она впивается в него пальцами, что мучает ее и заставляет продолжать это страстное мучение. Он! Хастер! Только он — и никто.

ВСЕ…

Вот оно — было и тут же кончилось.

Но было ведь…

Хастер расслабил затекшие руки и открыл глаза. О Небеса! Только за один взгляд на это лицо, на то его выражение, которое он видел перед собой, можно было отдать полжизни… Нет, никаких восторгов. Оно, это лицо, возможно, даже было некрасивее, чем то, которое он видел несколько часов назад. Возможно. Но — Аха побери! — за то, чтобы увидеть такое лицо, не жалко полжизни… да что там — всей не жалко!

На какое–то мгновение Хастера хлестнула по душе плеть практицизма: эй, студиозус! да что с тобой? сколько раз–то… Но он, дернувшись всем телом так, что ей стало больно, выгнал это из себя прочь.

И тут же понял: ей больно.

Он замер, еще раз посмотрел на лицо и, поняв, что для нее это еще не все, медленно, нежно начал повторять движения, словно бы вопрошая.

Ответ был тих и недвусмысленен — да!

И уже не закрывая глаз, глядя на лицо, на закушенные губы, на вздрагивающие ресницы, он начал повторять движения, все более усиливая их, делая резче, порой — для себя — грубее, оставляя за собой жажду власти, наслаждения, силы…

И все равно — для нее, только для нее…

Он и не заметил, как перешел ко второму акту. Да, бывало, и с веселыми дамами он совершал этот подвиг, но сейчас все было не так. Не так.

Было, по–настоящему было.

Пальцы скользили по его спине, они жили своей жизнью, независимой не от чего.

Небеса!

Вот сейчас, да, — решил Хастер. Он чуть обождал и понял: да, сейчас действительно да…

Он замер на несколько долгих секунд, нет, не слыша _ ощущая ее стон, ее *ВСЕ*…

Замер, вдруг осознав, что он влажен и скользок, и не испытывая от этого каких–то неудобств или стеснения, просто

расслабил руки и опустился на нее. На неразделимое, на свое… Нежно он положил усталые руки ей за шею, не обнял — просто положил: прости, любимая, ведь тебе не тяжело? Нет, ответила она почти неощутимым движением. Чем? — он не знал и не хотел знать. Ответила — и это хорошо.

Не размыкаясь, он расслабился на ней, в то же время на всякий случай оберегая ее от тяжести своего тела, настороженно. Этого не понадобилась. Всей грудью он ощутил, как она восторженно выдохнула — мочку уха чуть обдало теплым, горячим, близким — и замерла под ним.

Хотелось что–то сказать. Надо было что–то сказать. Но он не стал этого делать. Он подождал.

И вдруг тихие колокольчики нежно прозвенели ему в ухо.

— Что? — все–таки сказал он. Настороженно, опасливо, стараясь не нарушить.

— Мне щекотно, — услышал он. — Чулок…

Он замер, почти не понимая — и тут же радостно, свободно рассмеялся. Тихо рассмеялся — ведь ничто не было нарушено.

— Что же ты не сказала… *моя*, — произнес он с легкой запинкой.

— Я не хотела тебе мешать, — пальцы нежно провели по спине вниз и вернулись к плечам.

Ему вдруг стало легко.

— Мне? — переспросил он почти игриво. Привычно, глупо, выжидающе.

— Нам, — сказала она так просто, что он невольно обнял ее, чуть, бережно, прижал к себе и отпустил.

Она поняла, она все поняла…

Что–то прошло, что–то небесное, неземное. И что–то осталось.

Хастер вдруг подумал с неким сожалением: и что я не биолог? Мог бы и тоньше к этому подойти. Хотя зачем? Ведь все так естественно. Прошло? — Повторится, не может не повториться.

И тут же в голове глупо и несвоевременно промелькнуло: а ведь повториться может только с ней. Ни с кем больше… Ну и хорошо, решил сразу он, ну и не хочу больше ни с кем… И снова что–то холодно трезвое: а с другими–то? А с другими, загнал он дурацкое поглубже, будет другое. А вот это — оно, мое! Он был в этом абсолютно уверен. Он не хотел другого…

Под ним плавно ожила грудь.

— Тебе тяжело? — встрепенулся Хастер, выгоняя прочь дурные мысли.

— Немножко, — виновато дохнуло в ухо. И тут же пальцы

сжались, останавливая даже не начавшееся движение, предупреждая его: — Нет. Побудь во мне еще.

Хастер расслабился, но все же нечувствительно нависнув над ней.

Она серебряно засмеялась, поняв:

— Мне не тяжело, глупый. Мне приятно. Я тебя люблю.

Он нежно чмокнул ее в ухо. Хорошо!

17

Герцог Садал появился в «Ежике» один, оставив княжну Зэйне в компании подружек ее детства, которые, демонстративно пренебрегая навязанными обычаем кавалерами, собрались отпраздновать встречу в гостинице «Королевский герб»: «У нас девичник, сударь, — сказала одна из этих провинциальных жеманниц, — кавалеры нам не нужны». «Вот и хвала Небесам», — донельзя обрадованный подобным оборотом дела, подумал герцог, а вслух, конечно же, выразил сожаление, вежливо простился с дамами и поспешил к «Ежику», где его ждала куда более приятная компания, чем куча старых дев.

И там его ждала жена.

Трактир, рекомендованный дядюшкиным подчиненным — как его?.. а, Рет — Ратус! — оказался местом довольно подозрительным, стоял на отшибе, и герцог, пожалуй, никогда бы не выбрал его, находясь он в других обстоятельствах. Не то что бы он оказался грязным притоном — нет, в этом «Ежик» упрекнуть было нельзя: здесь было чисто, народу в зале было немного, и публика, в общем–то, зале подобралась по виду приличная, хотя какая–то случайная…

Хозяин встретил герцога внимательным взглядом и тут же, выйдя из–за стойки, подошел к нему:

— Герцог Садал, если не ошибаюсь? — обратился он с поклоном.

Герцог кивнул.

— Прошу вас, сударь, — повторно поклонился хозяин, пропуская герцога. — Вас ждут, я провожу.

— Господин Рет — Ратус уже здесь? — спросил герцог.

_ Не могу знать, — уклончиво ответил хозяин, — но вас ждут в Розовой гостиной.

Раздражение герцога возросло, и он бы с удовольствием высказал его Рет — Ратусу.

Однако в Розовой гостиной герцога встретили другие люди, которых он никак не ожидал здесь увидеть.

— Герцог! — как чертик из коробочки выскочил из кресла

навстречу Садалу Шут Императора. _ Рады видеть! Заходите, посидите с нами!

Герцог поморщился от неприятной неожиданности, но с Шутом Императора очень–то не поспоришь. Делать было нечего, пришлось войти и сесть в предложенное неудобное деревянное кресло — прямо напротив камина, однако довольно далеко от него, так что и тепла не чувствовалось, только свет в лицо. Герцог толком даже не сумел рассмотреть некоего господина, устроившегося куда более удобно, возле самого камина, и неторопливо помешивающего угли. При появлении герцога он не то чтобы не встал и представился, а даже не прекратил своего неспешного занятия, чем раздражил и насторожил того — немного было людей в Империи, которые бы осмелились так вести себя в присутствии герцога Садала, а этот тип в коричневом…

Додумать герцогу не удалось. Мысль перебил Шут, с ногами забравшийся в свое кресло и скорчившийся в там нелепой позе.

— А не расскажите–ка нам, друг мой, что это за история с вашими женами? — заговорил вдруг Шут издевательски–любезным тоном. — Сколько их у вас — две? Три? А может, десяток? Решили следовать махрийской моде и завели себе гарем?

Герцог глянул на темный бесформенный силуэт Шута, вырисовывающийся на фоне камина.

— О чем это вы, дражайший? — с брюзгливым недовольством сказал он, и, давая выход накопившемуся раздражению, выкрикнул: — Что тут вообще происходит?! Я должен был встретиться здесь с…

— А сами вы случаем не махриец, а? — продолжал Шут. — Или в родне у вас…

Этого уже выдержать герцог не мог. Он резко встал и, зло глядя на Шута, твердо выговаривая слова произнес:

— Что вы себе позволяете, сударь! Какое вы имеете право издеваться над одним из древнейших родов Империи! Это что, допрос? — Ситуация действительно чем–то напоминала допрос из какого–нибудь дешевого романа про сыщиков: справа и слева в тени сидят допросники, а он, герцог, как подозреваемый, посередине, лицом к свету, так чтобы ни одно обличающее движение его лица не ускользнуло от бдительного ока стражей порядка… Кстати, насчет стражей… — И кто этот господин? — герцог указал на кресло слева. — Я не имею чести… — И тут он осекся. Его взгляд невольно последовал за движением руки, и повернув голову, герцог встретился глазами с взглядом — цепким, холодновато–любопытным, испытующим взглядом —

господина в коричневом костюме.

Герцог на секунду прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Внутренне он даже застонал, а Шут как ни в чем не бывало простер руку к господину в коричневом и быстро сказал:

— Это господин Годол, дорогой герцог, — издевательски представил он. И добавил еще более издевательски: — Я думал, вы узнали его. — А потом резко: — Так жду ответа, господин Садал!

Герцог вздохнул еще раз и сказал тихо, но твердо:

— У меня одна жена.

— Прекрасно, — качнул головой Шут. Сейчас он был похож на школьного учителя, который выдавливает знания из нерадивого ученика наводящими вопросами: — А юная дама, которая присутствовала сегодня в замке Арафа?

Герцог был убит, сломлен. Но что ему оставалось?

— Это актриса из какого–то провинциального театра.

— Та–а–к, _ Шут удовлетворенно качнул головой. Ученик признался наконец, сколько будет дважды два. — Почему же в замке не присутствовала ваша прелестная супруга?

— Я не хотел подвергать мою жену тем издевательствам, которые учиняют в замке. Это могло повредить ее здоровью. Она ждет ребенка. — Герцог поднял голову и посмотрел Шуту в темное пятно лица. На господина Годола он смотреть не осмеливался. — Поймите, мы три года ждали этого ребенка и не хотим потерять!

— Вы знаете порядок: вам следовало обратиться к Императору и просить у Его Величества разрешения… — вкрадчиво сказал Шут. — Мой венценосный братец обычно идет в таких случаях на уступки…

От кощунства герцога даже передернуло.

— Чтобы комиссия коновалов подвергла мою жену унизительному осмотру? — нервно спросил он. Он закусил губу и продолжал: — Моя жена и мой ребенок — самое дорогое для меня на этом свете. Я служу Императору, — он глянул все же на господина Годола; тот снова орудовал кочергой. — Но даже Император не может требовать, чтобы я в угоду диким древним обычаям подвергал мою семью опасности.

— Но ведь в ваших жилах тоже течет кровь Императоров, — Шут, был неумолим, как будто обвинял. Он вскочил, подбежал к герцогу и, опершись о подлокотник его кресла — тот не успел отклониться — зашипел прямо в ухо: — Вы сами должны знать, что происходящее в Арафе не просто дикий обычай! Не чья–то прихоть! Не блажь, а *подлинный* обряд! И никто… вы слышите, герцог!.. *НИКТО* не вправе отступать от него!

Герцогу стало страшно. Ему непонятно было все. Непонятно, почему его допрашивали. Непонятно, почему он должен был оправдываться. Непонятно, почему то, что было обговорено и согласовано с самим экс–канцлером, вызвало такую бурю… Дядя ведь ничего не имел против. И вообще, это не соответствовало мировоззрению герцога.

— Но послушайте, — сказал он, пытаясь защититься, но сам же чувствовал, что у него это получается неубедительно как–то даже для самого себя. — Мы живем в просвещенный век, и можно уже признаться самим себе, что боги Пантеона и всяческие там Ахи — Арканастры — ничто иное, как плод человеческого воображения. Возможно, все это когда–то имело какую–то реальную основу… Однако всерьез говорить о магии сейчас…

— Вас никогда не лечили наложением рук? — быстро сказал Шут.

— Я совершенно здоров, — бросил герцог.

— Однако вы не станете спорить, что некоторых наложение исцеляет?

— Это не магия! — почти выкрикнул герцог. — Я недавно листал брошюру, написанную Картенедом и посвященную животному магнетизму. Я вполне согласен с графом, когда он объясняет все эти «наложения рук», сглаз, порчу… ведь никто не будет отрицать их существование, правда?.. наличием магнетических флюидов, излучаемых человеком точно так же, как он излучает тепло. С той лишь разницей, что флюиды эти не ощущаются на сознательном уровне, и пока мы только пытаемся создать приборы, которые могли бы их уловить.

— А восковые куклы, которым прокалывают сердце? Или карамельные? — парировал Шут.

— Таких людей следует казнить наравне с самыми изощренными убийцами! — Герцог от возмущения даже хотел привстать, но Шут толчком вернул его на место и хихикнул.

— Ага, запомним это, — сказал он. — Это тоже не магия?

— Магнетизм, — неуверенно выдавил герцог. Он был несколько растерян. При всех талантах Шута, он, Садал, неглупый человек, особа, приближенная ко Двору, никак не ожидал от Шута разговоров о теософии. Тем более в такой неподходящей ситуации. Где же этот проклятый Рет — Ратус?

— Ладно, — неожиданно успокоился Шут. — Будем исходить из вашей точки зрения. Тогда Парк Фейерверков являет собой эмпирически созданный нашими предками прибор, который выявляет людей, использующих животный магнетизм в преступных целях. Оставим пока в стороне вопрос, насколько работоспособен этот прибор. Давайте подумаем о том, насколько

подозрительны люди, стремящиеся избежать проверки этим прибором самыми разными способами, вплоть до настоящей комедии с переодеванием.

Герцог закусил губу. Шут бил его же аргументами. И продолжал добивать до конца:

— Вы ведь не полагаете, что князь Беруджи должен потакать вашим капризам? Он прежде всего государственный человек. И если он использовал для помощи вам находящийся в его распоряжении государственный аппарат, то с тем лишь негласным условием, что герцогиня пройдет необходимое испытание тогда, когда ей позволит состояние здоровья. Не так?

— Да.

Шут кивнул.

— Собственно, попытки избежать гостеприимства Арафы не так уж и редки. И чисто человечески этих людей можно было бы понять. Приходится проводить довольно утомительные расследования, чтобы выяснить, по каким причинам тот или иной человек уклоняется от прогулки по нашему прекрасному парку…

Шут неожиданно замолчал и повернул голову к дверям — которые, кстати, так и оставались открытыми, что только сейчас удивило герцога. В коридоре послышались шаги. Герцог тоже повернул голову, а Шут, до сих пор продолжавший нависать над ним, уже стоял у двери.

А напротив него в дверях стоял Рет — Ратус.

— Друг мой! — Шут радостно облапал вошедшего своими длинными руками, не дав ему даже поклониться. — А мы так вас заждались, так заждались. Вот, — он развернулся к герцогу, — ведем горячую дискуссию о магии!.. Присоединяйтесь к нам, сударь, присоединяйтесь! Внесите и вы свою лепту!

Он отцепился от Рет — Ратуса, тот отвесил наконец сидевшим в креслах почтительный поклон и обратился к Шуту:

— Позвольте вас на насколько слов, ваша милость.

— О! — воскликнул тот, воздев палец. — Простите, милостивые судари, мы вас покинем. — Он живо подхватил Рет — Ратуса под ручку, развернул к двери: — Но мы вернемся, господа, мы вернемся! — заверил он и выволок Рет — Ратуса в коридор.

Герцог поднял глаза на господина Годола, словно надеясь, что тот заговорит с ним, но господин Годол сидел профилем к нему, смотрел на огонь и тихонько постукивал остывшей кочергой по высокому голенищу сапога. Герцога для него сейчас не существовало. Решиться же сказать что–то самому было невозможно.

В коридоре разговаривали тихими голосами, так что в

гостиной слышалось разве что короткое «бу–бу?» вопроса и более длинное «бу–бу–бу–бу» в ответ. Так продолжалось некоторое время, в течение которого герцог нервно разглаживал кружево на манжете. Когда Шут вернулся, он испытал даже некоторое облегчение. Но когда герцог увидел выражение лица Шута, все в нем упало. Он не знал, что произойдет сейчас, но то, что что–то произойдет, не сомневался.

Предчувствие его не обмануло.

Шут был серьезен. Шут был серьезен, как никогда. Он переставил невесть откуда взявшийся стул, сел на него верхом, возложил руки на спинку, а на руки голову и уставился на герцога.

Герцог не знал, куда девать глаза от этого взгляда.

Выдержав паузу, Шут сказал:

— А ведь интересные дела у нас получаются, милостивый государь.

И замолчал.

— Какие дела? — неуверенно спросил герцог.

— Скоро все узнаете, — был краткий ответ

Рет — Ратус вернулся минут через пять; в руках у него была папка. Став у дверей, он стал похож на секретаря, готового докладывать о текущих делах.

Шут повернулся к господину Годолу, и все впервые за вечер услышали его голос.

— Хорошо, — сказал господин Годол, и у герцога развеялись на его счет все сомнения.

Рет — Ратус раскрыл папку.

— Постарайтесь самое главное, — сказал господин Годол. — Не стоит зачитывать нам все подряд.

Рет — Ратус поклонился и взял первый лист.

— Показания девицы Гитион Алики, агента Отдельной Тайной Коллегии, — начал он казенным голосом. — Шут указал пальцем через плечо на дверь в гостиную, и Рет — Ратус подтвердил: — Да, ваша милость… Означенная девица Алики нашла в потайной комнате дома, принадлежащего герцогине Садал, карамельную куклу, над которой был произведен некротический ритуал. Кукла наречена была именем Амнис.

— Какое отношение эта кукла имеет к моей жене? — выдавил из себя герцог.

— Показания Каламе Катрея, Главного мастера Карамельной мызы, _ продолжал Рет — Ратус, пропустив реплику мимо ушей. Он передал первый лист Шуту — тот, даже не глянув, сунул его господину Годолу — и взял второй. — Он утверждает, что кукла за указанным номером согласно записям мызы была куплена

четыре года назад махрийской царевной Ксантой, ныне являющейся герцогиней Садал. — Он еще раз махнул листом, хотя никто из присутствующих все равно ничего не смог бы прочитать. — Кукла была куплена без наречения. Царевна сказала, что наречет куклу сама.

Шут посмотрел на герцога, взял этот лист у Рет — Ратуса.

— Показания Ахисара Селея, — продолжал тот четко и бесстрастно, — ресторатора, который четыре года назад служил поваром в доме, где была найдена кукла. Тогда этот дом принадлежал тетке нынешней герцогини Садал, которая…

— Мы все знали эту даму, — оборвал Шут. — Что же повар?

— Царевна Ксанта приехала из Махрии с молочной сестрой, которая служила у нее горничной. Ахисар предполагает, что девушка была не просто молочной сестрой, но и сестрой единокровной — она была очень похожа на царевну, только темнее волосами и ростом на два дюйма ниже. Звали ее Амнис. Вскоре после того, как царевна обручилась с герцогом Садалом, девица Амнис заболела — у нее открылось горловое кровотечение. Вскорости она умерла.

— За четыре года куклу можно было уничтожить тысячей разных способов, — сказал угрюмо герцог. — И все равно это не свидетельствует против моей жены.

Рет — Ратус помолчал, посмотрел на господина Годола. Тот не глядя махнул рукой.

— Показания доктора Хамара Хареба, помощника главного лекаря Госпиталя Милосердия, и повивальной бабки госпожи Медьяр Сальхии, освидетельствовавших сегодня вечером состояние герцогини Садал.

— Вы посмели… — герцог начал подниматься, но Шут толчком водворил его обратно.

Рет — Ратус читал без паузы:

— Доктор Хамар и госпожа Сальхия однозначно утверждают, что герцогиня Садал не находится в тягости. Госпожа Сальхия, успешно лечащая от женского бесплодия наложением рук, — (Шут демонстративно хмыкнул.) — даже полагает, что указанная дама вообще не способна к деторождению по причине произведенного несколько лет назад выкидыша.

Повисло тяжелое молчание, и в нем отчетливо до слуха всех присутствующих донесся тихий стон герцога.

Немного погодя Шут сказал задумчиво:

— Следовало бы запретить немахрийцам жениться на махрийках. Как только махрийки вырываются из родных гаремов, они сразу пускаются во все тяжкие. Если бы это один случай был или второй… Я таких историй могу насчитать десятки.

— Продолжайте, — сказал господин Годол, не удостоив Рет — Ратуса даже взгляда.

— Герцогиня Садал на вопрос, почему второй раз уклоняется от посещения Арафы, ответила, что четыре года назад никакой подмены не было, и все церемонии проходила она сама. На вопрос, почему в этом году ей потребовалась замена, она заявила, что поскольку в Арафе проводятся испытания «на верность и неверность», она боялась, что герцог узнает о супружеской измене, которую она допустила три года назад.

— Об Арафе ходят самые нелепые слухи, — усмехнулся Шут удовлетворенно.

— Ваше мнение? — вновь обратился к Рет — Ратусу господин Годол.

— Герцогиня лжет.

— Так, — господин Годол стукнул кочергой по каминной решетке. — Вы… э-э… применяли все дозволенные меры?

Голос Рет — Ратуса даже не дрогнул.

— Я общался с герцогиней самым грубым образом, но лишь угрожал применить меры физического воздействия. До применения четвертой степени устрашения пока не дошло. Прежде я предпочел бы провести герцогиню по парку.

Герцог был уже на грани обморока.

— Логично, — согласился господин Годол. — Обеспечьте. Мы… э–э–э… тоже поприсутствуем.

Рет — Ратус с поклоном удалился.

Прошло не менее минуты тишины, пока герцог медленно встал и, обращаясь непосредственно к господину Годолу, произнес помертвевшим голосом:

— Вы мне позволите удалиться?

Господин Годол, помедлив, отложил кочергу и прямо и весьма серьезно посмотрел на герцога. Герцог не отвел взгляда. Однако вместо вердикта господина Годола герцогу довелось услышать голос Шута:

— Удалиться, милок? Может тебе еще и веревочку намылить?

Герцог продолжал дуэль глазами с господином Годолом.

— Ах, нет-с, вы ж у нас Императорской крови, — продолжал ерничать Шут. Он извивался, вертелся под ногами у герцога, но Садал не обращал на него ни малейшего внимания, — вам-с веревочка не подобает. Ах–ах! У меня тут где–то аркебузетик завалялся… Щас, щас, достану. _ Шут захлопал себя руками по кафтану и вдруг заорал дурным петушиным голосом.

— Огел, перестань, — произнес господин Годол. Он по–прежнему смотрел в глаза Садалу. — И вообще — удались. Займись бастардом, он нам понадобятся.

Шут моментально выпрямился и пошел к дверям столовой. И все же последнее слово он оставил за собой:

— Зря ты с ним, братец, церемонишься, — и тут же обыкновенным для себя голосом крикнул в распахнутую дверь:

— Эй, барышня, ты здесь? Не уснула еще, нас подслушивая?

— Я здесь, ваша милость, — послышался тихий голос, и Алики появилась в дверях. — Только я не барышня, ваша милость, я из мещан, — добавила она с небольшим книксеном.

Шут улыбнулся.

— Тут где–то должен быть ублюдок Картенеда, этот, как его? — он полуобернулся в гостиную.

— Тенедос Хастер, — подсказал Рет — Ратус.

— Да, Тенедос. Найдите его, пусть идет сюда.

Алики сделала еще один книксен, и уже на лестнице услышала, как Шут орет в коридор:

— Хозяин, карету господина Годола к заднему крыльцу!

В коридоре наверху Алики остановилась, несколько секунд стояла, опершись о стену. Ей было так страшно, так страшно, что у нее подгибались колени. Обрушившееся на нее за последние сутки, было слишком. Тайны, заговоры, игрушки знати… Ее интрижка с драгунским капитаном в сравнении с этим — капля по сравнению с океаном. И зачем только она подсела в карету к Рет — Ратусу и Наоре! Нет, у нее просто талант вляпываться в идиотские ситуации!.. А уж то, что она подслушала — а она подслушивала, тут Шут был прав (да и грех было не подслушать–то!) — и вовсе страшно. А она–то было радовалась: приключение!.. Только вот в читанных ею книжках мелких людишек, случайно затянутых в подобные водовороты, потихоньку приканчивали где–нибудь в тихом месте; если, конечно, им не удавалось вывернуться каким–нибудь изощренным способом. Потом она вспомнила и сказала себе самым строгим тоном, на который была способна: «Я не какая–то там мелочь, я — агент тайной коллегии Гитион Алики и нахожусь при исполнении служебных обязанностей». Стало чуть легче.

Алики отлепилась от стенки, быстренько привела себя в надлежащий порядок — не столько внешне, сколько внутренне, — подошла к двери комнаты господина Тенедоса и постучала. Ей ответила тишина. Алики постучала сильнее. Никто опять не ответил, и тут она заметила, что ключ торчит с наружной стороны двери. Она немного удивилась такой рассеянности, еще раз стукнула в дверь и легонько толкнула ее. Внутри, кроме темноты и пустоты, ничего не было; хотя в темноте и не было видно, но у Алики создалось впечатление, что комната пуста.

Алики вернулась к шкафчику, где хранились свечи, зажгла одну и вернулась — в комнате действительно никого не было. Более того, создавалось впечатление, что в комнату никто и не заходил. «Господин Тенедос, конечно, Внук Императора, но слишком маленький человек для тех господ, что собрались в Розовой гостиной, — решила Алики. — Он что, это понял и сбежал? — И сказала сама себе снисходительно: — Дурашка, кто же его отсюда выпустит?.. Но я-то человек еще более маленький, — припомнила она, — я не могу просто так вернуться без господина Тенедоса.»

Она подняла свечу повыше и осветила коридор, пытаясь понять, куда бы он мог пропасть.

На полу у двери комнаты Наоры валялся раздавленный коробок спичек.

Подозрение, закравшееся в голову Алики, было совсем крохотным, но она, не отводя глаз от коробка, постучалась к Наоре. Ей послышался за дверью шорох, но ответа не было. Она постучала еще раз — уже решительнее; шорох за дверью стал гораздо отчетливее и вдруг затих.

— Да-а? — послышался сонный голос, и Наора отворила дверь.

Наора старательно делала вид, что Алики ее разбудила, но это было даже смешно, потому что кто будет спать, не погасив света? Добро бы еще горела одна свеча на тумбочке у кровати, но в зеркале у противоположной стены удваивался зажженный трехсвечник, и такая иллюминация, несколько избыточная для маленькой комнаты, бесстыже освещала разбросанные женские и — а-га! — мужские вещи. Но даже если бы не этот беспорядок, если бы предательски не колыхнувшаяся штора, Алики все равно догадалась бы, что здесь произошло, потому что сама атмосфера в комнате была полна любви; полна до такой степени, что у Алики снова дрогнули колени, и где–то в ней едва слышно зазвучала тонкая трель окарины.

— Что случилось? — спросила Наора лениво. — Рет — Ратус требует меня к себе?

Тоже мне актриса погорелого театра!..

— Нет, успокойся, — усмехнулась Алики. — Я разыскиваю твоего соседа, господина Тенедоса, его ожидает господин Шут, а в его комнате никого нет… Ты не слышала, он не уходил? — Последнее Алики сказала очень громко, обращаясь скорее к шторе.

Штора не отреагировала.

— Ну… может, он спустился во двор? — вымучила из себя Наора.

— Ты думаешь? — задумчиво сказала Алики и подбросила носком туфли валяющиеся на полу брюки поближе к шторе. — Это идея! Пойду поищу…

Она вышла, аккуратно прикрыв дверь — и тут же припала к ней ухом. За стеной слышалось быстрое перешептывание, в котором Алики не различила ни слова, потом она услышала мужские шаги и прочие звуки, которые со всей очевидностью показывали, что кто–то — при этом вовсе не Наора — собирает разбросанные веши и торопливо одевается.

«А я-то ее тихоней считала», — сказала себе Алики, запоздало удивляясь.

Она дунула на свечу, тряхнула головой, прогоняя навязчивые трели окарины, кинула огарок на полку и быстренько сбежала по ступенькам вниз.

Шут, заложив ногу на ногу, сидел возле стола с бокалом в руке.

— Господин Тенедос сейчас спустится, сударь, — доложила Алики, делая книксен, чтобы спрятать глаза.

18

Встревоженный Хастер лихорадочно одевался, путаясь в штанинах и рукавах. Шут требует к себе! Что еще за пакость приготовила ему судьба? Опять тайны Имперского Двора, заговоры… Тьфу!.. Он–то, Хастер, зачем понадобился?

Наора сидела на постели, тревожно глядя на него.

— Погоди, — вдруг сказала она. — Я пойду с тобой. — Она даже потянулась к вороху одежды.

Хастер, завязывая шнурки на башмаках, поднял голову:

— Не вздумай! Тебя еще там не хватало!

Он выпрямился, надел шелковый жилет, застегнулся, глянув в зеркало; поднял камзол и оглянулся на Наору. Она покусывала губы, лицо у нее было несчастное. Он отложил камзол и присел рядышком с ней. Его рука обняла прохладные тонкие плечи.

— Очень не хочется от тебя уходить, — сказал он. И повторил: — Очень…

Наора ткнулась головой ему под подбородок, задышала в шею, а он гладил ее по спине.

— Если что… — сказал он нетвердо. — Если что, то как мне тебя найти?

Наора щекотно помотала головой, и у него дрогнуло сердце.

— Что, нельзя? — внезапно севшим голосом спросил он. Он чуть отодвинул ее от себя, и заглянул в глаза.

— Просто я не знаю, — тихо ответила она, — не знаю, где

буду завтра.

— Кто знает? — он резко мотнул головой. — Эта… Алики?

Она опять покачала головой:

— Рет — Ратус.

— Да кто он такой этот ваш Рет — Ратус?! — почти выкрикнул Хастер со злостью.

— Не знаю, — еле услышал он.

Они помолчали. Хастер снова обнял ее.

— Как ты от него зависишь? — спросил Хастер уже негромко.

— Он мне платит.

— О Небеса! — Хастер едва не зарычал, и руки его нам миг стали жесткими, но тут же он постарался взять себя в руки. — Ладно, — голос его стал деловит, но нежности в нем, как ни странно, не убавилось. — Запомни: Политехническая Школа, Тенедосу Хастеру. Повтори. — Он подождал, пока Наора тихо повторит, кивнул. — Напишешь, когда определишься. И еще: гостиница «Герб с трилистником», или просто «Трилистник», это в конце Набережного Бульвара, знаешь, где?

Наора опять пощекотала распущенными волосами его подбородок, и, не выдержав, Хастер поцеловал ее затылок.

— Легко узнаешь. Спросишь у кого–нибудь, — уверил он. — Ты только попробуй дать мне знать, и я тебя разыщу. Так мне будет легче тебя разыскать, понятно?

Еще один кивок.

— Я все равно буду тебя искать, — сказал он. — Я тебя люблю, — и поцеловал ее уже по–настоящему, в чуть солоноватые губы. На душе у него было горько. Потому что надо было расставаться. Потому что все было так неопределенно. Потому что… потому что он, кажется, действительно любил.

Ее.

Он с трудом оторвался от Наоры, встал натянул камзол и стал застегиваться. Одной пуговицы не было. На жилете, кстати, тоже не хватало одной пуговицы — верхней. Да чего уж там — чудо, что остальное на месте.

— У тебя булавки не найдется?

— Что? — спросила она, потом поняла, сказала: — В сумочке.

Он повернулся, разыскивая сумочку, но Наора выскочила из постели, подбежала к вешалке в углу, сорвала с нее свою крохотную сумочку, больше похожую на кошелек, высыпала все содержимое на столик у зеркала и протянула ему булавку:

— На… Хотя нет, давай я сама.

Хастер не ответил, он просто смотрел на нее. А она старательно сколола ткань в нужном месте, провела руками по камзолу, будто разглаживая, и отступила на шаг. Хастер почему–

то отвел взгляд, зашарил глазами вокруг, рванул на себя ящик столика, нашел какой–то гребешок, расчесал волосы. Потом, глядя только в зеркало, внимательно оглядел себя — кажется, с ним все было в порядке. Вот только в краешке зеркала… За своей спиной он видел ее; и она смотрела на него так, как будто он уходил навсегда.

У него заныло где–то под ложечкой, и он повернулся, ласково привлек ее к себе и поцеловал, лелея свою нежность к ней. Потом он ее отпустил и легонько подтолкнул к кровати:

— Ну–ка бегом, греться, простудишься! — прозвучало несколько наиграно, но она улыбнулась и села на кровать; зарываться в одеяло, однако, она не торопилась, наверное, чувствуя, что ему хочется смотреть на нее — смотреть на нее всю и ощущать, как опять поднимается его желание.

«О Небеса! — внутренне застонал Хастер. — Да ведь я так никогда не уйду!» — и поспешно сбежал в коридор.

Нащупывая ногой первую ступеньку лестницы, он притормозил себя: «Спокойствие, только спокойствие! Держите себя в руках, сударь! Вы не мальчишка, вы Внук Императора и все такое…», глубоко вдохнул, выдохнул, попробовал в уме найти корень квадратный из шестьсот двадцати пяти… не преуспел, глотнул, сплюнул и начал спускаться вниз. Как подобает.

Алики встретила его у лестницы, сделала быстренький книксен, шепнула укоризненно: «Вас уже давно ждут!». Он величественно хмыкнул в ответ — мол, ничего, подождут — и прошел мимо девушки в гостиную.

В комнате с камином он в первую голову увидел Шута Императора. Тот стоял посреди комнаты, потягивался, будто разминал тело; при появлении Хастера Шут замер, не докончив движения, и уставился на него с привычным наглым любопытством, будто на «диковину зверушку»; господин в коричневом костюме по–прежнему сидел в кресле возле камина; поодаль и как–то наособицу, отчужденно, сидел герцог Садал. Хастер его просто не узнал: герцог будто постарел сразу лет на двадцать и выглядел больным.

— А вот и наш ублюдок! — радостно воскликнул Шут, растопырив длиннющие свои руки, будто собираясь заключить Хастера в паучьи объятия. — Сладко, что ль, спалось?

Хастер, не обращая на него внимания, поклонился герцогу; герцог мрачно кивнул и только.

— Сейчас, дружок, мы поедем в Арафу, — сказал Шут. — Прогуляешься еще раз по парку.

Хастер удивился. Если бы Шут предложил ему встать на руки и в таком вот положении станцевать с ним менуэт, то Хастер

удивился бы гораздо меньше — такие шуточки были как раз в его стиле. Но пройти второй раз по Парку Фейерверков… Это было что–то неслыханное! Хастер было открыл рот, чтобы достойно ответить, но вовремя сообразил, что это не шутка — это приказ.

— З–з–зачем? — выдавил он из себя. Потом поправился: — Один?

Шут проигнорировал его любопытство. Он взял со стула, стоящего в углу, пальто с пелериной, ткнул его Хастеру:

— Помоги господину Годолу, — а сам стал натягивать на себя егерскую куртку.

Хастер автоматически подхватил пальто и хотел было возмутиться — недоставало Внуку Императора служить прислугой какому–то там Годолу, чьим бы он господином ни был! — но господин в коричневом костюме поднялся из кресла и, повернувшись спиной, подставил руки, так что Хастер не менее автоматически вдел их в рукава, а когда господин Годол, обернулся к нему и, застегивая пуговицу у горла, произнес: «Благодарю вас, Тенедос», Хастер и вовсе забыл возмутиться. Он тупо смотрел в знакомое лицо, и, вместо ответа, раньше, чем мозг воскликнул внутри опустевшей от неожиданности головы: «Молчи, дурак!», язык сболтнул:

— У вас ус отклеился.

Повисла неловкая пауза.

Потом господин Годол поднял бровь, дотронулся до уса рукой в плотной тонкой перчатке и аккуратно устранил несообразность; сказал негромко:

— Спасибо.

И тут Шут просто таки покатился со смеху. Самым натуральным образом покатился — по полу. Он хохотал, взвизгивал и, держась руками за живот, дрыгал ногами в воздухе, словно на него накатила падучая. Присутствующие недоуменно наблюдали это непотребство; даже непроницаемый господин Годол на мгновение оказался удивленным. Впрочем, он–то умел держать себя в руках.

Спокойно выждав, пока Шут выдохнется, господин Годол произнес все тем же отстраненным тоном, глядя на валяющегося у его ног Шута:

— А между прочим, усы клеили мне вы, сударь, — и спокойно застегнул еще две пуговицы пальто.

Шут тут же затих, посмотрел на него снизу вверх и, вскочив, заорал во весь голос:

— Алики! Хватит подслушивать! Позаботься о его светлости, они остаются!

Алики тут же возникла на пороге столовой.

— Я еду с вами! — незнакомым голосом твердо сказал герцог.

Он поднялся и смотрел только в пол.

— Надо ли? — Шут заглянул ему в лицо и заключил: — Пожалуй, надо. Ладно, едем!.. Алики, ты можешь идти отдыхать и развлекаться, возвращаться мы уже не будем.

Вчетвером — Шут, за ним господин Годол, следом герцог; Хастер был замыкающим, — они прошли мимо застывшей в книксене девушки в столовую и вышли во двор не коридором, а через небольшую дверь за лестницей, еще одну комнату и маленький тесный тамбур.

Карета — неброско покрашенная, без гербов и ливрейных лакеев на запятках, но с большим кузовом — ждала их возле низкого крыльца. На козлах сидел закутанный в доху кучер.

Шут распахнул дверцу, и первым в карету сел господин Годол, за ним герцог. Хастер постоял, ожидая, пока сядет Шут, но тот, так и держась за дверцу, смотрел через двор, на отворенную и подсвеченную изнутри дверь другого флигеля. Минуту или две спустя — Хастеру уже стало зябко в одном камзоле — на пороге флигеля появились две фигуры: худощавый человек в сером вел под руку укутанную в теплый плащ женщину. Женщина не упиралась, не попыталась сопротивляться, но Хастер даже издали чувствовал, что она не хочет идти к карете, но ее понуждают, и она ничего не может с этим поделать. Пока они шли через двор, дама несколько раз спотыкалась, и от падения ее спасала только твердая поддержка тощего. Так ходят слепые. Или пьяные. Или сломленные люди. Дама не была ни пьяна, ни слепа.

Хастер рассмотрел ее лицо, лишь когда она была уже довольно близко. Он даже рванулся было навстречу — и будто налетел на невидимую стеклянную стену: это была все–таки не она. Не Наора. И даже не та, другая, так похожая на нее.

Его движение не осталось незамеченным.

_ Что, зашевелилось ретивуе? — раздался над ухом гнусненький голосок. — Ан не та, милок, не та. Та тебя во–о–он там ожидает, — и длинный палец Шута уперся в слабоосвещенное окно второго этажа.

«Ах же ты сволочь! — проскочило искрой в голове. — Ах же ты тварь всезнающая. Ах же ты гнида рыжая…» — и Хастер, не думая, развернулся и, как в хорошей драке, с маху врезал по опротивевшей наглой рыжей морде — с полным смаком. Шут резко качнулся в сторону, но то ли дверца кареты не дала ему упасть в грязь, а может, Хастер был сгоряча не очень точен — как бы то ни было, но он устоял на ногах и, судя по ощущениям хастерова кулака, даже получил не столько удар, сколько что–то

вроде скользящей оплеухи. «Ну и ладно, — подумал Хастер холодно. — Что там: плаха, петля, четвертование?.. Ну, я таки Внук Императора… Значит удушение и «скоропостижно скончался». Ну и ладно…» Однако, не тут–то было. Мгновенный инцидент, кажется, не был замечен никем из окружающих, кроме его участников. Да и «скоропостижно скончался», судя по всему, откладывалось на неопределенный срок, потому что Шут повернул к Хастеру лицо и, почесывая челюсть, произнес неожиданно весело:

— Ну ты молодец, ублюдок! А я тебе к мастерам сходить советовал. Да ты и сам мастер! — Шут засмеялся и мотнул головой: — Быстро — в карету!

И Хастер, как ни странно повиновался. «И что за день сегодня? — мелькнула мысль. — Ничего толком не получается!»

Он сел вперед, лицом к господину Годолу. А через секунду Шут и худой буквально под руки втянули в карету *настоящую* герцогиню Садал и довольно таки небрежно опустили ее на сиденье рядом с Хастером. Шут устроился рядом с окаменевшим, глядящим сквозь свою обессиленную, бледную, совершенно не похожую на Прекрасную Герцогиню, супругу герцогом; худому досталось единственное свободное место, возле дверцы напротив Шута.

Дверца захлопнулась, и карета тронулась с места.

Ехали в тягостном молчали. Хастер украдкой посматривал на женщину. Нет, совершенно не похожа. Если бы Хастер не видел ее раньше, он бы никогда не признал в *этой* жалкой, бледной, осунувшейся, с воспаленными глазами женщине *ту*, что блистала на приемах, сверкала украшениями и остротами в салонах, восхитительную героиню светских хроник… Прекрасную Герцогиню…

Все остальные делали вид, что ее здесь вообще нет. Совсем. Абсолютно.

А она почти не отрывала взгляда от мужа, который ее так же не видел, и когда невольно ее взгляд скользнул по Хастеру, тот тоже опустил глаза, чтобы тоже не видеть этого одновременно жалкого и злого взгляда то ли побитой собаки, то ли затравленного волка… волчицы.

Он уставился в окно, но легче не стало: в окне он видел мелькающее мутное отражение тощего — некрасивое лицо неприятного человека, его хищный профиль… нет, скорее профиль стервятника — эта тощая шея, торчащая, словно ощипанная, из мехового воротника… Да, стервятник. С этим человеком Хастер не хотел бы иметь никаких дел…

— Ты не мужчина, — вдруг произнесла женщина, и Хастер

вздрогнул. Это было шипение змеи. — Ты не мужчина, Тахир, — шипел призрак Прекрасной Герцогини, — если позволяешь…

— Замолчите! — словно сплюнул господин Годол, а тощий, чуть повернув голову, глянул ей в глаза, и женщина, дернув головой, замолкла и вся как–то сжалась. («Пытал он ее, что ли? — подумал Хастер. — Точно — стервятник…»)

Герцог сидел как сидел, его лицо даже не дрогнуло, глаза по–прежнему смотрели куда–то вдаль и сквозь. Только заметно дрогнула рука, лежащая на колене.

И опять молчание.

Не останавливаясь в Мытне, карета проехала прямо во двор замка и приостановилась было, но Шут приоткрыл дверцу, крикнул кучеру: «В парк!», и карета опять тронулась.

Мимо, хоть рукой дотронься, потянулись шершавые стены, кое–где обвитые не то плющом, не то еще каким иссохшим растением — карета цеплялась за их тощие ветви, и пергаментный шорох был неприятен. Вокруг было пусто и темно.

Потом карета остановилась окончательно. Шут распахнул дверцу; худой соскочил на землю следом и встал в сторонке.

— Выходите, сударыня, — сказал Шут. Голос его был тверд и серьезен.

Женщина даже не шелохнулась. Она сидела, опустив голову так низко, что лица не было видно.

— Ну же! — прикрикнул Шут.

— Не надо, — едва слышно донеслось из–под копны рыжих волос. — Не надо, я все расскажу.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВНЫЙ (ЧИТАЛЬНЫЙ) ЗАЛ

ГДЕ КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА:
ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

продолжение 4

Сторожевая группа, осматривавшая лестницу и площадки до третьего этажа, тоже ни на лестнице, ни в холле не заметила ничего особенного — если не считать валяющейся на площадке второго этажа женской туфельки.

Гайал зашел в кассу, где организовали что–то вроде временного координационного штаба — доложить, узнать новости и сдать раненного орангеса. Особых новостей не было. Во дворе без изменений, в парке тоже. Разве что за оградой поприбавилось зевак, любопытствующих поглазеть на «учения». Но так как ничего особенного пока смотреть не было, кроме изредка мелькающих на крыше и на стенах «хайр», а в сам парк, слава Небесам, никого не пускала полиция, зеваки уже начали разочарованно расходиться.

От ушедших в цоколь людей майора тоже не было пока известий. Ну это понятно — цоколь занимал куда более обширные пространства и закоулков там было куда больше: кладовки, подсобки, мастерские, всякие там ходы и вентиляция — пока все обойдешь да обшаришь… а людей у майора было едва нормально укомплектованный экипаж, то есть — двенадцать человек даже с учетом прикомандированных.

Гайалу и Легиру предложили взять еще по паре егерей, и они перешли на второй этаж.

То же самое: пустота, слабо заметные следы поспешности и ничего, что говорило бы о том, куда именно исчезли люди. И ни одного прямого указания, что людей увели, тоже не было. Ничего, кроме здравой логики. Ни к чему, не от чего да и некуда было бежать из Музеума не допив кофе, не одевшись толком, побросав на тележках книги, приготовленные для читателей, оставляя туфельки на лестницах, подобно беглым девицам из старинных сказок.

Подтверждение было найдено на третьем этаже, который полностью занимал читальный зал библиотеки, и нашел его, видимо, как компенсацию за невезение, тот самый обиженный лейтенант, имени которого Гайал так и не удосужился спросить.

Правда, началось все с маленького эксцесса.

Быстро обследовали коридор и заняли исходные позиции, чтобы войти в зал, как вдруг поручик Легир подал сигнал: «Внимание!». Он стоял возле самых дверей и первым уловил доносящиеся из зала звуки. Все замерли.

Гайал кивнул. Да, за дверью кто–то был. Едва слышно там кто–то шел, скорее даже крался, и опытный слух улавливал это движение.

Легир показал ему четыре пальца.

Гайал согласился. Пожалуй, да, там продвигались четверо, продвигались скрытно. Он даже различал негромкие голоса, когда они окликали друг друга. Голоса то приближались, то отдалялись. Гайал даже различил слова. Гм…

«Что делаем?» — одними глазами спросил Легир.

«Берем!» — кивнул Гайал.

Заняли позицию. Двери здесь открывались наружу, поэтому двум егерям было приказано по сигналу распахнуть их.

Гайал махнул рукой, и через секунду шестеро ОТК-шников объединенной штурмовой группы ворвались в зал и рассыпались полукругом, прячась за столами.

В зале было пусто и тихо. Но Гайал точно знал, что здесь кто–то есть, кроме его людей.

— Эй! Кто здесь? — крикнул он, не высовываясь. — Бросить оружие, встать в полный рост с поднятыми руками! Вы окружены!

Не успело эхо приказа заблудиться под сводами зала в темной бронзе и пыльном хрустале старинных люстр, как откуда–то из глубины зала, с верхнего яруса донеслось наглое и какое–то веселое:

— А жизнь гарантируешь?

Голос был, само собой, знакомым.

Из–за соседнего стола на Гайяла с вытянувшимся лицом пялился поручик Легир — тоже, конечно, удивился, но еще не понял. Наверное, и у самого Гайала физиономия выглядела не многим лучше, но с удивлением он справился быстрее.

— Вам, подпоручик Димтер, я гарантирую штрафной бал в личную карточку и устный выговор от майора, — сказал он громко он, поднимаясь из–за своего убежища, и крикнул в коридор: — Отбой!

— Это за что ж так жестоко–то, Гайал? — подпоручик Димтер каланчой вырос за перилами второго яруса. Даже в полном боевом он умудрялся выглядеть тощим и нескладным, так что броневой жилет с набитым всякой необходимой в бою и после него всячиной карманами выглядел на нем, как гнездо грачей на усохшем дереве. Позади него из–за столов появились еще двое —

оба в черном, но один со значком ОТК, а второй с егерским рожком на клапане кармана.

— А за то, что мы услышали тебя две минуты назад, — ответил Гайал.

— Подумаешь, — Димтер одним движением перемахнул перила и мягко опустился на пол тремя ярдами ниже. — Я не очень–то и скрывался, между прочим. Знал, что вы должны быть здесь. А вы припозднились.

— Все равно, — сказал Гайал нравоучительно, — ты должен был двигаться тихо, чтобы блоха носа… И что вы здесь вообще делаете? Ты же ушел с майором в цоколь.

— Там оказалась куча незанесенных на планы ходов в стенах, — ответил Димтр. — Это не дом, а сыр с дырами какой–то. Майор послал нас в разведку, даже ребят со двора вызвал. Так что поосторожнее со стрельбой, как бы не перестреляли друг друга.

— Учтем, — ответил Гайал. — Начинаем зачистку, господа! — обернулся он к своим. _ Что там внизу?

Димтер махнул своим:

— Присоединяйтесь, ребята! — потом пожал плечами и ответил: — То же самое — никого. Но мы ушли наверх почти разу, так что ничего точно сказать не могу.

Работали сразу обеими группами, не столько уже опасаясь какого–то нападения, сколько осматривая следы, которых здесь было больше.

Обиженный временным начальством лейтенант внимательно осматривал порученный ему ряд столов, стараясь ничего не упустить. Думаете, хотел заполучить расположение? Вы плохо думаете об офицере Королевской Охоты, господа! Рану немножко саднило, напоминая об уроке, преподнесенном ему, но он не думал обижаться. Все было правильно. Просто досадно, что его ровесник да еще поручик к тому же (хотя звания в спецполуроте Отдельной Тайной Канцелярии по табели о рангах были на два пункта выше армейских, но ведь и он не просто офицер, а егерь Королевской Охоты!) можно сказать, унизил его при всех. Пусть в назидание. Только… Только он тоже не сопливый юнец и у него за плечами тоже есть боевые операции. Один рейд через Большую Пограничную в глубину Чифандийской территории на сто с лишним миль дорогого стоит! Неужели нельзя было просто сказать, одернуть — он бы понял, не дурак ведь! А тут еще этот несчастный орангес… Ну не везет сегодня, хоть тресни! А раз так, то ни о каком выслуживании речи быть не может. Речь идет о том, чтобы переломить это дурацкое невезение.

И ему удалось, все демоны мира и Аха в придачу!

Под одним из столов мелькнуло что–то белое, и лейтенант нагнулся, потом присел и осторожно поднял смятый листок обыкновенной писчей бумаги. Он осторожно развернул его, будто из листка могла выпрыгнуть какая–нибудь ядовитая тварь (а то и еще один орангес), или он рассыпался бы у него в руках. Конечно, никто оттуда не выпрыгнул и листок не рассыпался.

Это была записка.

Лейтенант прочел ее и выглянул из–за стола.

— Господин поручик! — негромко позвал он.

Гайал моментально оказался рядом.

Лейтенант протянул ему записку.

Карандашом, торопливым почерком было написано:

«3 пополуд. 24 м. Люди в плащах и капюшонах уводят всех вниз. Лиц не видно. По несколько чел. зараз. Остальн. держат под дулами арк–ов, я таких не видел, со стр. утолщ. за стволом. Они спешат, нервничают. Угрожают. Говорят: будем заложниками для свободы Товьяра. Скажите маме, что…» — длинный росчерк от обломанного грифеля. И все. Сломанный карандаш валялся тут же, под столом.

— Ну, слава Небесам. Теперь все понятно, — сказал Гайал. — Благодарю вас, лейтенант.

Лейтенант пожал плечами: мол, чего там, рады стараться.

— Я вниз, — продолжал Гайал, засовывая записку в карман жилета. — Поручик Легир за старшего. Продолжайте осмотр. На четвертый этаж до моего возвращения не подниматься. Димтер, ты со мной? Доложишь по начальству.

Димтер кивнул.

— Будет исполнено, поручик, — кивнул белобрысый Легир. Скомандовал: — Продолжаем осмотр, господа офицеры!

ТЕ МЕСТА:

СТОЛИЦА

19

Рет — Ратус подтянул к себе папку и какое–то время рассматривал незаполненные графы на обложке. Проставлен были только порядковый номер в разделе «ДЕЛО N …» — 58934.

Рет — Ратус макнул перо в чернильницу и внес данные в графы «Фамилия: … Имя: … Звание: …», строчкой ниже — «Поименование» — вписал: «Охота на лис–оборотней» — лучше ничего не придумалось; в графе «Открыто» написал позавчерашнее число. Вздохнул.

Да, кто бы мог подумать, что из простого, незатейливого можно сказать, частного поручения экс–канцлера за какие–то

двое суток вырастет дело государственного масштаба. Если пока еще не об измене Короне и попытке государственного переворота, то уж о некоем тайном обществе, деятельность которого может быть приравнена к измене, пахнет именно попыткой переворота и уже не вызывает сомнения. И все из–за какой–то девчонки!..

Нескольких девчонок, поправил себя Рет — Ратус; и не важно, что одна из них была женой высокого вельможи Империи, вторая просто любопытная провинциалка, а третья… Впрочем, третья–то как раз не причем. Он вздохнул — а разбираться во всем ему.

Хотя все неприятности из–за них, из–за баб этих. Не любил Рет — Ратус с ними связываться.

Рет — Ратус открыл папку, положил перед собой и взял лист чистой бумаги и написал:

«Директору Внутреннего Имперского Департамента его высочеству князю Беруджи по делу Отдельной Тайной Коллегии Его высочества Департамента за номером 58934 поименовному «Охота на лис–оборотней» ДОНЕСЕНИЕ…».

Потом погрыз перо и отложил. Прежде чем начать излагать, надо было восстановить в памяти вехи.

Итак.

…Махрийская царевна Ксанта, будущая герцогиня Сагал, в детстве мало чем отличалась от прочих своих сверстниц: воспитывалась в обыкновенных для махрийки строгости в женской половине дома отца, получала обычное домашнее воспитание — довольно приличное и вполне достойное царевны. (Рет — Ратус внутренне усмехнулся. Там у них в Махрии чуть ни каждый дворянин царь. Царь чего–нибудь. А верховный правитель — царь царей. Это всем известно и служит постоянным поводом для шуточек — земли–то в той Махрии мыш наплакал. Но так уж там у них повелось с древних времен: любой маломальский землевладелец на своей земле был царем. Вот как, например, отец Ксанты носил гордый титул «Царя и властелина Верхних и Нижних Мхов, двух дорог и трех мостов» — и это было не мало.) Одним лишь отличалась девочка Ксанта с ранних лет: едва научившись читать, она увлеклась магией…

Впрочем, чему удивляться, раз в тех самых Верхних Мхах у ее отца было довольно большое карамельное производство, и девочка, можно сказать, росла среди карамели — играла карамельными игрушками, носила карамельные украшения, и вообще знала о карамели больше, чем иной взрослый. К тому же она читала все, что попадалось ей под руку, в том числе и о магических свойствах этого предмета…

Так что к двенадцати годам у маленькой Ксанты развилась страсть не только к карамели как таковой, но и к магии и

волшебству в целом. Она уже не просто собирает карамельные безделушки — у нее появляется заветная тетрадка, куда наравне с обыкновенными девичьими записями царевна начинает заносить разнообразные заклинания, формулы заговоров, описания магических обрядов и гаданий. Ничего дурного ни в гаданьях, ни в заговорах от простуды и зубной боли, ни в приворотах–отворотах, конечно, нет — эта детская болезнь колдовства не минула многих знатных дам вообще, а в карамельной Махрии тем более.

Однако у юной царевны болезнь прогрессирует: рецепты, заносимые в тетрадь, год от года становятся все изощреннее, и к четырнадцати годам от невинных развлечений она переходит к настоящему чернокнижию: записи заносятся уже в отдельную тетрадь и шифруются. Код, конечно, самый простенький — царевна записывает рецепты печатными «полубуквами» — однако человек, не знающий хорошо по–махрийски, разобрался бы в записях далеко не сразу.

Рет — Ратус внимательно просмотрел приложенные к делу листки с расшифровками и даже выписал отдельно некоторые даты — совпадения получились любопытные.

Например, почти в то же самое время неожиданно умирает жених, за которого царевна должна была выйти замуж в пятнадцать лет. Совпадение? Умышление? Прямого подтверждения или опровержения в записях нет, но известно, что за несколько недель перед этим потенциальный жених, зная о склонностях Ксанты, подарил будущей невесте великолепную карамельную куклу — вроде бы в качестве своего портретного изображения, а Ксанта в своих записях ранее отзывалась о нем весьма пренебрежительно.

Как говорится: имеющий ум да им воспользуется. Хотя бы задним… гм… числом

Правда, после смерти несостоявшегося жениха в дневнике Ксанты начали появляться и раздраженные записи: царевне не терпелось стать женщиной, а это все откладывалось и откладывалось, потому что отец перебирал и перебирал претендентов. (Которые, надо заметить, несмотря на красоту и завидное богатство, не спешили свататься — по Махрии поползли зловещие слухи, распространяемые, впрочем, родственниками несостоявшегося жениха.) Как бы то ни было, но Ксанта выходила из себя: ведь ей уже семнадцать, а в Махрии незамужняя восемнадцатилетняя девушка уже считается старой девой. Словом, согласно старой поговорке: «замуж уж невтерпеж».

Как же выходит из положения нетерпеливая Ксанта? Она обращается к одному из своих рецептов и подливает отцу

несколько капель некоей жидкости, а потом, воспользовалась спровоцированным настоем безволием родителя, добивается почти невозможного — права выехать из Махрии к столичной тетке и провести там один сезон. Уже одно это, будучи раскрытым, стоило бы царевне жизни, так что побег имел двоякую цель: вырваться из кабалы родительского дома и выгодно пристроить себя в дальнейшей жизни. Но вряд ли сама царевна боялась именно разоблачения. В данном случае она действовала чисто по зову плоти. (Что, кстати, свойственно ей было почти всегда — она была не столько умна, сколько просто сметлива и изворотлива.)

Прибыв в Столицу, царевна была уверена, что к концу сезона окрутит какого–нибудь имперского аристократа. При этом она полагалась не только на личное обаяние. Царевна была предусмотрительна, и у нее заранее был припасен целый сундучок всяких снадобий — одних только рецептов для устранения нежелательной беременности в нем насчитывалось более десятка.

Зов плоти преобладал: девственность Ксанта потеряла практически сразу же по приезде — за несколько дней она заставила потерять голову теткиного эконома и фактически затащила его в свою постель. И это было только начало. Царевна прямо–таки наслаждалась доступностью мужчин — ведь ранее вблизи она видела разве что отца; евнухи в счет не идут.

В короткий срок она перепробовала, вероятно, всех мужчин в доме — причем в записях она подробно описывала все, что происходило с ними, и даже сравнивала особенности строения и крепость мужских органов (в дневнике, не предназначенном, конечно же, для чужих глаз, это было расписано подробно и с циничностью, которая покоробила бы, пожалуй, самую прожженную проститутку из солдатского борделя).

В то же время в свете и на балах она была сама воплощенная невинность, что не мешало ей собирать и сортировать самые скабрезные слухи обо всех потенциальных женихах.

Все это, конечно, не подсудно, но весьма недвусмысленно показывает моральный облик будущей герцогини Садал; поэтому Рет — Ратус и решил отразить сие в докладе. Князь, конечно, поморщится, ведь речь идет о жене его племянника, но не для того Рет — Ратус наступает на свежую мозоль начальства, чтобы ущемить его. Просто одно из другого вытекает: будь царевна поразборчивей в связях, могло бы и не быть дела N 58934. Впрочем, описание предыстории вопроса заняло не больше страницы.

А вот на следующей начнется кое–что более занимательное.

В конце зимы, проведенной юной царевной Ксантой в Столице, у нее появляется постоянный любовник (впрочем, постоянный — не значит единственный), покоривший ее не только физическими статями, но и общностью интересов. Сей вполне зрелый молодой человек в промежутках между любовными утехами вел с ней (насколько сейчас можно судить — вполне целенаправленно) разговоры о магии, давал читать какие–то таинственные фолианты, и они невесть что творили, уединяясь под покровом ночи. В общем, с его помощью подугасшая было страсть к магическому у махрийской царевны получила подпитку — она стала совмещать приятное с полезным.

Да так успешно, что лишь за неделю до встречи весны — а дело, как назло, было в високосный год, — царевна Ксанта поняла: при нынешнем своем уровне владения магией испытание в Парке Фейерверков Арафы она не пройдет. Сказаться больной? — пришлют лекарей. Срочно ехать домой в Махрию? — но это будет просто еще одним способом совершить самоубийство: гаремные бабки–прислужницы чуть ли не по цвету ногтей могут выявить согрешившую девицу, а ей уже пришлось один раз, несмотря на все женские и колдовские предосторожности, прибегать к тайной помощи повивальной бабки.

Заботливый любовник подсказал ей идею послать в Арафу вместо себя якобы молочную (но, как теперь достоверно стало известно, вовсе даже единокровную) сестру, приживалку и служанку, скромницу Амнис: девушки были до того похожи, что не воспользоваться этим сходством было просто грешно. Дело оставалось за малым — уломать сестру. И бедняжка согласилась пройти испытание за несчастную Ксанту, поделившуюся с ней своим горем: она стала жертвой коварства некоего негодяя–соблазнителя, силой взявшего ее, и теперь прохождение обряда грозит раскрытием тайны, позорной высылкой назад, в Махрию, а там… Амнис знала, что ожидает там, и поддалась.

И что вы думаете? Именно ей, скромной Амнис, а не великолепной Ксанте, удалось сделать то, на что та потратила всю зиму: жребий поставил ее в пару молодому герцогу Садалу, и тот пленился ее очарованием так, что две недели спустя явился просить руки царевны! Узнав об этом, Ксанта не на шутку рассердилась на свою сестру–приживалку. Она была просто взбешена, но до поры не выказывала своих чувств и была с Амнис примерно добра, уверяя в своей благодарности за наметившийся брак.

Однако теперь девушка представляла для нее прямую опасность. Даже две: история с подменой, стань она достоянием

гласности, грозила ссылкой, но если станет известно, что наметившийся было жених влюблен вовсе не в ту девушку, которая должна вот–вот стать его женой, попахивало кое–чем пострашнее — такие шутки с высшей аристократией просто так не проходят…

Но все по порядку, господа! Их высочество князь Беруджи, брюзгливая брюква, благослови его Небеса, не любят, когда нарушается последовательность событий.

Рет — Ратус погрыз перо, сделал несколько заметок для себя на отдельном листке, и продолжил работу, решив оставить далеко идущие выводы на потом.

…С помолвкой не торопились: тетка была польщена, однако своей волей выдать замуж племянницу не могла. Пока списались с Махрией, пока получили разрешение — тут и лето прошло.

А еще весной, если судить по записям, царевна повадилась посещать некие собрания в некоем доме, куда отвозил ее любовник — он уже (не без подачи самой Ксанты) служил в доме тетки кучером, и посещения маскировались под вполне невинные прогулки по Столице.

Во время этих мнимых прогулок, кучер–любовник и приобщал юную Ксанту к тому, что в показаниях уже бывшей герцогини Садал значилось как «служение Полозу» и лучше, чем сама она, об этом не поведаешь.

Поэтому Рет — Ратус нашел соответствующий лист, в котором все излагалось предельно точно и ясно, и просто переписал оттуда:

«На вопрос о тайном обществе, в которое, по ее собственному признанию, привлек ее любовник, Лотимет Конер, двадцати восьми лет, мещанин, бывший студент гуманитарного колледжа Благочестивого Кадры, в то время состоявший на службе у ее родственницы кучером, и коего допросить не представляется ныне возможным по причине его гибели либо пропажи (тело не было обнаружено) при невыясненных обстоятельствах два годе назад (подробнее см. лист 12 дела), допрашиваемая показала нижеследующее.

Три года назад вышеозначенный Лотимет предложил допрашиваемой принять участие в некоем магическом обряде и тем самым приобщиться к таинствам некоего тайного ордена, и после того, как она согласилась, самолично привез ее в закрытой карете в некое место, откуда по подземному ходу (длиной не менее нескольких сотен ярдов) они проникли в просторное помещение с зеркальными стенами, где допрашиваемая увидела множество (до сотни) людей в плащах и с закрытыми капюшонами лицами (подробнее описание см. лист 36 дела).

После свершения обряда посвящения ее в орден, ее провели наверх, где в специальном помещении, называемом «комнатой откровений», она вступила в половую связь сначала со своим любовником, а затем и еще с несколькими мужчинами, являющимися высшим руководством так называемого «Ордена Полоза». По уверению этих людей, таким образом она раскрыла свой магический потенциал — «дар».

С этого дня допрашиваемая вошла в орден под именем «брат–проводник», и ее обязанности заключались в основном именно в том, чтобы в вышеупомянутой «комнате откровений» вступать в половые связи с новообретенными «братьями» и постоянными членами ордена по мере необходимости с тем, чтобы помогать им раскрывать и активизировать «дар»…»

Рет — Ратус еще раз просмотрел лист и подумал, что этот самый орден просто таки–создан был для сладострастной герцогини–чернокнижницы, потому что уж больно хорошо сочетал в себе обе страсти: сладострастие как таковое и увлечение магией.

Только магия–то здесь причем?

Вот уж вправду говорят в Таласе: на Отмелях ушки, а со Стены не видно… Надо же, если верить этой шлюхе, то общество существует много лет и в его составе полно аристократов, а он, Рет — Ратус, про него слыхом не слыхивал! Само собой, все эти аристократы только и делают, что от нечего делать создают всякие клубы, общества, ложи и ордена в меру своих увлечений и испорченности. Они даже для того, чтобы просто чашечку кофе выпить, могут тайное общество создать!.. Сколько смеху было, помнится, когда раскрыли так называемый «заговор Двенадцати Рыболовов». Полгода вели расследование, слежку, пытались внедриться в тщательно законспирированное узкое сообщество, а когда внедрились, долго не могли поверить, что двенадцать родовитейших аристократов ежемесячно собирались на вилле одного из них и удаляли всех слуг лишь для того, чтобы, наловив рыбы, самостоятельно приготовить уху. А как мучились шифровальщики, получив в свои руки перехваченный пакет, который один из рыболовов с нарочным пересылал другому… Ох уж мне эти мужские игры! И ведь вроде нормальные люди.

А уж если в подобное сообщество принимают еще и дам, то детскими развлечениями тут уже не пахнет, а пахнет скорее оргиями. Разных обществ подобного пошиба в Столице существовало несколько, Рет — Ратус это знал хорошо (и даже использовал их своим ведомством в целях безопасности Короны). По сути это были те же самые бордели, где пресытившаяся публика развлекалась всяк на свой манер. В том числе и под

видом магических обрядов, якобы тайных верований и прочего. Это не поощрялось, но и не возбранялось тоже. Не судить же в самом деле поклонников древнего эротического учения «Приток Реки на Восходе Солнца» как чифандийских шпионов за то лишь, что учение их якобы пришло из Чифанды?..

Никто и не судил. И вообще: вопросы нравственности Имперской знати мало волновали Рет — Ратуса. Небеса им судья, а на грешной земле это прерогатива полиции охраны нравов, а не его коллегии. Его ведомство занимается другими организациями и обществами, такими, так то, которое как раз — как ожидалось! — и обнаруживается в дальнейших показаниях герцогини, каковые она дала после угрозы прохождения Огненного Обряда.

Вот они; Рет — Ратус взял следующий лист.

«На вопрос о целях, составе и местонахождение квартиры «Ордена Полоза» показала, что ничего этого она точно не знает», _ продолжал переписывать Рет — Ратус с листка. — «В дом ее привозил любовник в закрытой карете, из которой она выходила только во внутреннем дворе, затем ей завязывали глаза и проводили внутрь, после чего она спускалась в подземелье. Люди, с которыми она общалась постоянно были в плащах с накинутыми капюшонами, так что лиц их она не видела; у некоторых на капюшонах были обручи в виде змеи, кусающей себя за хвост — это были особо посвященные. Обыкновенно после вступительной церемонии люди с обручами уводили ее во внутренние покои, где сначала беседовали о магии и текущих делах, расспрашивали о разном и давали наставления. После чего она исполняла свои обязанности «проводника», а затем получала благословение того, кого полагала главой общества, и тот же любовник увозил ее обратно.

Что происходило в общей зале после ее ухода, она сказать не может, потому что ни разу не участвовала в общих церемониях, так как ее как особо важную персону держали в тайне от рядовых членов.

О целях общества допрашиваемая рассказать может только общее. Будто бы орден занимается практической и прикладной магией и составлением сборников магических текстов. Ни о каких политических либо иных целях допрашиваемая не знает, хотя судя по содержанию задаваемых ей вопросов можно составить представление, что одной из целей общества является восстановление династии Тевиров или же отделение Севера Империи и создания независимого государства под правлением Товьяра».

Вот именно — или–или. Если просто «восстановление

династии», то сие неподсудно, этим грезит любое северное землячество, а их в одной только Столице чуть не десяток. А вот если «отделение и создание» — это уже другая статья, а именно: «прямая или косвенная измена Короне» (статья 16, параграфы с первого по последний включительно «Имперского Свода Законов»).

Но вернемся к нашей царевне, продолжал рассуждать Рет — Ратус, которой пора превращаться просто в герцогиню Садал, а потом и в Прекрасную Герцогиню. И тут мы выходим к тому, что найдется повод для заговора или нет, но пресловутый «Орден Полоза» напрямую замешан в «преднамеренном убийстве с применением магических средств» (статья 138, параграф 5, пункт 3/8), потому что: «По вопросу об убийстве девицы Амнис показано, что один из глав приказал допрашиваемой привлечь ее к «служению Полозу». Так как девушка добровольно не согласилась бы, допрашиваемая призналась, что обманом заманила молочную сестру в дом, где проходили тайные встречи…»

…Будущая Прекрасная Герцогиня в своем дневнике не описывала в деталях последовавшего изнасилования, но и без того каждое слово ее записей сочилось ненавистью к родственнице–служанке: служители Полоза, как ей показалось, предпочли свежую плоть, а царевне во время ритуала перепали какие–то крохи. Амнис, однако, чем–то не подошла ордену в качестве «проводника», и тогда было принято решение использовать в другом качестве: девушку, обладавшую по понятиям ордена большой силы «даром», надлежало убить в качестве жертвоприношения, чтобы этим «даром» напитать то таинственное божество, которому, видимо, Орден и поклонялся. (В этом, последнем, пункте показания бывшей герцогини была наиболее невнятны: по ее словам получалось, что воплощением мифического Полоза являлась некая каменная колонна, вокруг которой вилась лестница, ведущая к «комнате откровений» — но что это за колонна и что она представляет из себя, герцогиня показать толком не могла: она начинала путаться и нести полную невнятную околесицу, вплоть до падения в обморок. Присутствовавшая при допросе эксперт коллегии по магии утверждала, что герцогине поставлено заклятие неразглашения или что–то вроде этого; словом — подробнее см. лист с такого–то по такой–то экспертного заключения, где изложено все, вплоть до самого бреда.) Царевну глубоко разочаровал тот факт, что служители Полоза вовсе не собирались тут же какими–нибудь ритуальными ножами заколоть Амнис. Для этого Ксанте было предложено использовать карамельную куклу без наречения,

которую она по наущению все того же любовника–кучера уже давно приобрела по своему приглашению в Арафу на Карамельной мызе, нарекла Амнис и использовала, чтобы следить за девушкой и держать ее в узде.

Ксанта собственноручно совершила некротический обряд. Прямо в доме тетки, куда привезли беспамятную и бесчувственную после надругательства девушку, кучер показал царевне потайную комнату (та и не подозревала, что в доме тетки есть какие–то тайные ходи и помещения), помог провести обряд и вывел ее обратно. И поскольку голова у нее была занята совсем другим — но скорее всего по совсем иным причинам, — где именно находится чуланчик, она не запомнила.

(Некоторая громоздкость акции легко было объяснить простым соображением, хорошо понятным для Рет — Ратуса и совершенно не дошедшим до озабоченной совсем другим царевны: орден таким несложным образом повязал своего «проводника» кровью, оставив все улики — а значит и саму Ксанту — под своим полным контролем. Скорое исчезновение любовника — прямое тому подтверждение.)

Но саму царевну такие пустяки тогда не беспокоили. Амнис в тот же вечер заболела и, проведя две недели в горячке, почти не приходя в сознание, умерла. Ксанта, надо заметить, не отходила от больной, изображая крайнюю заботу и милосердие (чем, к слову сказать, весьма положительно повлияла на свою репутацию в свете, прослыв не просто красавицей, но красавицей милосердной), а на самом деле контролировала течение болезни и (судя по записям) просто наслаждалась видом умирающей девушки.

Тем временем отец не только одобрил брак с герцогом, но даже и дал указание заключить этот брак быстрее — не то что бы он что–то такое за Ксантой подозревал, просто царевне шел уж восемнадцатый год, и медлить с замужеством не следовало.

К свадьбе необходимо было обзавестись свадебными нарядами, и царевна даже про «служение Полозу» на время забыла (или ей было дано на то указание). У нее были более важные проблемы. Тряпки — тряпками, но не следовало забывать, что на брачное ложе царевна должна принести хоть подобие девственности. Что ж, орден и с этим ей помог: одни из высших иерархов его оказался искуснейшим хирургом и восстановил девственность собственными руками без всякой магии, так что ничего не подозревающий герцог остался вполне доволен невинностью своей юной супруги.

Первые месяцы после замужества Ксанта и не вспоминала о служении Змею — не потому, что это вдруг перестало ей

нравиться, просто герцог был настолько влюблен, что практически не расставался с ней, но едва пылкость новобрачного слегка поостыла, Ксанта возобновила свои занятия с прежним рвением.

И продолжала их до самого недавнего времени. Когда вновь с непозволительным опозданием сообразила, что замок Арафа снова ждет ее в гости, а другой Амнис под рукой нет. Тогда–то она и подсуетилась оморочить герцога сказками о беременности и заставить его подыскать подмену…

Рет — Ратус поднял глаза от страницы.

Ну что ж, неплохо. Сами по себе события изложены, дальнейшее известно и так.

Теперь настала пора вопросов, выводов, предложений «мер по усилению» и прочего.

Впрочем, кое–какие выводы все же можно сделать. Или выдвинуть предположения. Или хотя бы поставить вопросы.

Во–первых, этот самый таинственный любовник–кучер–чернокнижник. Кто он? Откуда взялся? Куда делся? Почему давал такие «умные» советы и так вовремя?.. Его, конечно, не найдешь, но попробовать покопать в его связях можно.

Во–вторых, которое если не вытекает из «во–первых», то уж относится к нему точно: не много ли совпадений во всех этих событиях для просто случайностей?

Первое. Слишком уж долго наша девица не могла сообразить, что не пройдет Огненный обряд. Спохватилась за неделю? Хм, весьма сомнительно. Скорее кто–то позаботился о том, чтобы она об Арафе не вспоминала.

Второе. Бывшая — а тогда еще будущая — Прекрасная Герцогиня само собой не производит впечатления слишком умной женщины, и все ее тогдашние интересы… как бы это поделикатнее выразиться… да чего уж там! — все ее тогдашние помыслы не распространялись на что–либо находящееся выше чем на ярд от пола. Даже магией она увлекалась именно и только в этом направлении. Остальное ее интересовало постольку–поскольку. И вдруг, ни с того ни с сего — серьезное чернокнижие. Это было явно привнесено извне. И тут как раз всплывает этот самый любовничек — он и надоумил. Наверняка. А вот сам ли или по чьему–то наущению — это уже и не вопрос.

И что из всего этого следует?

А то, что очень уж красиво и логично все получается.

В Столицу из провинции приезжает знатная девица, мечтающая выскочить замуж, да не просто так, а повыгоднее; к тому же, по слухам (а как же без слухов–то!) балуется магией. И вот кто–то, пока не известно кто, но кто–то очень серьезно магией

интересующийся, обращает на нее свое тайное внимание. Этот кто–то подсылает к девице любовника, чтобы убедиться, что девица действительно знает и умеет что–то большее, чем простые приворотные заклинания, — слухи слухами, но убедиться не грех. Убеждается, и решает использовать увлечение в своих целях. Каких — пока следующий вопрос. А как — нет ничего проще. Что самое главное в этом деле? Чтобы наша девица никуда не делась с крючка. Значит — повязать кровью; проще — обычный шантаж с примесью магии, но кровь всегда надежнее. Вот тут разыгрывается ситуация с Амнис и карамельной куклой.

Представляется весьма сомнительным, чтобы таинственный некто попустил, дабы перспективная птичка в его клетку сгорела бы во время Огненного обряда. Но и допустить, чтобы она слишком рано сама догадалась об этой возможности, тоже нежелательно. А посему ее надобно держать в неведении до самого последнего момента и лишь потом поставить перед фактом и предложить удобный для себя выход. Что и было успешно проделано с помощью бедняжки Амнис.

Нет, государи, здесь, чтобы вы не думали, наш драгоценный любовничек не просто сутенер, поставляющий доступных дамочек благородным господам! Рет — Ратус на таких вещах собаку съел и может отличить самодеятельность частного лица от хорошо сплоченной организации. И его дело донести эту мысль до самых верхов… А уж если в деле замешана магия — тем паче! Это нормальный человек — вроде герцога Садала, например, — в наше просвещенное время относится к магии, как к каким–то бабушкиным сказкам, а люди умные помнят, что и ста пятидесяти лет не прошло с того времени, как таким же попустительством и недоумием чуть было не рухнула Империя — ведь тогда все началось с того, как простой дворянчик из никому неведомого местечка на Севере вдруг обрел такие способности, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и обыкновенная смута в провинции чуть не окончилась крахом самой Империи… К слову и сам–то Огненный Обряд, к тому времени успешно спущенный по ведомству тех же бабушкиных сказок, был возрожден, и, кстати сказать, неоднократно подтвердил свою действенность — ему ли, Рет — Ратусу, того не знать… Словом, а не зашевелился ли неведомый новый Абраксас, герцогиня всего лишь одна из присных его?..

Ведь, если допустить такую возможность, то как здорово опять же все получается: неведомый кто–то ищет способ пробраться в самые верха Имперского общества и использует для этого все возможности. В том числе и перспективную провинциальную дамочку с явными к тому же магическими

способностями. Тогда вся история с карамельной куклой и подменой выглядит не как некая шалость и попытка скрыть грешки, а как именно попытка заговора против Империи… Тогда и смерть Амнис, и якобы ее случайное попадание в пару с герцогом Садалом, вельможей весьма высокого полета, выглядят вовсе не случайными. Нет ли и здесь большего?

Есть, как святы Небеса, есть!

Кстати! Рет — Ратус вновь взял листок с пометками на перспективу и добавил: «Плащи «змеиного» цвета». Отследить по лавкам–мануфактурам, установить потоки, оптовиков — сложно, мода. Проверить, кто и где размещает заказы на пошив. Поручить.» Последнее слово он дважды подчеркнул. Действительно, сейчас, куда ни плюнь, эти самые змеиные цвета — мода, понимаешь ли. И отследить, куда идет из лавок и магазинов вся эта волна разнообразнейших пестрых тканей, практически невозможно. Вот если бы плащи были, к примеру, из золотой парчи, было бы куда легче. Парча из моды вышла, и любая значительная ее покупка была бы заметна и вызвала бы слухи среди оптовых торговцев… Но таковы уж правила игры, надо попробовать и это, раз нет других зацепок. А их, увы, практически нет, потому что:

«После четырехчасового дознания допрашиваемая герцогиня Садал, ссылаясь на недомогание, испросила отдыха и была препровождена в отдельное охраняемое помещение, где по прошествии трех часов была обнаружена без признаков жизни. Лекарь констатировал смерть от мозгового кровоизлияния. В связи с обстоятельствами смерти проведено дознание, не выявившее никаких подозрений в неестественности случившегося, что, однако, не исключает внешнего воздействия на подследственную иными (например, магическими) методами.

Посему дальнейшее дознание подследственной представляется невозможным по естественным причинам. Однако следствие по делу покойной прекращено не будет до окончательного выяснения всех открывшихся обстоятельств».

Вот так. И ничего не поделать. Концы в воду.

Он вздохнул и дописал:

«Дабы не возникло слухов, могущих воспрепятствовать продолжению расследования, истинные причины смерти герцогини Садал предлагается сокрыть (см. Приложение 1), а в целях недопущения инцидентов, подобных приведшему к началу данного следствия, предлагается желательным усилить меры по…», скоренько перечислил сами «меры по…», подписал стандартным: «С величайшим к Вашему Высочеству почтением — начальник Отдельной Тайной Коллегии вверенного вам

Внутреннего Имперского Департамента эрст–резидент Рет — Ратус» и проставил дату.

Окончательно отложив перо, Рет — Ратус еще раз перечитал написанное. Пожалуй, его сиятельство будут довольны — сухо, скупо и по делу; «ничего лишнего и ничего личного», как изволит выражаться сам князь, давая указания на доклад. Вместе с донесением в папку с рапортом он вложил, помимо прочих, два листа с заранее заготовленным текстом

Лист первый гласил:

«Приложение 1.

Примерный текст рекомендуемого сообщения о смерти герцогини Садал для разделов светской хроники:

«Внезапная сильная и скоротечная простуда, случившаяся с юной герцогиней Садал после новогодних празднеств в замке Арафа, унесла жизнь той, которую без преувеличения можно назвать самым прекрасным цветком Империи. Прощание с покойной по убедительной просьбе близких и родственников усопшей будет проведено в узком кругу. Похороны состоятся в родовом имении ее отца по махрийскому обряду».

В приложении же номер два Рет — Ратус предлагал ко всему прочему проводить идентификацию приглашаемых в Арафу по отпечатку большого пальца правой руки, поскольку последние исследования, проведенные антропологической лабораторией коллегии, выявили, что подобное опознавание намного надежнее, чем, например, идентификация по двенадцати измерениям, которую не так давно внедрила для своих «подопечных» Сыскная Коллегия Полицейского департамента.

20

Алики определили жить в доме, принадлежащем Отдельной Тайной Коллегии, в том самом, где она из просто Алики Гитион стала агентом Гитион Алики.

Ее комнатка находилась во флигеле дома, который назывался казармой, и располагалась за комнатами здешней экономки. Было неловко — проходить всегда через спальню милой старушки, однако совершенно неприлично было бы поселить молоденькую девушку в одной из комнат флигеля там, где жили несемейные служащие коллегии. Даже Рет — Ратус, которому на правила приличия было в общем–то наплевать, счел, что так действительно нельзя:

— Еще обидит кто девчонку. Вы уж, тетушка Миррима, присмотрите…

Ну, собирался ли кто обижать Алики, неизвестно, однако

обитатели флигеля, встречая ее поначалу, рассматривали гораздо пристальнее, чем то рекомендовали правила хорошего тона. Можно, конечно, сделать скидку на любопытство, с каким, например, смотрят на нового сослуживца, но некоторые взгляды были просто уж больно откровенные.

Алики это нервировало, но и отсиживаться под прикрытием апартаментов тетушки Мирримы она не собиралась. Тем более, что в первый же день выяснилось, что агенту Гитион, как всем прочим служащим коллегии, надлежит посещать занятия по гимнастике и тир. Тетушка Миррима лично выдала ей гимнастический костюм, состоящий из мешковатых штанов и рубахи, а также тапочки, привязываемые тесемочками к щиколоткам, и вместе с ней, захватив корзинку с рукоделием, отправилась в зал для тренировок.

Зал занимал все правое крыло первого этажа здания; народу сейчас здесь было немного: несколько человек возились на разосланных по полу матах, двое в защитных масках для фехтования у дальней стены наскакивали друг на друга с рапирами и расходились. На Алики вроде бы никто не пялился, но она чуть не сгорела со стыда в таком наряде, однако стыд быстро прошел, едва она встретилась глазами с тренером.

Взгляд у тренера был тоже типа «*пялился*», но совсем иного свойства — деловой, оценивающий. И оценивал он Алики явно не слишком высоко.

— Так, — наконец сказал он, подведя в уме итоги внешнего осмотра. — Тяжелой домашней работой не занималась? Ну, ведра там с водой таскала или корзины с мокрым бельем?

— Нет, — еле слышно ответила Алики.

— Громче! — потребовал тренер.

— Нет! — громко ответила Алики. — Разве что лейку в саду.

— Верхом ездить умеешь?

— Нет.

— На болезни какие–нибудь жалуешься? Чахотка, сердце, печенки–селезенки?..

— Нет.

— И то мясо, — пробормотал он. — Переломы, вывихи, тяжелые ранения были?

— Нет.

Тренер подошел к ней и взял за руку:

— Месячные идут без сбоев? — спросил он тихо, на ухо, щупая пульс.

— Без, — Алики чуть не провалилась сквозь землю.

— Болезненные или нормальные? — тренер приподнял руку, согнул в локте.

— Нормальные, — умирая от унижения, шепнула Алики.

— Два дня в месяц можешь на занятия не приходить, — он потрогал бицепс, бросил руку, отошел от нее, еще раз окинул ее взглядом с головы до ног и покачал головой. — Ладно, попробуй подтянуться.

— Простите?

— Арлан, _ в сторону сказал тренер, _ покажи.

Один из молодых людей подошел к турнику, подпрыгнул, зацепился и начал по всем правилам подтягиваться.

— Хватит. — Тренер глянул на Алики: — Вперед!

Алики подошла к турнику и посмотрела вверх.

— Мне не допрыгнуть, — сказала она.

— Арлан! — распорядился тренер.

Арлан ловко подхватил ее сзади за талию — Алики покраснела бы еще, но дальше уже было некуда, — и легко оторвал от пола. Алики ухватилась за холодную перекладину. Это была минута позора: насколько красиво и легко получалось у Арлана, настолько же некрасиво и тяжело у нее. Она все–таки дотянула голову до перекладины, бестолково дрыгая ногами, и уже почти дотянула ее во второй раз, когда ладони у нее постыдно разжались, и она упала бы на пол, если бы ее не поймал Арлан.

— Отлично, — будто издеваясь, отметил тренер.

Алики стояла красная, как хорошо разваренный рак.

— Арлан, — обратился к молодому человеку тренер, — пробеги–ка с девушкой два круга по парку. В ее темпе.

Алики растерянно оглянулась на тетушку Мирриму. Та преспокойно вязала, сидя на длинной скамейке у стены.

Арлан открыл дверь во двор и подождал. Алики пристыжено поплелась к нему.

— Ничего, — сказал он доброжелательно, когда они вышли, — не трусь. Он только с виду дракон.

— Я такая неумеха, — шепнула Алики.

— Тоже с виду, — улыбнулся Арлан. — Да ну, не бери в голову, в первый раз всегда так. Побежали?

Они тронулись с места и неспешно потрусили вдоль забора.

— Не торопись, — предупредил Арлан. — Сейчас время не главное. Он тебя на выносливость проверяет.

Алики кивнула

— Это правда, что ты какой–то заговор раскрыла? — немного погодя спросил Арлан.

— Нет, — выдохнула Алики.

Бегать, как выяснилось, она тоже не умела. Скоро начало колоть в боку, и она продолжала бег, придерживая рукой печень,

потому что Арлан остановиться и отдышаться не позволил.

Так она и вернулась в зал, дыша как загнанная лошадь и держась за бок, но злодей–тренер, смерив ей пульс, отправил под руководством Арлана разминаться. Минут через десять тренер еще раз смерил пульс и отпустил ее с занятий до завтра, сказав вдобавок, что Арлан будет заходить за ней, чтобы бегать вместе по вечерам.

В полном изнеможении Алики вернулась в казарму и переоделась, но тетушка Миррима тут же потащила ее в тир: в то же правое крыло, но уже в подвал. Они спустились, подбирая юбки, по узкой лестнице и оказались в просторном помещении, ярко освещенном множеством светильников — помеси кабинета, оружейного музея и классной комнаты. За дверью, находящейся в противоположной стене, глухо щелкало. Тетушка Миррима оставила свою корзинку на столе, обошла его, приоткрыла эту дверь, и щелчки превратились в грохот выстрелов. Тетушка Миррима что–то крикнула туда и поспешно закрыла дверь. Минуту спустя из тира вышел сухощавый высокий человек в цивильном и внимательно посмотрел на Алики. Алики с удивлением заметила на его голове какую–то странную… шапочку, что ли — что–то, что закрывало уши; сейчас один наушник был сдвинут.

— Агент Гитион, если не ошибаюсь? _ спросил он.

— Да, сударь.

— Ко мне следует обращаться «господин майор», — сказал цивильный с нажимом. — Майор Гиеди.

— Да, господин майор, — повторила Алики.

— Я полагаю, стрелять вы не умеете?

— Нет, господин майор.

— А как у вас со зрением?

— Хорошее, господин майор.

— Сейчас проверим. Садитесь вон на тот стул. Закройте левый глаз.

Алики села. Майор отошел к стене напротив, откинул шторку, за которой скрывалась таблица с рядами букв разной величины, взял в руку указку. Алики называла буквы. Майор велел закрыть правый глаз, потом снова задернул шторку и подытожил:

— Зрение у вас действительно хорошее, агент. Встаньте. Вытяните руки перед собой, расслабьтесь, закройте глаза… Почему дрожат? — спросил он без интереса. — Вы меня боитесь, агент?

— Я только что из гимнастического зала, господин майор, — ответила Алики, глядя прямо перед собой.

— Из арбалета стрелять сможете. Из аркебузета тоже. И из обоих одинаково плохо, — майор двумя пальцами потрогал ее бицепс. — Да. Жидковато, агент. Опустите, — он обернулся к безмятежно вяжущей тетушке Мирриме. — Тетушка, у вас найдется не очень тяжелый утюг?

— Разумеется, майор.

— Пусть держит по полчаса утром и вечером. Двумя руками.

— Да, майор.

— Садитесь сюда, агент, — майор положил на стол перед ней аркебузет. — Перед вами нарезной капсюльный однозарядный аркебузет военного образца. Сейчас мы займемся его изучением.

Алики с напряжением смотрела за его руками. Очень не хотелось опозориться и здесь. Кажется, майор остался доволен ее понятливостью, и, когда час спустя Алики наконец была отпущена, майор довольно благодушно велел ей на следующее занятие принести лайковые перчатки:

— Мы ведь не будем портить такие ручки пороховой гарью. Так, агент?

— Да, господин майор, — улыбнулась Алики.

Алики бок о бок с тетушкой Мирримой возвращалась во флигель, когда на них налетел Рет — Ратус, размашисто шагавший со стороны парка.

— А, — сказал он, — хорошо, что я тебя встретил. Завтра в полдень будь у фонтана на Ратушной площади. Оденься барышней.

— Да, сударь.

— Будешь сопровождать господина Годола.

— Куда?

— Алики, это неправильный вопрос, — чуть укоризненно улыбнулся Рет — Ратус.

— Прошу прощения, сударь. Что я должна делать? — исправилась Алики.

— Сопровождать. Думаю, ты просто покатаешься с ним по городу.

— Понятно, — медленно сказала Алики. — Извините, а можно еще вопрос?

— Ну?

— Как мне обращаться к господину Годолу? Он ведь… какой–то вельможа?

— Говори просто «сударь». Если что, он поправит. Все?

— Да, — немного растерянно ответила Алики.

— Я сейчас тебе пришлю карты Столицы и окрестностей. Постарайся запомнить хотя бы основные районы и улицы. Будет нелишним.

— Да, сударь, — поспешно сказала Алики.

Всю ночь Алики провозилась, устраивая то так, то сяк измученные члены. А когда это ей кое–как удавалось, сквозь забытье снова стонала окарина, и Алики дала себе слово, как выдастся свободный часок, съездить на Карамельную мызу и разобраться с этим делом…

Назавтра она проснулась разбитая, и решила разделаться с гимнастическим залом пораньше. Занятие, как это ни странно, прошло, пожалуй, не так постыдно. Арлана не было, и два круга по парку она сделала в компании нескольких молодых людей. Потом она, опять таки держась за бок, пошла в зал, а молодые люди продолжали бегать, потому что для них дистанция была гораздо больше. Пока они отсутствовали, Алики под руководством тренера занялась разминкой, а затем один из молодых людей учил ее играть в мяч. Она неумело махала ракеткой, и крохотный оперенный мячик летел у нее все время куда–то не туда, но на это никто не обращал внимания, и даже ее партнер не очень сердился — он, правда, иногда укоризненно покачивал головой, но изредка говорил и комплименты.

Свои полчаса с утюгом она отстояла еще до завтрака (как и накануне вечером — удовольствие было не из самых приятных), и в подвал к майору спустилась без вчерашней робости.

Майор Гиеди проверил, как агент Гитион усвоила вчерашний урок, и повел ее в тир. Перед дверью он снял с крючка давешнюю шапку и нахлобучил на уши, потом достал из шкафа еще одну такую, дал ее Алики:

— Надевайте, агент. Берегите свои розовые ушки.

Тетушка Миррима в тир не пошла.

— У тебя там и сесть не на что, майор, — сказала она. — Да и порохом все провоняло так, что дышать нечем, а у меня одышка. Я уж здесь подожду.

Тир напоминал кусок широкого коридора со сводчатым потолком, который шел из ниоткуда в никуда — он начинался от двери, кончался тупиком и был длиной около сорока ярдов. Тупик этот был ярко освещен, но ламп видно не было — Алики поняла, что они находятся на полу, за невысокой рампой, в которой посередине был проход, — а на испещренной следами пуль каменной, грубой кладки, стене висели большие белые квадратные листы бумаги, расчерченные концентрическими кругами. Кипа таких же листов лежала на одной из полок стеллажа, занимавшего всю переднюю стену; кроме того на полках лежали самые настоящие горы разного оружия: аркебузеты, ружья, арбалеты и что–то для Алики совсем диковинное, незнакомое — каждый вид в своем отделении. Еще

там находились связки болтов, коробки с пулями, коробки с коротенькими цилиндриками пороховых зарядов, коробки еще с чем–то, Алики тоже пока незнакомым. При всем разнообразии припасов и самого оружия, в расположении чувствовалась четкая система. Кроме этого стеллажа, подвешенных на стенах ламп и длинного стола–барьера, отделявшего переднюю часть от коридора, тут ничего больше не было. Над самым столом немного выше человеческого роста с потолка свисали несколько круглых труб вроде водосточных, но гораздо толще; над столом трубы соединялись прямоугольным раструбом. Алики видела что–то подобное в кухнях таверн и харчевен и догадалась, что это приспособление для вентиляции; и все же здесь пахло — кисло с примесью горечи, так что Алики сразу захотелось чихнуть.

Майор, покопался в стеллаже, выдал ей аркебузет, расставил на столе необходимый припас и, небрежным жестом предложив Алики подойти к столу, стал присматривать, как она его заряжает.

— Ну, предположим, что так, — кивнул майор, когда Алики положила шомпол. — Стрелять сами попробуете или мне вам помочь?

— Как прикажете, господин майор, — ответила Алики.

— И то хорошо, — вздохнул майор. — А то попадаются молодцы, ничего не умеют, а меткостью поразить тщатся. Показываю!

Он взял оружие и стал в стойку: ноги немного шире плеч, левая рука за спиной, рука с аркебузетом опушена вдоль тела, ствол смотрит в пол. Он оглянулся на Алики; та кивнула: понятно, мол.

— Теперь надо четко определиться с целью, оценить расстояние и только после этого начинать целится.

Опущенная рука майора плавно, но быстро как бы перетекла в горизонтальное положение, в полсекунды замерла — и Алики аж присела от приглушенного меховыми наушниками, но все равно неожиданного и довольно громкого треска выстрела.

Когда дым рассеялся, неожиданно быстро втянувшись под жестяной навес вентиляции, майор Гиеди стоял в прежней позе, расслабленно и спокойно глядя на Алики.

— Будьте любезны, агент, сходите, принесите мишень номер три, — сказал он, словно не заметив скорченной позы Алики.

Та расправила плечи и, обойдя стол–барьер, отделенный от стены узким проходом пошла в дальний конец тира. Мишень номер три показалась ей поначалу нетронутой, и она подумала было, что майор ошибся, но когда Алики сняла ее с неведомо как вбитых рядами в стену досок, она поняла, что ошиблась сама: в

самом центре листка, там где круги сходились в жирную точку, точно в центре этой точки зияла аккуратная дырочка. Когда с листом в руке она вернулась назад, майор спокойно чистил ствол аркебузета.

— В глаз? — спросил он.

Алики положила перед ним листок, он глянул, кивнул и начал заряжать оружие.

— Вам, агент, такая точность ни к чему, — сказал он, протягивая Алики заряженный аркебузет. — для начала постарайтесь хотя бы попасть в мишень…

Алики попала только с четвертого выстрела. Первый раз она «передержала руку», как объяснил майор, и пуля с визгом чиркнула стену гораздо ниже уровня мишеней. Второй раз рука дрогнула, пока Алики нажимала спуск; пуля поразила соседнюю мишень. В третий раз Алики слишком долго вглядывалась в глаз мишени и промахнулась чуть–чуть — пуля снова чиркнула стену в дюйме от мишени и рикошетом надорвала ее край. Зато в четвертый раз мишень была поражена почти во внешнее кольцо, и майор похвалил:

— Вы пощекотали вашему противнику нервы и слегка оглушили. На сегодня с него хватит.

На чем занятия и прекратились, естественно, после того, как она почистила аркебузет.

Времени до полудня оставалось еще достаточно, и Алики решила выполнить свое ночное обещание себе — съездить на Карамельную мызу. Тетушка Миррима не возражала, и Алики вышла через ворота хозяйственного двора и прошла до перекрестка, где устроили стоянку извозчики.

— На Карамельную мызу, — сказала она, садясь в коляску.

— Два с половиной империала, барышня.

— Дорого, — бросила Алики. — Три с половиной туда и обратно.

— Ну, можно и так…

Извозчик хлестнул лошадь, и коляска покатила по улицам весеннего города. Было еще прохладно — зима отступила только–только, но светило солнышко, в лужицах талой воды отражалось яркое, будто бы чисто отмытое небо, радостно чирикали оттаявшие здесь и вернувшиеся из теплых мест птицы, и люди, одетые уже скорее по–весеннему и потому казавшиеся принарядившимися, радовались предстоящему теплу. Алики покачивалась в коляске, с удовольствием разглядывая все вокруг: лужи, людей, дома, вывески, первые ручейки вдоль обочин. Затем, когда коляска выехала на окраины, спохватилась и опустила со шляпки вуаль — не хватало, чтобы ее опять кто–

нибудь узнал: мало ли что можно подумать, увидев едущую по Тополиной дороге одинокую девушку.

На Карамельной мызе, пользуясь погожим деньком, приводили двор и дом в порядок после зимы: под деревьями с граблями возилась уже виденная однажды рябая женщина, знакомый мальчик белил стволы деревьев, другой, незнакомый, сидя на крыльце, палкой старательно помешивал что–то в заляпанном краской ведре, а двое мужчин красили стоящий у ворот домик, за стеклами которого были выставлены безделушки из разноцветной карамели. Свежевыкрашенные ярко–синей краской створки ворот были распахнуты, но Алики остановила извозчика перед воротами, велела:

— Жди здесь!

Она вошла в сад и остановилась, глядя на перемазанных краской мужчин. Один из них был сам молодой мастер; второй — пожилой работник, или подмастерье, с которым тот разговаривал в прошлый раз. Алики молча кивнула старику и повернулась к мастеру. Тот явно узнал Алики и был, похоже, сильно удивлен ее приездом.

— Доброе утро, — сказал он несколько рассеяно. — Вы что–то хотите приобрести?

— Да, — ответила Алики. — Я хочу купить у вас окарину. Ту, на какой вы играли в прошлый раз. Или такую же.

— Что? — изумился мастер. Изумился по–настоящему, и тут же постарался скрыть это: — Ох, извините?

— Окарину, — подтвердила Алики. — Я, видите ли, немного умею играть на окарине… Ну, конечно, на простой, глиняной. Но ваша окарина — это что–то особенное! У нее такой удивительный звук… Она дорого стоит?

Красивое лицо мастера будто полиняло. Он бросил осторожный взгляд на старика и неуверенно сказал:

— Простите, сударыня, но… Словом, я не могу вам продать окарину.

— Странно, — не отрывая от него глаз, произнесла Алики. — Для этого что, тоже необходимо иметь приглашение в Арафу?

Мастер открыл было рот, чтобы произнести, как поняла Алики, какую–нибудь отговорку, но, видимо, не успел придумать и захлопнул рот обратно.

— Простите, сударыня, — вступил в разговор подмастерье. — Вы уверены, что вам нужна именно окарина?

— А что еще? — оглянулась на него Алики. — Мне не нужны все эти сувенирные талисманы, — она махнула рукой в сторону витрины. — Я хочу просто иногда поиграть на досуге в тон со своими мыслями.

Старик с минуту рассматривал ее, и у Алики в душе зашевелились некие сомнения. Которые, когда «подмастерье» небрежно бросил «мастеру»: «Катрей, иди–ка принеси мне попить», переросли в полную уверенность, кто здесь есть кто.

— Но, батюшка, — начал было лже–мастер, однако мастер настоящий прикрикнул:

— Пойди, я сказал! — и самозванец покорно поплелся к дому; спина у него была как у побитой собаки.

Алики похлопала глазами, и старик, поклонившись с достоинством, подтвердил:

— Да, барышня, Катрей мой сын. — И без перехода: — Он вам нравится?

— Что? — глупо спросила Алики и выпалила: — Нет!

Старик кивнул и вздохнул:

— Увы, да. Вы уж извините, милая барышня, но окарину я вам продать никак не могу, — сказал он негромко. — Ни к чему она вам. Если вы не знаете, то девушки влюбляются в парня, который играет им на карамельной окарине. Свойство у нее такое — влюблять девушек.

Он опять вздохнул, а Алики покраснела.

— Да ничего подобного!

Старик развел руками.

— Ну, случается иногда и так… Вы уж простите моего парня за озорство, — старик чуть поклонился. — Обычно он так не шутит. Пожалуйста, простите…

Алики секунду постояла, потом резко повернулась и пошла вон со двора.

— В город! — сказали ее губы и застыли, сжавшись. На сердце был лед.

Они уже съезжали с Тополиной дороги, когда она бросила:

— К Ратушной площади!

— Надбавили бы, — привычно откликнулся возница.

— Обойдешься! — рыкнула она, и он замолк.

Всю дорогу она мрачно смотрела вокруг, и сейчас весенний пейзаж ее уже не радовал. Раздражал… Лужи эти противные, птицы верещат, прохожие как попугаи разоделись и чему–то лыбятся… Экий ведь наглец! Мало того, что выдал себя за мастера, самозванец, так еще и соблазнить ее захотел! Сукин сын… мерзавец… И вообще все мужики — козлы!

Она прибыла на Ратушную площадь слишком рано, и битых полчаса в мерзком настроении бродила вокруг фонтана, пока к ней не подошел высокий человек в черном сюртуке. «Вас ждут», — сказал он и повел глазами в сторону. Проследив за его взглядом, Алики увидела, стоящую неподалеку карету; из–за

приподнятой шторки окна на нее смотрел господин Годол.

Она пошла к карете и сделала реверанс. Господин Годол медленно наклонил голову в ответ на ее приветствие. Черный человек открыл дверцу, подождал, пока она усядется, но дверку не закрыл.

— Какие будут распоряжения, сударь? — спросил он.

— Думаю, мы будем осматривать достопримечательности Столицы, — проронил господин Годол. — Что–нибудь из памятников архитектуры.

— Ратуша, сударь? — черный человек указал на здание, около которого стояла карета.

— Н-нет, — отверг господин Годол. — Эта уродина и так каждый день маячит у меня перед глазами. Куда–нибудь еще.

— Старосветская площадь? Замок Манерис? Университет? Галерея Изящных искусств?

— Пожалуй, последнее.

— Слушаюсь, сударь!

Дверца захлопнулась. Карета тронулась, описала полукруг по площади, въехала в узкую улицу и завиляла какими–то проулками, имевшими порой вовсе не столичный вид. Алики сидела напротив господина Годола и, не смея глядеть на него без разрешения, пялилась в окно, а господин Годол не мешал ей.

Карета остановилась перед длинным, странно изгибающимся дугой зданием в три этажа. Украшений на нем почти не было, зато окна занимали почти весь фасад.

Человек в черном вновь открыл дверцу.

— Галерея искусств, сударь.

Господин Годол степенно вышел из кареты.

— Сударыня? — человек в черном протянул Алики руку и помог выйти.

Она робко встала рядом с господином Годолом.

— Позвольте предложить вам руку, — сказал он, сгибая руку в локте.

— Благодарю вас, — пролепетала Алики, осторожно зацепилась за локоть и потянулась вслед за ним смотреть картины, скульптуры, украшения и прочие изделия, которые накопила и которыми гордилась Великая Империя.

Господина Годола, впрочем, все это волновало весьма не очень. Во всяком случае, гораздо меньше, чем прочих посетителей. Они с Алики пробродили по залам никак не меньше часа, и лишь два–три раза господин Годол останавливался возле какой–нибудь картины или скульптуры и, постояв так несколько секунд, двигался дальше, рассеяно скользя взглядом по экспонатам; вместе с ним чуть в отдалении у различных

экспонатов замирали еще трое посетителей в одинаковых черных сюртуках, но стоило господину Годолу двинуться дальше, господа в сюртуках не одновременно, но как–то очень слаженно теряли к ним интерес.

Потом господин Годол и Алики поехали куда–то еще, где побродили вокруг некоего весьма солидного и даже грозного вида здания с башнями, зубцами на стенах. Потом прошлись грустным, голым парком, где почти никого не было, только изредка в отдалении мелькали черные сюртуки. Потом осмотрели что–то еще, и еще…

Алики, собственно, до всех этих достопримечательностей было дела даже меньше, чем самому господину Годолу. Больше всего она боялась допустить какую–нибудь неловкость при общении высоким вельможей. А господин Годол не обращал внимания не только на окружающее, но и на нее; за все время поездки он обращался к ней только с вежливым предложениями руки или локтя и лишь в небольшом, но очень приличном кафе, где они отобедали в компании черных сюртуков за соседними столиками, снизошел до того, чтобы предложить ей выбор блюд, на что Алики учтиво отдала право заказа своему спутнику. В то же время Алики время от времени чувствовала на себе пристальный взгляд господина Годола, от которого так хотелось загореться краской девичьего стыда, что она еле сдерживалась, чтобы оставаться спокойно–покорной.

Когда стемнело, карета высадила ее у ворот здания коллегии.

Все тот же черный сюртук помог ей выйти, а господин Годол на прощание произнес:

— Благодарю вас, сударыня, за приятную компанию. Завтра в полдень жду вас на Ратушной площади.

— Да, сударь, — с готовностью сделала реверанс Алики.

Дверца хлопнула, сюртук вскочил к кучеру на козлы, и карета скрылась в сгустившихся сумерках.

В гостиной тетушки Мирримы вчерашний знакомец Арлан ожидал ее, чтобы вместе бегать, как было предписано. Алики вяло с ним поздоровалась и попросила полчаса на то, чтобы переодеться.

После пробежки, как ни странно, стало легче — не физически, потому что опять заболел бок, а душевно, потому что присутствие Арлана успокоило ее. С ним почему–то действительно было спокойно, потому что разговаривал он с ней не как обычно парень с девушкой, а как старший брат с младшей, но уже взрослой сестренкой: немножко снисходительно, немножко иронично, дружески и без какого–то односторонне направленного подспудного интереса, который так мешает

девушкам отвлечься от грешных мыслей; с ним хотелось делиться любыми мыслями и хотелось разговаривать о чем угодно.

Поэтому он узнал, что Алики пребывает в некотором отупении после сегодняшней поездки по городу, что в голове у нее совершеннейшая мешанина от виденного, и сам предложил вечером посидеть вместе с ней над картой, чтобы попробовать привести ее мысли в порядок для того, чтобы достойным образом написать отчет.

— Отчет? — Алики удивилась. Рет — Ратус ничего не говорил об отчете, но, наверно, он полагал это слишком очевидным, чтобы стоило и упоминать такие мелочи: Алики ведь не барышня из пансиона благородных девиц, а агент Отдельной Тайной Коллегии. Но вот отчет составить она была не в состоянии, поэтому согласилась на предложение Арлана.

Переодевшись (каждый, естественно, у себя) после пробежки, они расстелили на полу карту Столицы в гостиной тетушки Мирримы, не без труда восстановили сегодняшний маршрут. Арлан устроил ей допрос с пристрастием, чтобы выяснить, что она запомнила во время этих передвижений. Ничего особенно примечательного Алики, оказывается, не заметила, так как слишком была занята соблюдением манер, и пока Алики по напоминанию тетушки Мирримы держала утюг, Арлан прочел ей целую лекцию на тему: как и что примечать, как запоминать и вообще — как следует смотреть так, чтобы все видеть. Алики сначала стеснялась утюга, но выяснилось, что через это проходят все, кто учится под руководством майора Гиеди, и она даже заслушалась так, что продержала утюг несколько больше положенного времени.

Потом попили чаю, и Арлан ушел к себе.

— А откуда он все это знает? — спросила Алики, когда они с тетушкой Мирримой прибирали со стола.

— Он у нас аналитик, — ответила та. — Очень умный и образованный мальчик. Что, понравился?

Алики сделала вид, что не расслышала.

Рет — Ратус, однако, отчета с нее не потребовал, и назавтра Алики опять полдня каталась с господином Годолом по улицам Столицы.

Так и повелось день изо дня: утюг, гимнастический зал, тир; через день — полдень на Ратушной площади, карета, люди в черном, господин Годол, прогулки по Столице; потом — вечерняя пробежка с Арланом, утюг, составление никому, кажется, не нужного отчета — Рет — Ратуса она вообще почти не видела.

В иные дни у господина Годола не находилось времени для прогулок по расписанию, и он присылал одного из своих черных

сюртуков уведомить. Тогда она опять шла в тир или гимнастический зал, как это часто делали в свободное время живущие в казарме служащие коллегии. У нее появились среди них хорошие знакомые; некоторые пытались за ней ухаживать, однако ни одного нескромного предложения, ни говоря уже о грубых словах, она не услышала, Правда, иногда в тире вообще никого не оказывалось, но майор Гиеди был всегда на своем посту и охотно разрешал ей переводить казенный порох.

Однажды, как раз на следующий день после того, как Алики умудрилась наконец первый раз попасть «одноглазому противнику» на мишени прямо в «глаз», во время очередной прогулки, господин Годол зашел с Алики в антикварный магазин, и они с полчаса бродили по большому порядком захламленному залу, разглядывая старинные шандалы, часы, позолоченные статуэтки, картины. Господин Годол задержался у книжных полок, а Алики, чтобы не мешать ему, прошла дальше и встала у столика, где под стеклянной крышкой были разложены разные бусы, колечки, серьги из самоцветов. Алики скользнула взглядом по разноцветным безделушкам и отвернулась, чтобы рассмотреть стоящую рядом музыкальную шкатулку

Но тут в голове у нее знакомо и неприятно запела окарина, а в глаза мелькнуло что–то лиловое, сверкающее. Она помимо воли взглянула на витрину. Как она не заметила при первом взгляде! В уголке, совершенно теряясь рядом с золотыми и позолоченными серьгами с яркими камнями, лежал аметистовый гарнитур; оправленные в белый металл камни казались темными, почти черными. «Это не для вас, агент Гитион», — сказала себе Алики и отвернулась, но, должно быть, блеск аметистов остался в ее глазах, потому что задумчивый господин Годол, подойдя к ней и посмотрев в лицо, вдруг проявил неожиданный интерес к своей даме — он улыбнулся!

Затем господин Годол поднял руку и пошевелил пальцами. И, повинуясь этому жесту, к нему подсеменил хозяин.

— Сколько стоит это? — палец в тонкой перчатке постучал по стеклу витрины.

Алики боялась посмотреть вниз, она лишь чуть–чуть покачивала головой. «Ох, Небеса! Мне ничего не надо», — подумала она почти панически.

— Извольте видеть, ваша милость, это не такая уж старинная работа… — хозяин приподнял витрину, и что–то звякнуло о стекло, но господин Годол произнес с чуть высокомерным раздражением:

— Сколько, я спрашиваю? — и хозяин, почтительно понизив голос, назвал цену.

Господин Годол достал бумажник и небрежно уронил на стол несколько ассигнаций.

— Сию минуту, ваша милость, — засуетился хозяин, — я в футляр уложу!

Однако внимание господина Годола уже было отвлечено чем–то другим, и он, подняв трость, отошел.

Алики, не зная как ей быть, опустила глаза и смотрела, как хозяин укладывает гарнитур в небесно–голубой бархатный футляр: колье, два браслета, заколки для волос… К этому полагались бы еще серьги, решила Алики, но серег почему–то не было.

Вдруг Алики вздрогнула. Она услышала, как хозяин что–то бормочет себе под нос, и даже разобрала по–товьярски:

— Северные камни для северной шлюхи…

— Что? — переспросила она автоматически — и тут до нее дошло…

Алики вскинула голову, будто получила пощечину. Хозяин смотрел на нее прямо и не скрывал своего презрения. Это был средних лет северянин, рослый, сильный; если бы не козлиная бородка, такому бы больше подошел военный мундир, чем мятый сюртук и антикварная лавка. Какое–то время они смотрели друг другу в глаза, потом Алики пришла в себя и не взяла, а вырвала футляр из его рук.

— Спасибо, любезный! — сказала она по–товьярски так, как говорят слугам.

Хозяин склонился в поклоне — и куда только делась выправка, куда испарилось презрение!

Алики подошла к господину Годолу и, сделав книксен, прошептала:

— Благодарю вас, сударь!

Он задумчиво кивнул и, как обычно, предложил ей локоть. Алики положила на сгиб руку, и они пошли к выходу, сопровождаемые почтительным хозяином.

Карета господина Годола стояла в некотором отдалении, и эти двадцать или тридцать шагов им не удалось пройти спокойно: какой–то прохожий, обгоняющий их на узком тротуаре, вдруг схватил Алики за руку.

Алики резко повернулась, теряя локоть господина Годола, и увидела мнимого мастера–карамельщика Катрея. Тот смотрел на нее горящими от ненависти глазами.

— Что вы себе позволяете! — воскликнула Алики.

Рядом с ними тут же возник черный сюртук, но пока не вмешивался, просто делал вид, что всегда стоял здесь и любовался витриной.

Алики оглянулась. Господин Годол прошел уже оставшиеся до кареты несколько шагов и стоял, глядя на нее. Алики поспешно улыбнулась ему и повернулась к Катрею:

— Что вам от меня надо? Оставьте меня в покое, сударь! Что вы вообще здесь делаете?

— Нет, это что ты здесь делаешь? — потребовал он сам ответа.

— Да не орите вы! — сказала Алики, понизив голос. — Это не ваше дело! Я на службе…

— Хороша служба! — горячо прошептал Катрей и ткнул рукой в злосчастный футляр. — А это что?

— Вы идиот! Это — гарнитур из аметистов! — зашипела она таким же горячим злым шепотом. — И вам до того нет никакого дела!

— Нет, есть!

— Сперва научись на окарине играть, придурок! — Алики вырвала руку с футляром и гордо пошла к карете.

Катрей попробовал было ее остановить, но его уже держали: давешний черный сюртук как–то очень ловко стиснул его собой, да так, что бедняга не мог и дернуться, а со стороны это выглядело как будто один наткнулся на другого и просит извинения. Ловко! Алики победительно ухмыльнулась, впрыгнула в карету.

Та тронулась.

Господин Годол посмотрел на нее с любопытством и через минуту осведомился:

— Этот человек имеет на вас какие–нибудь права?

— Решительно никаких! — чуть резко ответила Алики. — Наглец!

Хозяин антикварного магазина наблюдал за инцидентом через витринное окно своего магазинчика. Он усмехался.

Впрочем, с точностью сказать, что это был *только* хозяин маленького магазинчика, было нельзя. Некто похожий на него, как могут быть похожи братья–близнецы, разлученные с детства и, будто в плохом романе, один из которых вынужден был сам зарабатывать на жизнь сам, а второй жил в достатке и холе, смотрел сквозь пыльноватое стекло, как бедняга Катрей, сгорая во вспышке ревности, пытался заявить свои права на Алики, как ему это не удалось, и Алики гордо удалилась.

Когда инцидент был исчерпан, хозяин отошел в глубину магазинчика и занялся своими обыкновенными делами, забыв за ненадобностью и о северной шлюшке при богатом господине, и о происшествии под своими окнами…

А тот, кто усмехался его губами и смотрел его глазами,

откинулся в богатом кресле и призадумался, привычно перебирая холеными пальцами большие бусины коротких четок. Итак, один из заложенных им по всей Столице капканчиков сработал. В очередной раз. Сколько было ложных тревог, сколько было просто случайных попаданий в его капканы людей посторонних, лишних, ненужных… Бедняги, им порой приходилось трудно — не всякий даже прошедший отбор выдержит последующие испытания.

Но ничего, вскоре у него и его единочаятелей окажется более точный «индикатор», как любит выражаться один его высокоученый друг и единомышленник, или «пробный камень», как привык называть это по старинке он сам.

Раскинутые им сети и не могли принести богатый улов и сразу. Так, обманки; чаще — плотва; а уж о крупной рыбе приходилось только мечтать. Но именно ее он и ждал — время у него было.

И ведь дождался же, кажется!

21

Алики запыхавшись вбежала в приемную и сходу спросила Саира, деловито разбирающего бумаги.

— Меня вызывали? — спросила она. — Это не розыгрыш?

— Какое там розыгрыш! — Саир встал из–за стола и подошел к ней; сказал негромко: — Слушай, что ты натворила? Я бы сказал, эрст в бешенстве.

— Правда? — Алики дрогнула. Догадаться, что Рет — Ратус зол на нее, было не трудно. Вопрос только: почему именно он зол. Вчера наконец–то она сдала свои отчеты. Вчера этот сумасшедший карамельщик устроил сцену на улице. И вчера господин Годол… но об этом даже вспоминать не хочется, хотя, наверное, именно из–за этого Рет — Ратус и злится. Ну и ладно, а что он…

Саир оглянулся на закрытую дверь кабинета и зашептал:

— Тут какой–то дедок с самого утречка заходил. Уж о чем они там говорили, не знаю, только после разговора с ним эрст еще минут десять помедлил — злость, что ли, накапливал? — а потом потребовал тебя пред свои ясные очи.

— Ой–ей, — выдохнула Алики. Про деда она ничего знать не знает! Какой еще дед? Не давешний же нахал–антиквар. Хотя почему бы и нет? От Рет — Ратуса любой пакости ждать можно. Например, что этот антиквар был подставной.

Алики набрала в грудь воздуха и шагнула к двери кабинета.

— Погоди! — Саир схватил ее за руку и повернул к себе. Он окинул ее пытливо, заправил выбившуюся прядь, расправил

воротничок и оглядел еще раз. — Ну, теперь вперед! Не трусь, — напутствовал он.

Алики безропотно снесла его старания, кивнула на напутствие и приоткрыла дверь.

— Можно?

— Входи–входи, — разрешил Рет — Ратус.

Алики несмело притворила за собой дверь.

— Садись сюда!

Алики села в указанное кресло, и свет солнца сразу ослепил ее. Она практически не видела Рет — Ратуса — он стоял напротив, в простенке между большими окнами, как раз против света. Казалось даже, что в комнате, кроме нее, никого нет.

Алики попробовала переместиться, но властный голос приказал:

— Сидеть!

Алики опустила глаза на лежащие на коленях руки.

— Я в чем–то провинилась? — спросила она, изображая виноватую покорность.

— Пока ни в чем, — ответил ее невидимый собеседник. — Поэтому служебного взыскания можешь не бояться.

— Почему тогда вы так со мной разговариваете? — Алики подпустила в голос слезу.

Это не подействовало; да Алики и не надеялась — просто сыграл женский инстинкт.

— Потому что ты — маленькая идиотка, — голос Рет — Ратуса был более холоден, чем когда бы то ни было, — ты — меньше чем ничто, ты — тля, букашка… Что ты о себе воображаешь? Как себя ведешь? Что тебе вчера предложил господин Годол?

Так и есть!

— Он спросил, не останусь ли я с ним на ночь, — ответила Алики.

— И что ты ответила?

— Я сказала — нет, — повторила Алики тем же ровным тоном.

— Великолепно! — сарказм Рет — Ратуса был убийственен.

Для кого–нибудь другого. Но не для Алики!

— Он пожаловался?

— Пожаловался? — переспросил Рет — Ратус. — Ну что ты. Господин Годол был просто удивлен. Господину Годолу никто никогда не говорит «нет», — сказал он четко, чуть ли не по слогам. — И ты должна это запомнить.

— А кто такой этот господин Годол? — наивно полюбопытствовала Алики и даже похлопала ресницами на

солнышко. Получилось почти натурально.

— Господин Годол — это господин Годол, — сухо выговорил Рет — Ратус, — и этого тебе должно быть достаточно.

— Хорошо, сударь, — кивнула Алики. Она помедлила, потом спросила: — Значит, мне больше не надо ходить на Ратушную площадь?

— Даже и не надейся, — усмехнулся невидимый Рет — Ратус.

— И… как же теперь? — поинтересовалась Алики.

— А так же, как раньше, — ответил Рет — Ратус. — Можешь не волноваться, на твою невинность господин Годол больше покушаться не будет. Господин Годол, — и это опять звучало как внушение, — никогда не повторяет предложения дважды. И даже если ты передумаешь… а это очень возможно, насколько я знаю жизнь… не вздумай предлагать ему себя сама.

Алики молчала, потупив голову. Как же, дождетесь!..

— Так, с этим вопросом, полагаю, разобрались… — начал было Рет — Ратус.

— Нет! — вскинула Алики голову. — Кому я должна вернуть аметистовый гарнитур — вам или прямо господину Годолу?

Рет — Ратус не принял игры. Ответ его был снова сух и четок:

— Насколько я понимаю, он был подарен тебе без каких–либо предварительных условий. Не вздумай его возвращать. А пуще — не вздумай продавать. Разве что голодной смертью умирать будешь.

— Да что вы меня пугаете! — вскинулась Алики, но ей тут же было сделано «тпру»:

— Никто тебя не пугает. Я просто объясняю… Ладно, теперь следующий вопрос. Тебе это, полагаю, будет более интересно.

Тон, которым это было произнесено, насторожил Алики. Но такого, что сказал Рет — Ратус потом, она просто не могла себе и представить!

— Сейчас у меня здесь, — невидимка Рет — Ратус постучал пальцем по подоконнику, — побывал мастер Каламе. Он просил твоей руки для своего сына Катрея.

Алики подняла голову и опустила челюсть.

— Я, конечно, сказал, что подумаю, но думать тут, в общем–то, не о чем, — ровно продолжил Рет — Ратус. — Можешь считать себя невестой. Сейчас в приемной напишешь прошение об увольнении в запас и отдашь Саиру. До свадьбы можешь жить здесь, так что дату увольнения мы уточним позже. Все, теперь можешь идти, — закончил он, словно поставил точку.

Он наконец переместился и стал видимым. Прошел к столу, сел.

Алики проследила его движения, и когда он открыл какую–то

папку и стал читать, она сказала не менее твердо, чем говорил он:

— Я не пойду за него замуж. Я его не люблю.

— Кажется, об этом я тебя не спрашивал, — заметил Рет — Ратус, не поднимая головы.

— Вы не имеете права выдавать или не выдавать меня замуж! — выкрикнула девушка.

— Имею, — сказал он просто. — Я имею на тебя множество прав, о которых ты не подозреваешь. За непослушание я могу подвергнуть тебя телесным наказаниям, здесь, во внутреннем дворе, на виду у всех. Я имею также право повесить тебя там же без суда и следствия, и никто не спросит у меня отчета. Так что спорить со мной не стоит.

— Хорошо, я не спорю, — выдавила из горла Алики. — Но вопросы–то я задавать могу?

— Тебе что–то не ясно? — он поднял наконец глаза.

— Да. Почему я должна выйти замуж за Каламе Катрея?

Рет — Ратус пожал плечами.

— Насколько я знаю, никто другой твоей руки больше не просил. Или у тебя есть иной кандидат?

— Нет.

— Вот видишь, — глаза его снова уставились в бумаги.

Алики покусала губы:

— Хорошо, тогда я задам вопрос так: почему я вообще должна выходить замуж?

— Хороший вопрос, — согласился Рет — Ратус. Он посмотрел на Алики очень серьезно. — Вот тебе на него хороший ответ: потому что мне тебя, дурочку, жалко. Потому что когда ты села в мою карету там, на почтовой станции, я принял на себя обязанность думать о твоем благе. И я накормлю тебя этим благом по самые уши, даже если ты будешь давиться.

Алики спросила:

— Вы не желаете, чтобы в вашей коллегии служили женщины?

Рет — Ратус ответил:

— В моей коллегии служат именно женщины. А вот невинным девочкам в ней делать нечего.

— Вы сердитесь из–за господина Годола?

Рет — Ратус покачал головой:

— Нет. Просто ты упустила неплохой шанс хорошо устроиться. Правда, я сам виноват — не подумал, что господину Годолу может приглянуться такая заурядная девица, как ты, а следовало бы предусмотреть такой вариант. И заранее тебя проинструктировать.

— Проинструктировать? — ядовито переспросила Алики. —

Проинструктировать, как доставить больше удовольствия высокородному господину Годолу?

— Именно так, — кивнул Рет — Ратус. — Пожалуй, и сейчас, накануне свадьбы, мне следует взять на себя родительские обязанности и объяснить кое–какие аспекты семейной жизни.

— И показать на практике? — дерзнула Алики. — Право первой ночи у вас тоже, наверное, имеется, а?

Рет — Ратус несколько секунд молча смотрел ей прямо в глаза, и Алики не вынесла этого.

— А теперь послушай, что я тебе скажу, — услышала она. — Ты не шлюха из солдатского борделя, а обыкновенная домашняя девочка, и в мои руки попала случайно. И случайно наткнулась на тайну. Тебе это понравилось. Тебе захотелось приключений… Тебе понравилось играть в агента Гитион? А ты знаешь, что это значит? Ты ведь пока не агент, так — заготовка для агента. Но если ты захочешь стать агентом, знай, что для этого я сначала должен буду уничтожить тебя. Должен буду смять Алики Гитион и вылепить из того, что от нее останется, то, что мне будет необходимо. А потом еще раз смять и вылепить то, что мне будет нужно в следующий раз. И так постоянно. Ты больше не будешь принадлежать себе — тобой буду распоряжаться я. Ты будешь делать то, что скажу я. Ты будешь ложиться под того, под кого укажу я. Ты будешь думать то, что прикажу я. И слов «не хочу» и «не могу» для тебя существовать не будет… Ты этого хочешь?

— Нет, — буркнула Алики в ответ, не поднимая головы.

Рет — Ратус больше ничего не говорил, и когда Алики посмотрела на него, он опять сидел и читал бумаги. Ни самой Алики, ни несостоявшегося агента Гитион для него просто уже не существовало. Зачем? — слово уже было сказано, все решено.

— Благодарю вас, сударь, мне все понятно, — сказала она, глядя в сторону. — Я могу идти?

Он кивнул и перелистнул страницу.

Алики встала и с удивлением обнаружила, что ноги слушаются ее плохо; на непослушных ногах они вышла в приемную.

— Получила? — сочувственно встретил ее Саир. — Водички налить?

Она опустилась на стул, тот самый, на котором дремала в свое первое здесь появление. Воду выпила, не заметив.

— Пожалуй, надо завести пузырек с валерьянкой, — сказал Саир. — Что, сильно ругал?

— Сказал, что выдает меня замуж, — прислушиваясь к своим словам, будто со стороны ответила Алики.

— Да ну? — удивился Саир. — А со службой как?

— Сказал, что увольняет в запас, — произнесла Алики. — Дай мне бумаги, велено писать прошение.

Саир внимательно посмотрел на нее и выдал требуемое.

Написать прошение, точнее — заполнить соответствующий бланк было делом трех минут. В основном Алики ставила прочерки, так как послужного списка у «заготовки для агента» не было и быть не могло.

Все эти три минуты Саир пыхтел над чем–то за своим столом, а когда Алики отдала ему прошение, он пробормотал:

— Ты это… Ты сходи к майору, постреляй… Помогает.

Алики решила последовать совету, и действительно помогло. Майор Гиеди мог быть доволен своей ученицей: каждый раз, наводя аркебузет на цель, Алики видел перед собой лицо Рет — Ратуса и поэтому стреляла с большим воодушевлением, практически не промахиваясь. После чего — время позволяло — она заглянула еще и в гимнастический зал, но долго там не задержалась, ограничившись тем, что согласилась на предложение красавчика–поручика показать ей несколько специфических приемов рукопашного боя, якобы могущие помочь ей избежать неприятностей при встрече с каким–нибудь потенциальным покусителем на ее девичье достоинство. При проведении первого же приема ответила нахалу вполне даже не предполагаемому коротким контрприемом, известным любой женщине, и, оставив беднягу в скрюченном состоянии и с выпученными от боли и удивления глазами, гордо удалилась. (Есть, знаете, у мужчин особая болевая точка, только нужно своеобразное вдохновение, чтобы врезать по ней коленом.)

Так что состояние духа ее к полудню на Ратушной площади было вполне боевое. Теперь, когда она получила более чем исчерпывающие объяснения, что она есть такое, уже можно даже было не беспокоиться о своем трепетном отношении к господину Годолу. Ну и что, что он аристократ высшей пробы? Да пусть самой высшей!.. А она женщина! Больше того: она — девушка! И после того, что произошло, она не обязана вести себя с ним по–прежнему. Тем более жаловаться — фи!.. И потом, ну какие неприятности он может ей доставить: отправить в тюрьму? на виселицу? Ну и что? Хуже, чем перспектива насильственного брака для настоящей девушки быть не может. А уж этого от нее не добьется никакой Рет — Ратус! Тем более какой–то там господин Годол.

Конечно, такое расположение духа вовсе не означало, что, когда тот же неизменный черный сюртук распахнул перед ней дверцу кареты, Алики впорхнула в нее и уселась на привычное место, после чего уставилась в окно, не обращая ни малейшего

внимания на своего спутника. Дура она, что ли?

Не нагло, но спокойно, без всегдашней робости, Алики ступила на подножье, поздоровалась с господином Годолом, и села. Но при этом она демонстративно расправила юбки — раньше она себе такого не позволила бы — пошевелиться боялась!

Увы, это ее маневр не произвел ни малейшего впечатления. Господин Годол даже не обратил на него внимания, и Алики так и пришлось посматривать в окно на мелькающие поднадоевшие уже пейзажи Столицы, выходить локоток о локоток с господином Годолом и молча дефилировать по подсыхающим от весеннего солнышка улицам.

Алики уже начала понемногу нервничать — сказывалось напряжение сегодняшнего утра, — но сюрпризы отпущенные ей Небом на сегодня, еще не кончились.

(Она даже не подумать не могла, что они только–только начинаются.)

Прошло около трех часов после начала поездки и близилось традиционное время перекусить, когда господин Годол вдруг нахмурился, глянул в окно и тут же постучал набалдашником трости в переднюю стенку кареты. Та так резко остановилась, что Алики помимо воли схватилась за руку господина Годола, чтобы не упасть. Тут же она отдернула руку и собралась начать извиняться, но господину Годолу было, как всегда, все равно. Он небрежно кивнул и тут же обратился к распахнувшему дверь неизменному черному сюртуку:

— Марк, где мы сейчас?

— Северо–восточная Дубрава, сударь. А прежде мы миновали Проезд Арочного Моста, — четко отрапортовал черный сюртук.

Господин Годол кивнул задумчиво и повелел:

— Сделайте–ка еще один круг в точности, как мы только что проехали, и если я скажу — остановитесь

— Да, сударь.

Хлопнула дверца, карета тронулась.

Озадаченная Алики покосилась на господина Годола. Тот сидел и смотрел прямо перед собой, и если Алики предполагала, что его заинтересовало что–то за окном кареты, то она глубоко ошибалась — в окно он даже не глянул. Скорее он вообще никуда не смотрел, а прислушивался к чему–то внутри себя.

Карета снова остановилась. Черный сюртук Марк вновь встал у дверцы в ожидании, но приказа не последовало. Господин Годол молча вышел на тротуар, и Алики привычно последовала за ним. Огляделась. Ничего особенного она, естественно не увидела: с одной стороны улицы, такой же, как большинство других улиц, в

ряд стояли серые дома, с другой за чугунной решеткой ограды и едва начинающим зеленеть нешироким газоном, в глубине мрачноватого, совершенно голого еще старинного парка высилось темное громоздкое здание — тоже мрачноватое и, видимо, старинное. Даже, собственно, не здание, а группа зданий, соединенных между собой какими–то стенами и переходами.

Господин Годол смотрел в ту сторону.

— Это Политехнический музеум и библиотека, не так ли?

— Точно так, сударь, — ответил из–за его спины Марк.

— А Арочный мост там… — трость господина Годола ткнула левее.

— Именно там, сударь, — подтвердил Марк.

— …И мы, если не ошибаюсь, проехали сейчас прямо оттуда, вокруг этого парка, — трость сделала круговое движение.

— Вы прекрасно ориентируетесь в городе, сударь, — бесстрастным комплиментом ответил Марк.

Господин Годол согласно кивнул и продолжал смотреть на здание, словно хотел проникнуть взглядом сквозь его старые толстые стены.

— Кажется, мы нашли, — сказал он после продолжительного молчания. Он даже сделал шаг, как будто собираясь войти в ворота, но передумал. — Да. Это должно быть здесь! — сказал он твердо и оглянулся на Алики. — Думаю, на этом, сударыня, наши совместные путешествия окончены. Доложите вашему начальнику, что господин Годол полагает, что искомое место — Политехнический музеум.

— Да, сударь, — ответила недоумевающая Алики.

Господин Годол сделал шаг к карете, будто тут же забыв о существовании Алики, но вдруг обернулся и прибавил:

— И передайте, что я вами весьма доволен.

Алики еще более удивившись, так что даже забыла съехидничать, снова присела в книксене и услышала, как стукнула дверца, скрипнули рессоры, и дробно застучали по булыжнику копыта. Удаляясь.

Алики вскинула глаза как раз, чтобы заметить, как карета с торчащими на запятках черными сюртуками свернула в ближайший проулок.

«Вот тебе и здрасьте! — мелькнуло в голове. — Ну и господин Годол! Попользовался, похвалил — да и выкинул посреди дороги, как какую–нибудь шлюшку с Тополиной дороги! Что шлюшку! Шлюшке хоть денег бы дал, а мне только: «передайте, что весьма доволен»… Сейчас! Что мне с того довольства, коли я даже не знаю, сколько извозчику заплатить, чтобы он меня отвез!»

Алики пересчитала деньги в кошельке; должно было хватить.

Только вот где его взять, извозчика–то — место глухое какое–то, народу вокруг почти нет, карет и того меньше, а извозчиков так и вовсе не видать.

Извозчика она все–таки увидела. Возле самых ворот, отделяющих парк от мрачноватой громады Музеума, стояли две пролетки, видимо, оставленные посетителями, и Алики решила попытать счастья: почему бы благородным посетителям Политехнического музеума не подвезти скромную девушку из провинции, заблудившуюся в столичном лабиринте?

Извозчик был не против, но все же следовало обождать господина, нанявшего его. Если тот не станет возражать…

— Да вот он идет, — ткнул извозчик кнутом, и Алики, быстро обернувшись, приготовилась полепетать свою легенду, как вдруг услышала удивленно–радостное:

— Алики!

Она вгляделась и даже ахнула. Вот уж и вправду говорят, что поднебесный мир тесен. А еще, что дуракам в нем везет. И дурам, само собой.

К ней радостно улыбаясь шел, почти что бежал Внук Императора господин Хастер Тенедос!

— Господин Тенедос? — только и смогла вымолвить Алики.

— Алики! О Небеса, Алики! — казалось, господин Тенедос сейчас бросится обнимать Алики и хлопать ее по плечу. Но Внук Императора, он и есть Внук Императора — благородная, как–никак кровь. За шаг перед ней он остановился и опустил руки. Впрочем, улыбка на лице осталась прежней.

— Простите, Алики, что кричу на всю улицу, как невежа, — Хастер обезоруживающе улыбнулся. — Я так обрадовался, когда вас увидел! Мне просто необходимо с вами поговорить. Просто необходимо!

— Но, право же… — не поняла Алики. Вообще–то это ей с ним надо было поговорить…

— О Наоре, — выпалил он.

— О Наоре?

— Да, да! — закивал господин Тенедос.

— Да я… — Алики в смущении заметалась глазами по сторонам, но Хастер оценил ее смущение по своему.

— Ах да, — сказал он. — Здесь действительно неудобно. Давайте пройдем сюда, там есть скамейки. Сядем и поговорим спокойно… Обожди, любезный, — бросил он безразлично пожавшему плечами вознице и, подхватив Алики под локоток, повлек. Алики решила не сопротивляться.

Они прошли по песчаной дорожке к скамейке, стоящей среди невысоких кустов. Алики предпочла бы присесть в каком–нибудь

другом месте — мрачные, нависающие прямо перед ней стены и узкие стрельчатые окна вызывали у нее смутное, но реально ощутимое чувство чего–то недоброго, тяжелого, давящего. Она постаралась не видеть их, но они упорно просвечивали сквозь старые вишни, в большинстве образующие сад музея; сейчас, без листвы, они казались молоденькими деревьями, и это немного оживляло мертвую серость здешнего пейзажа.

Хастер смахнул перчатками невидимую пыль и предложил Алики сесть. Потом присел рядом с ней и сразу заявил:

— Вы должны помочь мне отыскать Наору!

— Помочь? Но я сама ничего не знаю о ней, — искренне призналась Алики. — Я ее не видела с самого Нового года. По–моему, она так и живет на том постоялом дворе… как его?… «Ежик в тумане»?

— Был я в «Ежике», — хмуро произнес Хастер. — Два раза был. Там о ней будто бы ничего не знают, и вообще, постояльцев сейчас не принимают, потому что у них, видите ли, идет обновление комнат перед летним сезоном… А когда я через забор попробовал перелезть ночью, меня поймали два здоровенных мордоворота, отметелили и за ворота выкинули — до сих пор все печенки болят. — Хастер вздохнул. — Я Наоре адрес оставлял — ничего. Счастье еще, что вас вот увидел, думал, вы поможете. — Он опять вздохнул и уставился в землю. — И где же мне теперь ее искать? Не у Шута же Императора справки наводить…

— А вы у господина Годола спросите, — ухмыльнулась Алики.

Хастер покосился на нее и тоже нервно хмыкнул в ответ:

— У него спросишь, пожалуй… А вот человечек там, в «Ежике», был, — вспомнил он. — Тощий такой, неприятный… Рет — Ратус, да? Вы не знаете, где его найти? Он ведь вам вроде начальник был.

— Он и сейчас мне начальник, — мрачно сообщила Алики. — Пока еще.

— Пока? — удивился Хастер.

— Я замуж скоро выхожу.

— Поздравляю.

— Было бы с чем, — горько сказала Алики.

Он посмотрел на нее.

— У каждого свои проблемы, да?.. Так что Рет — Ратус?

— Ничего он вам не скажет, — сказала Алики уверенно. — Он не только мой начальник, он еще начальник Отдельной Тайной Коллегии и эрст–резидент.

Хастер помолчал, соображая, потом присвистнул.

— Лихо, — заметил Хастер без энтузиазма. — Н-да, к такому

просто так не сунешься. — Он хлопнул себя кулаком по колену. — А он–то ведь точно знает!

— Я думала, Наора для вас так, баловство, — сказала Алики, искоса глянув на него.

— Нет! — произнес Хастер так, что Алики отвела взгляд.

— Я не думаю, что с Наорой случилось что–то плохое, — сказала она успокаивающе. — Рет — Ратус обещал ей заплатить, а он не станет обманывать по пустякам. Просто… Просто первоначальный план изменился. Наверное, она до сих пор сидит в этом «Ежике», вроде как под домашним арестом, пока дело не прояснится.

— Что же, ей и написать было нельзя? — вздохнул Хастер.

— Значит, нельзя, — сказала Алики. — У нас с этим строго.

Они замолчали. Алики, так же как Хастер, смотрела в землю. Но лучше от этого не было. Она всем своим существом чувствовала недоброе давление тяжелых стен. Словно сотни недобрых глаз подсматривали за ней сейчас. Что же это за «то самое место», которое, надо полагать, искал господин Годол так долго?.. Нехорошее место…

— Послушайте, — не выдержала она наконец. — Давайте уйдем отсюда. Мне как–то не по себе.

— Что? — очнулся от своих мыслей Хастер. — Ах, да. Конечно, давайте уйдем. Может, вас подвезти?

Они уже стояли возле скамейки.

— Я как раз хотела просить вас об этом.

— О чем речь! — воскликнул Хастер.

Всю дорогу до Политехнической школы, где Хастер покинул коляску и, щедро расплатившись с извозчиком, велел доставить барышню туда, куда та пожелает, они промолчали.

— Да не грустите вы, господин Тенедос, — сказала Алики напоследок. — Я попробую что–нибудь разузнать для вас. Мне Рет — Ратус, может быть, и ответит.

Хастер грустно улыбнулся ей:

— А вот об этом я и хотел просить вас…

22

Алики была очень близка к истине, предположив, что Наора находится в «Ежике в крыжовнике» под домашним арестом.

На следующий день после сумбурной новогодней ночи в комнату пришел Рет — Ратус; вид у него был такой, что Наора сразу догадалась, что он как минимум не ложился спать, а может и не спал уже вторую ночь — таким осунувшимся, словно постаревшим на несколько лет, с красными воспаленными

глазами и каким–то неподтянутым, что ли, она не видела его никогда. Наоре даже показалось, что в волосах его прибавилось седины, но это скорее следовало приписать ее артистическому воображению.

Он кивнул открывшей дверь Наоре, задернул занавеску и присел на стул; Наора опустилась на свою кровать.

— Здравствуй, девочка, — сказал Рет — Ратус не сразу. — Видишь, как все получилось.

Наора толком ничего не знала, кроме того, что ей нашептала ночью Алики, с пятого на десятое подслушивавшая разговор в гостиной, но догадаться, что дело приняло какой–то совершенно неожиданный, непредусмотренный оборот, было можно. Поэтому она кивнула.

Рет — Ратус потер пальцами уголки глаз и продолжал:

— Словом, девочка, сейчас нам пока не до тебя. Ты понимаешь? — Он посмотрел на Наору, и она кивнула. — Тогда у меня будет к тебе просьба… вернее, это приказ… В общем, понимай, как тебе будет угодно, но придется тебе некоторое время пожить здесь. С неделю примерно, пока все не утрясется. Всем необходимым тебя обеспечат, но выходить из гостиницы тебе не позволят и ни с кем посторонним разговаривать не дадут. — Он снова поднял глаза и посмотрел на Наору.

— Я арестована? — спросила она.

— Можешь считать так, — кивнул Рет — Ратус и горьковато усмехнулся. — Поверь, это лучшее, что я могу тебе предложить. Некоторым из участников вчерашних событий пришлось куда хуже… Мн–да…

Наора похолодела:

— Вы имеете в виду господина Тенедоса?

— А? Что? — нахмурил брови Рет — Ратус. — Тенедос? При чем здесь Тенедос? Я говорю об особе, которую ты так успешно сыграла. И которая, Аха ее забери, заварила всю эту кашу!.. Причем здесь этот Тенедос?

— Значит… — Наора заранее покраснела и опустила глаза. — Значит, я могу написать ему?

— Написать? Ты хочешь ему написать?

Наора кивнула.

— Но зачем? — казалось, Рет — Ратус был по–настоящему удивлен, и помимо воли Наора улыбнулась: надо же, есть все же на свете что–то, чего вездесущий Рет — Ратус не знает!

Впрочем, если и не знает, то тут же догадался.

— Ах, вот как, — проговорил он задумчиво. — Вот, значит, в чем дело… — И сказал резко: — Нет!

— Но почему? Ведь он также, как и я, знает об этом деле!

Уверяю, вас, сударь, я даже не упомяну…

— Нет, — повторил Рет — Ратус как отрезал. — И вообще, я бы посоветовал тебе поскорее позабыть о нем.

Наора вскинулась:

— А вот это уже не ваше дело!

Рет — Ратус усмехнулся:

— Наверное так, и все же мой тебе совет: выкинь ты его из головы. Ты думаешь, он тебя помнит? Боюсь, что господин Тенедос забыл тебя, едва унес ноги из Арафы.

Наора закусила губу и чуть не плакала. Рет — Ратус вздохнул:

— Пойми меня, девочка. Я не хотел тебя обидеть, просто я старый и немного понимающий в жизни человек. Представляю, что ты себе напридумывала, но твой Тенедос просто мальчишка, студентик и внебрачный сын. Всей–то славы, что одна его бабка провела бурную ночь с Джебелом VIII, а другая была почти официальной наложницей Джебела IX. Он, конечно, дворянин, но, если отвлечься от родословной, таких дворян в Империи пруд пруди. Я знаю, что говорю.

— И все же я хочу ему написать! — упрямо сказала Наора.

— Хорошо, напишешь. Потом. — Рет — Ратус встал. — Извини, но сейчас мне некогда. Действительно некогда. О своих обязательствах я помню, не сомневайся. Когда все это устроится, будет тебе и театр, и роли, и достойное почтение публики… Да и не сезон сейчас. А до осени, не беспокойся, с голоду не умрешь, гонорар за роль ты получишь полностью… Прощай!

На этом разговор закончился. Можно даже сказать, что закончились разговоры вообще. Крепкие ребята, приносящие Наоре еду прямо в комнату, были скупы на слова, как те же самые «третьи прислужники» из пьес. «Кушать подано» и «чего изволите» были, пожалуй, единственными словами, которые она слышала. В ее распоряжении был весь второй этаж, сейчас совершенно пустой, но комнату она покидала только для того, чтобы воспользоваться туалетом и ванной комнатой.

Однако кормили ее, как и обещал Рет — Ратус, хорошо. И еще были два чемодана Прекрасной Герцогини, доставленные в полное ее расположение из Арафы и набитые всевозможным нарядным тряпьем, так что времяпрепровождение ее состояло в основном из примерок, небольших перелицовок по своему вкусу; еще иногда она без особого удовольствия разыгрывала перед зеркалом сцены из классических пьес — просто, чтобы не потерять форму. Это отвлекало ее от разных ненужных мыслей — например о том, что она перелицовывает и примеряет платья герцогини, которой, возможно, уже и в живых–то нет… Или

мыслей о Хастере…

Последнее было хуже всего. Ей приносили книги, в основном «романы для прислуги», которые она читала на ночь и после которых ей снились грешные сны — и она просыпалась в надежде; но постель была пустой, и ей оставалось только жечь свечи, слепя глаза над пухлыми книжками про страстную любовь, некоторые из которых хотя бы своей наивностью приглушали ее боль. А днем за ниткой с иголкой она снова вспоминала ту, новогоднюю, ночь, слышала *его* слова — и жестокие слова Рет — Ратуса…

Но она уже не плакала, как проплакала почти всю ночь после того разговора с ним, и то гнала от себя, то лелеяла мысль, что, может быть, Рет — Ратус и прав.

Может быть, она даже начала мириться с этим, если бы ее не смутило одно событие.

Как–то она зачиталась заполночь и услышала за окном явно посторонние звуки — со двора, слышимый по ночному времени очень хорошо, раздавался шум драки. Наора даже различала голоса, и с замиранием сердца поняла, что один из них ей знаком. Она вскочила с постели и, задув свечу, бросилась к окну. Но увидеть что–то во мраке ей не удалось. И голоса были столь невнятны, что узнать их не было никакой возможности. А вскоре и вовсе все стихло… Наора вернулась в постель, но долго не могла заснуть. Перед глазами ее стояла картина: там, во дворе, был Хастер. Это с ним боролись ее дюжие и неразговорчивые стражи, не давая прорваться к ней; его били, он отбивался и кричал: «Наора, где ты?! Наора!..»

Утром она проснулась в тихих слезах и не могла понять, где был сон, а где явь. На ее безразличный вопрос, что это за возня, разбудившая ее сегодня ночью, была во дворе, мрачный «подай–принеси» пробубнил: «Извините, сударыня, что побеспокоили. Вор забрался» и удалился, поблескивая свежей дулей под глазом.

А два дня спустя вечером, когда она уже начала готовиться ко сну, в дверь постучали.

— Кто там? — спросила она не открывая.

Голос хозяина ответил:

— Сударыня, спуститесь, пожалуйста, в гостиную. К вам посетитель.

Наора быстро восстановила вид и пошла вниз, ожидая чего угодно, но более всего желая о несбыточном.

В гостиной она было даже решила, что несбыточное сбылось, но, увы, подлунный мир слишком не походил на толстые романы.

Шагнувший ей навстречу молодой, в полувоенного вида сюртуке и с военной выправкой был только тем похож на Хастера, что был с ним одного роста и возраста, да еще шатен.

Наора остановилась в дверях, мысленно проклиная себя за глупые надежды, а молодой полувоенный военный не без изящества изобразил четкий полупоклон и, выкинув вперед руку с большим, запечатанным сургучом конвертом, отчеканил:

— Сударыня! Я имею поручение от господина эрст–резидента передать вам письмо и сопровождать вас, куда будет указано.

— Эрст–резидента? — растерянно повторила она.

Посланец неведомого эрст–резидента еще раз боднул перед собой и уточнил:

— Господина эрст–резидента Рет — Ратуса.

Она кивнула. Она была еще немного растеряна после маленького потрясения, да и слова «сопровождать, куда будет указано» своей двусмысленностью могли вывести из равновесия кого угодно. Поэтому Наора применила проверенное средство, чтобы взять себя в руки: она стала играть. Играть Прекрасную Герцогиню.

Она рассеяно глянула на конверт, который будто на столе лежал перед ней в воздухе, удерживаемый твердой рукой и произнесла:

— Вскройте, пожалуйста, офицер. Господин… э-э?

— Поручик, сударыня. Поручик Гайал, к вашим услугам, — отрекомендовался посланец, извлекая из воздуха конверт.

Тихонько хрустнул жирный сургуч поддеваемых печатей, и Наора с тихим «благодарю вас, поручик» открыла клапан конверта.

— Присядьте пока, — предложила она, следуя выбранной роли, и поручик послушно опустился в деревянное кресло.

В конверте было письмо и несколько банкнот. Наора зачем–то пересчитала деньги — банкноты были достоинством по сто империалов и их было несколько больше, чем полагалось по договоренности с Рет — Ратусом; Наора сложила их обратно в конверт и подумала, что, видимо, господин эрст–резидент счел возможным увеличить сумму гонорара за счет, так сказать, возмещения морального ущерба. Что ж, спасибо ему за это. Потом Наора развернула само письмо и прочитала его. В довольно в сухой форме ее уведомляли, что необходимости задерживать ее в «Ежике» более нет, и она может быть вольна в своих передвижениях, при условии, конечно, что дает слово не разглашать события, невольным участником которых ей довелось быть, чем явится ее, Наоры, согласие принять деньги и условия, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Денежный гонорар, оговоренный устным контрактом с господином эрст–резидентом, прилагается. Сумма же, начисленная свыше означенной, должна обеспечить Наоре сносное существование до

тех пор, пока условленный тем же договором ангажемент будет ей устроен, что будет непременно сделано к осени, когда откроется новый театральный сезон… Далее следовало стандартное «с почтением…», «за сим позвольте…», прочие положенные «разрешите выразить… и откланяться…» и — полное поименование Рет — Ратуса и собственноручная его подпись: две быстрые буквы «Р», перекрытые гербовой печатью.

Под печатью на оставшемся свободным месте было приписано быстрым почерком:

«Наора! Поручик Гайял доставит тебя до Столицы и поможет с багажом и устройством на месте по твоему выбору. Я хотел было выбрать для тебя пансион по своему вкусу, но, припомнив некое обстоятельство, передумал. Хотя я и не одобряю твоего выбора, но взял на себя смелость снять для тебя вполне приличный номер в известной тебе гостинице и оплатить проживание в нем на месяц вперед. Гардеробом герцогини, что находится у тебя, можешь распоряжаться. Драгоценности передай поручику» — и тот же росчерк.

Наора прочла и задумалась.

Из задумчивости ее вывел голос поручика Гайяла:

— Простите, сударыня. Вы уже прочли?

— Что? Да, поручик, — ответила Наора и согнала с лица легкую, неведомо откуда появившуюся на губах улыбку.

— Вы принимаете предложение?

— Да, конечно! — поспешно ответила Наора.

— И то, которое исходит лично от господина эрст–резидента? — уточнил он.

Наора кивнула.

— Тогда позвольте, — Поручик взял из ее руки листок и сунул в пламя камина; туда же последовал конверт, из которого он вынул деньги и любезно вернул Наоре. Потом кочергой аккуратно разворошил оставшийся пепел. — У вас есть багаж?

— Да, два больших чемодана, — ответила Наора.

— Два больших арафских чемодана? — понимающе улыбнулся догадливый поручик.

Она кивнула, и поручик крикнул в коридор:

— Эй, хозяин! — Хозяин появился незамедлительно. — Дама уезжает со мной. Багаж отправите дилижансом в Столицу вот по этому адресу, — поручик достал из кармана записную книжку и позолоченным карандашом чиркнул несколько слов, выдернул страницу и протянул хозяину.

— Ладно, сделаем, — хозяин почесал нос. — Только вечерний дилижанс уже, пожалуй, ушел.

— Хорошо, тогда завтра, — согласился Гайял и обернулся к

Наоре. — Сударыня, сколько вам надобно времени на сборы?

— Полчаса, — сказала Наора.

— Тогда прошу вас, — поручик с легким поклоном распахнул перед ней дверь.

Сборы заняли даже меньше времени. Наора пошвыряла в сумочку герцогини деньги и несколько вещиц, которые могли бы понадобиться в ближайшие сутки, обулась в меховые ботики и задумалась: не песцовый же палантин одевать в дорогу. Потом вспомнила, что видела в одном из чемоданов замшевый казакин якобы кавалерийского образца — зачем он мог понадобиться в Арафе Прекрасной Герцогине, Наоре было невдомек. В казакине, пожалуй, прохладно, но авось не замерзнет. Она обмотала голову шарфом, и, уже взявшись за ручку двери, вспомнила о драгоценностях. Вернулась к чемодану, достала из него шкатулку и, не удержавшись, открыла полюбоваться в последний раз.

Спустившись вниз, она протянула шкатулку поручику:

— Это для господина Рет — Ратуса.

Офицер задумчиво посмотрел на изящное изделие, потом бросил хозяину:

— Сумку, что ли, какую найди.

Хозяин кивнул и посмотрел на Наору.

— Вы так и собираетесь ехать, сударыня? А как же ваша ротонда?

— Ротонда? _ переспросила Наора.

— Она у меня в холодном чулане хранится. Одну минутку.

Он исчез и скоро вернулся, неся в охапку меховую ротонду, в которой когда–то давно — о, будто годы назад! — Наора приехала в Арафу изображать Прекрасную Герцогиню. Наора сняла казакин и надела ротонду.

Хозяин тем временем протянул поручику Гайалу клеенчатую кошелку, с какими хозяйки ходят на базар.

— Ты что? Ничего приличнее найти не мог?

— Так что ж мне прикажете, раскопки устраивать? — возмутился хозяин. — Берите что дают.

Поручик с тихим ворчанием поставил шкатулку в кошелку и, благо место еще оставалось, сунул туда же свернутый казакин.

— Вы готовы, сударыня? Тогда прошу…

…Наоре снилось, что она едет куда–то с Хастером. Положив голову ему на плечо. И его рука обнимает ее плечи, а вторая сжимает ее ладонь…

Она проснулась, но сон, казалось, продолжался — ее голова на плече, ее ладонь в руке. Наора повернула голову, выглядывая из–под капюшона, но мужчина, чья рука так нежно обнимала ее плечи, не был Хастером. Рядом, откинувшись на спинку, сидел

поручик Гайал и, прикрыв глаза длинными ресницами, мечтательно улыбался.

Наора зашевелилась и осторожно высвободилась. Поручик деликатно убрал руку. Хорошенький, должно быть, вид у них был со стороны: молодой офицер после замечательно проведенной ночи везет из загородного трактира обратно на «цветочную аллею» уставшую девицу.

Было уже совсем светло, за деревьями мелькали дома.

— Где мы? — спросила Наора, пытаясь скрыть смущение.

— Считайте, уже Столица, — ответил поручик, глядя, собственно, не столько на окружающий пейзаж, сколько на Наору.

— Я так долго спала…

— Три часа, сударыня.

Наора стала поправлять ротонду, хотя особой необходимости в это не было. Поручик стал ей помогать.

— Благодарю вас, Гайял, — сказала Наора смущенно.

Она впервые назвала поручика по имени, и совершенно напрасно сделала. Тот истолковал это по–своему и, призывно глянув на девушку окаймленными большими пушистыми ресницами глазами, сказал негромко:

— Могу я осмелиться пригласить вас куда–нибудь сегодня вечером?

— Нет! — отрезала Наора и отвернулась к окну.

Поручик за ее спиной легонько пожал плечами.

Обустройство заняло совсем немного времени. Когда они вошли в подъезд, украшенный вывеской «Герб с трилистником» и увенчанный настоящим щитом с означенным гербом — причем, выходя из кареты, Наора демонстративно не заметила предложенной ей руки, — поручик тут же подошел к стойке, коротко переговорил со служителем и, вернувшись с ключами, предложил Наоре следовать за собой. Наора последовала.

И все время, пока они поднимались по лестнице, шли коридором — даже раньше, едва она вышла из кареты, едва ступила на землю и потом, пока ждала в холле, внизу, — Наора невольно оглядывалась по сторонам, и сердце ее трепетало. Нет, конечно, это глупо, надеяться вот так вот, прямо сейчас, прямо здесь встретиться с Хастером. Да и время урочное, он уже наверное ушел. А может, и не ушел, может, он спит вот за этой дверью… или за этой…

За той дверью, возле которой они остановились, Хастера быть никак не могло. Потому что поручик вставил в замок ключ, повернул его два раза и, открыв, замер на пороге ожидая.

Наора вошла. Комната была больше, чем ее «апартаменты» в «Ежике», и первой ее мыслью было опять же: «У Хастера,

наверное, тоже такая»…

В таких номерах Наоре жить не доводилось: сразу было видно, что это приличная гостиница для приличных людей. Освещенная широким окном комната была обставлена скорее как гостиная; кровать стояла в довольно просторном алькове, отделенном тюлевой занавеской.

Наора сбросила ротонду в кресло и подошла к окну. За окном был бульвар и река. За рекой поднимались башни Императорского Дворца и, вдали, виден был купол Пантеона.

Поручик так и остался стоять в дверях. Наора не стала его приглашать. Вот еще! Опять возомнит что–нибудь не то. Она обернулась и произнесла тоном Прекрасной Герцогини:

— Благодарю вас, поручик. Вы можете быть свободны.

Поручик понял. Он поднял сумку, вынул оттуда казакин:

— Это ваше, сударыня.

При этом он старался не смотреть на Наору, и та отвечала ему тем же.

— Благодарю, — Наора взяла казакин и положила его на кресло поверх ротонды.

— Имею честь откланяться, — сказал поручик.

Наора кивнула, щелкнули каблуки, но дверь не закрылась. Выждав несколько секунд и быстро надев на лицо маску «Прекрасная Герцогиня сердится», Наора резко подняла голову и обожгла непонятливого поручика холодным взглядом:

— В чем дело, поручик?

— Простите, сударыня, — сказал тот, прикрываясь своими ресницами и розовея. — Прошу вас извинить мою неподобающую дерзость. Смею вас заверить…

— Вы свободны, поручик! — перебила его маска Прекрасной Герцогини. — До свиданья. — И Наора отвернулась окончательно.

За ее спиной щелкнули каблуки, скрипнула дверь и донеслись приглушенные удаляющиеся шаги.

Наора подождала, пока они удаляться и совсем стихнут, и засмеялась.

И смеялась она вовсе не над незадачливым поручиком. Он был только причиной ее смеха, поводом. Она смеялась, потому что все кончилось. Все! Вот она одна и может идти куда захочет. Может пойти погулять, может не пойти — и никто не остановит ее, не скажет «вам не следует ходить сюда, сударыня», не глянет исподлобья тяжелым взглядом…

Смеяться она перестала так же резко, как и начала. Маленькая, облегчительная истерика кончилась. Стало действительно легче, словно поплакала. Теперь можно было начинать что–то делать.

Раскладывая по ящикам необходимые вещички, раскрывая дверцы шкафа, деятельно заглядывая в уголки, словом, обживаясь на новом месте, Наора думала, что делать дальше. Собственно, ей было ясно что. Надо было написать письмо… нет, короткую записку Хастеру: мол, я в Столице, и если вы желаете, то можете найти меня… Снова нет. Нельзя ему называть адрес. Это нескромно. А то подумает, как этот симпатичный поручик… Надо назначить ему встречу. Да!.. Но где? Она ведь не знает Столицы… Значит, надо сначала выйти и поискать — чтобы это было где–нибудь рядом, но не очень близко…

Приняв это решение, Наора уже стала надевать казакин, но замерла. Нет, это тоже как–то… Назначают свидание кавалеры дамам, а если наоборот, то это и называется иначе… Мало ли, что *это* уже было между ними! Это у нее, у Наоры это было с ним и осталось _ а у него? Может быть, прав Рет — Ратус, и таких наор у него двенадцать на дюжину… Нет, надо сначала убедиться!

Недоодетый казакин сполз с плеча на пол, и Наора опустилась в кресло.

Что же делать?

И тут на нее нашло озарение: она знала, как надо поступить!

Наора бросилась к стоящему в углу небольшому бюро, на котором кто–то заботливый оставил письменный прибор, полдести писчей бумаги и даже дюжину конвертов, по дороге чуть не споткнулась о казакин, села, опробовала перо и начала писать.

Так сразу письмо ей не далось. Прежде она испортила четыре листа и порядочно изгрызла кончик пера. В результате получился следующий короткий текст:

«Хастер!

С недавнего времени я нахожусь в Столице, где, видимо, пробуду еще некоторое время. Если ты еще хочешь встретиться со мной, то можешь оставить записку у портье твоей гостиницы. Я непременно загляну туда, когда буду рядом, и назначу место и время встречи в зависимости от обстоятельств.

Наора.»

Наора перечитала текст несколько раз, вычеркнула слово «еще» и решила: да, именно то что нужно — достаточно сдержано, прилично, хотя и холодновато, конечно… Но иначе нельзя. Она не будет навязываться. Мало ли чего ей хочется! Надо соблюдать приличия… Она вздохнула. Придется, конечно, потерпеть. Как минимум до завтра. Но ведь она может и подождать, постоять возле Политехнической школы и посмотреть, как он поведет себя. Вот тогда все станет ясно!.. Когда у них кончаются занятия? Ах, ничего–то она не знает!.. Но сейчас еще

рано, наверняка рано. Она успеет…

Наора переписала еще раз набело, с чувством проутюжила листок пресс–папье, вложила письмо в конверт, запечатала его, надписала: «Тенедосу Хастеру, Политехническая школа», почистила перо, поставила его и, убедившись, что чернила высохли, пошла одеваться. Посылать письмо по почте она не собиралась. Ждать еще сутки в неведении у нее просто не хватило бы сил! А отнести его самой и отдать служителю — это и прилично, и быстро. Мало ли по какой причине она оказалась здесь? Проходила мимо, случайно.

Она положила конверт в сумочку, глянула в зеркало, вышла в коридор, закрыла дверь на ключ и медленно пошла по коридору, все–таки надеясь, что сейчас откроется одна из дверей и… — этого не случилось. Она спустилась в холл, и, отдавая ключ, замешкалась.

— Вам что–нибудь угодно, сударыня? — предупредительно привстал портье, заметив ее заминку.

Больше всего ей хотелось спросить, в каком номере проживает господин Тенедос и дома ли он, но она с обаятельно–смущенной улыбкой поинтересовалась, не подскажет ли любезный портье, где находится Политехническая школа? Портье был рад услужить столь милой провинциалке и объяснил все очень подробно.

— Это совсем близко, всего в нескольких кварталах. Сейчас вы выйдете на бульвар, свернете налево, и по первой же улице пройдете до храма с колокольней и курантами, а сразу за ним, но по другую сторону улицы, будет старинный дом с колоннами. Это Школа и есть.

Наора поблагодарила и вышла на бульвар. Несколько минут она стояла у входа, наслаждаясь нахлынувшей свободой и глядя на раскинувшееся перед ней шумное торжище, но почтительный швейцар спросил, не подозвать ли извозчика, и она, отрицательно качнув головой, пошла, следуя указаниям портье.

Улица, по которой она шла, у самого бульвара была узкой, но далее понемногу расширялась и у самого храма с колокольней и курантами сливалась с еще одной; напротив большого дома с колоннами она становилась настолько широкой, что здесь без труда могли разъехаться три кареты.

Перепутать Политехническую школу с чем–то другим было невозможно: на ступенях дома с колоннами сидел, пригорюнясь, скорбный похмельем студент. Наора поспешила прошмыгнуть мимо, но несчастный даже не заметил ее существования.

Она вошла в пустынный вестибюль и огляделась: должен же здесь быть швейцар или какой–нибудь служитель.

— Что угодно барышне? — услышала Наора и быстро обернулась.

Привратницкая оказалась позади нее, у самого входа; пожилой служитель сидел боком к ней за столом и что–то, кажется, шил; на шаги в вестибюле он оглянулся сразу, но не окликнул Наору — просто с любопытством разглядывал неведомую посетительницу. Теперь они разглядывали друг друга оба. Привратник был невысокий сутуловатый старик с седой бородой. Немного грузноватый, но не полный. Одет он был в простой сюртук, поверх которого на нем была надета длинная теплая безрукавка мехом внутрь, больше смахивающая на доху с просто отрезанными рукавами и без воротника; шею под бородой обматывал длинный шарф, забавно свисающий одним концом на спину, вторым вперед. На голове старика была надета круглая профессорская шапочка, да и сам он был чем–то похож на отставного профессора. Тем более что половина его малюсенькой комнатки была завалена старыми, сильно потрепанными и тоже явно отставными фолиантами, один из которых лежал раскрытым перед ним на столе.

— Что угодно барышне? — повторил старик, и Наора встрепенулась и ответила несмелой улыбкой:

— Я бы хотела передать письмо одному из студентов, господину Тенедосу Хастеру.

— А, как же, знаю такого, — ответил служитель, и аккуратно положив на стол большую иглу, от которой к раскрытой книге тянулась толстая нить, поднялся: легко так поднялся, хотя на вид ему было больше шестидесяти. — Прошу?

Старик протянул руку, и Наора поспешила достать из сумочки конверт, заодно нашарила в кошельке мелкую монету.

— Буду рад услужить, — служитель сунул монету в карман своей безрукавки, а конверт вложил в ячейку стеллажа, где была разложена почта.

Наора быстро поблагодарила его и взялась за ручку тяжелой двери, но остановилась. Хастер был здесь, где–то в этом большом здании. И его можно будет увидеть — просто так: взять и увидеть. Решение пришло мгновенно.

Она отпустила ручку, повернулась к служителю и сквозь шум крови в ушах услышала свой голос:

— Простите, а может быть…

— Ну что ж, подождите, — догадался привратник. Он внимательно смотрел на нее. — Он сейчас здесь, на семинаре. Занятия кончаются, — старик прищурился куда–то на стенку, где наверное висели невидимые Наоре часы, — через двадцать минут. Проходите вот ко мне сюда, барышня, присядьте, а то тут больше

негде.

Наора кивнула и присела на предложенный стул, что стоял с другой стороны стола.

Отставной профессор–привратник вернулся к своим делам.

Чтобы отвлечься от своих мыслей, Наора стала осматриваться. Да, на противоположной стенке возле окна действительно находились часы. Тоже, наверное, отставные, но судя по мерному движению маятника, еще тикающие. А больше здесь ничего не было, кроме стопок старых книг и стола. Стол был аккуратно заставлен склянками с какими–то беловатыми и полупрозрачными составами, из которых торчали кисточки, тут же в раскрытом кожаном футляре лежали разные инструменты: пара ножниц, несколько экзотического вида ножей, шило, металлическая линейка, какие–то пилки, небольшой деревянный молоточек и еще что–то совсем непонятное. И сама книга, над которой колдовал привратник, не просто так лежала на столе, а была разложена двумя стопками — старик, оказывается, аккуратно сшивал ее: он брал из одной стопки книжную тетрадку, раскрывал ее посередине, осматривал сгиб изнутри, клал на другую стопку, растянутую на странной таком деревянном станочке с вертикальной рамкой, на которой были натянуты несколько толстых нитей, выравнивал и, протыкая иглой с нитью потоньше, чем натянутые на раме, но тоже довольно суровой, соединял с уже сшитыми тетрадками, делая так, чтобы натянутые на раме нити оказывались прижатыми к торцу уже сшитого книжного блока. У края блока старик, узелком привязывал нить к предыдущей, откладывал иглу и брал следующую тетрадку; многие листы были аккуратно заклеены в порванных местах, а недостающие кое–где буквы где надо свежедописаны. Наора следила за ловкими и неторопливыми движениями с любопытством.

— А потом я промажу торец клеем, вот этим, белым, дам подсохнуть, подклею вот эту тряпицу, чтобы за переплет держалось хорошенько, ниточки распушу и тоже подклею, дам подсохнуть, потом зажму блок в струбцинку и подрежу, чтобы было красиво и ровно, — начал рассказывать старик, заметив Наорино любопытство: монотонно, неспешно и с явной любовью к своему занятию, — Потом наклею вот тут и тут капталы, чтобы гляделось красиво, отрежу тесемочки красивой и приделаю закладку… а то некоторые, понимаешь, страницы загибать норовят, варвары, им бы вот самим кое–что загнуть да так и оставить, простите, сударыня, — сердито пробубнил он, и опять прежним умиротворительным тоном: — И займусь переплетом. Картонки вырежу, кожу подберу… одежку, то есть… — Старик

замолчал и поднял на Наору глаза. Они были лучистые, улыбающиеся и чуточку хитрые. — Нравится, барышня?

— Да! — радостно–откровенно согласилась Наора. — Я никогда не видела, как книги делают. И у вас так ловко получается! Это… это как штопать чулки, только гораздо интереснее!

Старик тихонько засмеялся:

— Не любите, барышня, штопать чулки?

— Очень! — призналась Наора с чувством.

— А по вам и не скажешь, что вам хоть что–то штопать доводилось, — сказал старик, оглядывая наследство Прекрасной Герцогини.

Наора смутилась:

— Вы по одежде судите? Это не мое. Это мне… это по случаю досталось. Просто повезло. — Она вздохнула.

Старик закивал.

— Бывает, барышня. Я вот сразу заметил — руки–то у вас хоть и ухоженные, да не барские. Работать этими ручками вы умеете.

Наора автоматически спрятала ладони.

— Да нет, — заметил это старик, — стесняться не надо. Я к тому, что сразу понял, что вы барышня не из таковских… Ну, вы меня понимаете. А то заходят, бывает, ни стыда у них нет, ни совести. Я таких за версту чую, и гоню. Не положено здесь посторонним барышням ошиваться.

Наора покраснела и быстро встала со стула, но старик тут же бросил иглу и замахал на нее руками:

— Что вы, что вы! Я же не про вас! Вам — можно. Я же вижу… Сядьте, пожалуйста, и не обижайтесь на старика.

Наора поколебалась, но старик, похоже, действительно разволновался не на шутку, и она села.

Повисла неловкая пауза. Судя по часам, до окончания уроков оставалось совсем немного.

— А я вот подрабатываю на досуге, — снова заговорил старик. Видно было, что ему хочется загладить неловкость. — Да и что делать–то одинокому? Вот и шью–клею. Люблю я это дело. И людям польза, и мне приработок малый. — Он поднял на Наору глаза, словно ожидая.

— Да, понимаю, — ответила она. — У меня вот тоже сейчас денег немного скопилось, а работы пока нет. Я ведь актриса, — зачем–то призналась она, — а только без места сейчас — сезон кончается, никто меня не возьмет до осени. Вроде бы и не нуждаюсь, а все же скучно без дела сидеть.

Старик улыбнулся:

— Вот я же говорю, что вы барышня правильная. Мало ведь кто так сейчас рассуждает, особенно из барышень. Им бы… — начал было он, но осекся. — Вы уж простите меня еще раз, — сказал он обезоруживающе. И вдруг оживился: — А хотите, я вас к месту пристрою? В библиотеку нашу? Это здесь, недалеко… Будете помогать там книжки реставрировать. И не обременительно, не тяжело для барышни, а платят там достаточно. Книжки тоже дают читать, — подмигнул старик озорно. — Вы ведь, небось, читать тоже любите?

— Люблю, — ответила Наора.

— Вот и будете читать в свой достаток! — обрадовался старик. — Вы не думайте, что раз библиотека Политехнического музеума, так там одни учебники да штудии хранятся. О–о–о! — потряс старик поднятым пергаментным пальцем. — У нас самая большая библиотека во всей Столице! Да что в Столице — во всей Империи, а значит, почитай и во всем мире поднебесном!

— А можно? — Наоре предложение старика пришлось по душе.

— Почему нельзя? — важно ответил тот. — Я поговорю с кем надо, так что не сомневайтесь! Вы подойдите ко мне как–нибудь на днях, если не передумаете, я всегда здесь… — Он замолчал и прислушался. Часы на колокольне с курантами отбили четверть. Старик глянул на часы, уточняя, произнес: — Ну вот и перемена подошла. Вы, барышня, обождите тут, я его позову.

— Нет, нет! — заволновалась Наора; кровь снова застучала в ушах. — Не говорите ему ничего, хорошо?

— Ну, как знаете. — Старик пожал плечами, взял со стола большой колокольчик и пошел по коридорам, громко возвещая сквозь звон: — Перемена, господа студенты! Перемена!..

Наора крепко сжала тут же вспотевшие ладони, потом вспомнила о ненужном уже письме и выдернула его из стеллажа. Да так и замерла, забыв о нем…

Кажется, не успел привратник во второй раз тряхнуть колокольчиком, а старинное здание уже наполнилось гулом голосов и топотом ног — теми особенными возбужденными и жизнерадостными звуками, какие производят вырвавшиеся из тишины аудиторий толпы молодых людей.

Наора нервно встала. Сейчас, трепетало ее сердце, сейчас…

Она судорожно искала глазами знакомое лицо среди мелькающих молодых людей в одинаковых куртках. Она даже стала опасаться, что не заметит, не увидит его.

И тут же увидала.

Хастер сбегал по широкой лестнице со второго этажа, оживленно разговаривая с кем–то и помахивая зажатой в руке

толстенной тетрадью. Судя по всему, он был весело возбужден и вполне доволен жизнью. Наора невольно закусила губу. А чего она хотела? Чтобы Хастер был меланхолично бледен, осунулся, с кругами под глазами, молчаливо задумчив и вообще погружен только в себя. А как же иначе…

Наора смотрела на него уже минуту, и боялась, что вот–вот он возьмет да и уйдет, а он ведь ее даже не заметил… Веселые его глаза смотрели куда угодно, только не туда, куда следовало.

Сердце Наоры замерло: Хастер, прощаясь, помахал рукой другу, который выскочил на улицу, и его взгляд едва не скользнул по ней, но… он быстро отвернул голову — видимо, его окликнули — и присоединился к небольшой компании на лестнице, откуда тут же донеслись громкие взрывы хохота.

Хастер стоял почти что лицом к ней, но вместо нее смотрел на отчаянно жестикулирующего парня перед собой, и Наора напряженно следила за ним. Ну же! Ну!! Заметь же, наконец!!! Что же, так и не заметит ее?!! Другие же замечали: оглядывались, пробегая мимо привратницкой, поднимали брови, легонько присвистывали, усмехались, даже окликать пробовали… А он…

Хастер слушал, как Ортис Лагар размахивая руками втолковывает ему, что все эти механические чудовища, которые проректор называет — ха! — вычислительными машинами будущего — три ха–ха! — устарели, едва появившись на свет, морально устарели, потому что они ведут в тупик, из которого человечество не сможет выбраться сотни лет, который, если двигаться путем, указываемым отцом Бахари, вместо развития прогресса, затормозит его или вовсе отбросит назад, что надо смотреть не на шестеренки и рычаги, а на магнетизм и давно и успешно применяемое в Таласе гальваническое электричество…

Хастер слушал и кивал, потому что хотя и не был уж вовсе согласен с приятелем, но что–то в этом было рациональное. Впрочем, Ортис всегда слыл заоблачным мечтателем и не мог предоставить никаких конкретных доказательств, хотя бросался в споры рьяно и был побиваем в них железными аргументами того же отца Бахари, который хоть и ценил способности и даже несомненный математический дар Ортиса, но не одобрял его мечтаний. Хастер бы и сейчас с удовольствием поспорил бы… Но что–то не давало ему сосредоточится, что–то мешало ему, Что–то мимолетное, но такое важное… И продолжая слушать и кивать, Хастер рассеянно поводил глазами вокруг, в поисках источника этого странного раздражения.

— …Вот где будущее! — вещал Ортис, потрясая своей тетрадью. — Не здесь, — он притопнул по мрамору коридора, — а там, в Таласе… Да что с тобой, Тенедос? Хастер, я ведь с тобой

разговариваю!.. Да ты с ума…

Договорить Ортис не успел. Потому что Хастер грубо отпихнул его в сторону и ринулся вниз, к привратницкой.

Наора увидела, и сердце ее замерло.

Хастер остановился в шаге от нее.

— Ты?

Наора кивнула. Вот и все. А она боялась, хотела проверить его, дурочка. А чего же тут проверять?

Вот он. Ее Хастер.

Она улыбнулась, не отводя взгляда от его горящих глаз.

Они молчали.

Говорили глаза.

«Ты здесь! Ты любишь меня!..»

«Да! Да, да, да…»

Он на мгновение закрыл глаза и выдохнул:

— Наконец–то!

Пальцы Наоры смяли такое ненужное письмо в ненужном конверте и медленно разорвали бумагу напополам.

Потом еще раз.

И еще…

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА